ИВАН

БРЕМЯ ЦАРСТВА

Том 1

Книга первая

Сирота на престоле

Аксель Панцер

Аксель Панцер

Иван. Бремя царства. Том 1. Книга 1. Части 1, 2. Сирота на престоле

«Автор»
2026

Панцер А.

Иван. Бремя царства. Том 1. Книга 1. Части 1, 2. Сирота на престоле / А. Панцер — «Автор», 2026

Ему было три года, когда умер отец. Семь — когда он потерял мать. Но ещё до того, как Иван научился понимать цену власти, от его имени уже вершили судьбы людей.Москва XVI века. На великокняжеском престоле — ребёнок, вокруг которого сходятся честолюбие бояр, страх перед изменой и борьба за будущее государства. Елена Глинская пытается защитить сыновей и удержать страну от распада. Пока в Кремле заключают союзы и выносят приговоры, на границах гремит война, мастера возводят стены, а простые семьи расплачиваются за решения сильных мира сего.Кем станет мальчик, у которого отняли самых близких? Что останется в его памяти — материнская любовь, чужие предательства или первые уроки беспощадной власти?«ИВАН. БРЕМЯ ЦАРСТВА» — масштабный исторический роман о времени, когда рождалась судьба будущего царя. Без готовых приговоров и привычных ярлыков. Здесь история России предстаёт через живых людей, их страх, мужество, любовь и выбор.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Иван. Бремя царства. Том 1. Книга 1. Части 1, 2. Сирота на престоле

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ИВАН. БРЕМЯ ЦАРСТВА
Исторический роман
ТОМ ПЕРВЫЙ
Книга первая
СИРОТА НА ПРЕСТОЛЕ
Часть первая. «Наследник»

Часть вторая. «Последняя защита»

ОТ АВТОРА

Есть исторические имена, которые мы произносим вместе с готовой оценкой. Иван Васильевич, вошедший в память потомков как Иван Грозный, — одно из них. Стоит заговорить о нём, и почти неизбежно возникает спор: великий государь или жестокий властитель, созидатель или разрушитель. За противоположными суждениями легко потерять живого человека — того, кто родился в определённую эпоху, вырос среди её людей и прожил долгую, противоречивую жизнь.

Я взялся за этот роман не для того, чтобы присоединиться к одной из спорящих сторон. Мне не хочется писать ни оправдательную речь, ни обвинительное заключение. Я не ставлю перед собой задачи доказать, что Иван был «хорошим» или «плохим». Такие определения слишком тесны для человеческой судьбы, особенно для судьбы государя, чьи решения меняли жизни множества людей. Понять не значит оправдать. Но и судить, не пытаясь разобраться, откуда возникали убеждения, страхи и представления человека о власти, мне кажется недостаточным.

Поэтому я начинаю рассказ не с царского венца, не с побед и поражений, по которым обычно судят об Иване Четвёртом. Я начинаю с рождения ребёнка, которого долго ждали в великокняжеской семье. С дома, где жили его родители, с голосов, которые он слышал, с рук, которые держали его, когда он ещё не умел ходить. Прежде чем стать царём, он был сыном, братом, учеником, мальчиком, пытавшимся понять поступки взрослых. У него были привязанности и обиды, радости и страхи. И всё это происходило в самой гуще истории.

Мне важно показать, как события эпохи входили в жизнь Ивана. Смерть близкого человека для ребёнка не является политическим событием, хотя вслед за ней может перемениться управление страной. Боярская распря выглядит сначала не борьбой родов, а исчезновением знакомого лица. Государственная власть открывается в горьком противоречии: тебя называют великим князем, но твою просьбу могут не исполнить. Из таких переживаний складывается память. Я не считаю, что детские потери заранее определяют поступки взрослого. Но обойти их стороной — значит потерять важную часть его жизненного опыта.

История не сводится к судьбе одного государя. Её создают и те, кто окружает престол, и те, кто никогда не бывал в княжеских палатах. Мать, пытающаяся защитить сыновей и удержать власть. Боярин, который видит в собственном честолюбии государственный долг. Воевода, отвечающий за людей на границе. Дьяк, от точности которого зависит чужая судьба. Мастер, возводящий крепостную стену. Кузнец, которому нужно прокормить семью. Все они

живут в одном времени, но видят его по-разному. Мне хотелось дать им не только голос, но и право на собственные сомнения, ошибки и решения.

Я не хочу изображать людей шестнадцатого века ни нашими современниками в старинных одеждах, ни неподвижными фигурами с исторических миниатюр. Они любили детей, боялись за близких, дорожили честью, искали справедливости, стремились к власти. Но жили при иных обычаях, в мире, где долг, родство, присяга и государева служба имели особую силу. Это различие необходимо понимать. И всё же особенности времени не освобождают человека от ответственности за причинённое им зло.

Исторические источники не сохранили всех разговоров и не открыли сокровенных мыслей людей прошлого. В летописях и документах остались имена, даты, известия о событиях, порой — противоречивые свидетельства. Там, где источники молчат, начинается художественное воображение: возникают беседы, бытовые подробности, личные переживания. Я стараюсь не нарушать известную историческую канву, но не выдаю литературную реконструкцию за документ. Перед читателем роман, а не историческое исследование; его право на вымысел не отменяет обязанности бережно обращаться с фактами.

Мне интересно наблюдать за человеком в движении. Никто не рождается с готовым характером. Каждая встреча, потеря, принятое решение что-то меняют. Одни обстоятельства воспитывают стойкость, другие ожесточают. Один человек может оказаться способным и на великодушие, и на жестокость. Не следует стирать эти противоречия ради удобного вывода. Мне интересен Иван не как символ, который надо защитить или ниспровергнуть, а как человек, чью жизнь следует увидеть изнутри его времени.

Я не прошу читателя заранее принять определённую оценку царя. Пусть он сомневается, сочувствует, спорит с героями, не соглашается с их поступками. Если за громкими именами ему откроются живые судьбы, а за государственными решениями — люди, которым пришлось нести их последствия, значит, работа была не напрасной.

Я пишу эту книгу ради попытки понять человека через его эпоху. Увидеть не только царя, которого помнит история, но и мальчика, которого она однажды поставила на престол.

Аксель Панцер

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. НАСЛЕДНИК 1
Пролог. Ожидание 1
Глава 1. Долгожданный сын 31
Глава 2. Отцовский дом 62
Глава 3. Младший брат 105
Глава 4. Под сводами Кремля 146
Глава 5. Болезнь государя 182
Глава 6. Последняя воля 228
Глава 7. Трёхлетний государь 262
Часть вторая. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАЩИТА 303
Глава 8. Женщина у власти 303
Глава 9. Родная кровь 344
Глава 10. Человек, которому доверяют 387
Глава 11. Новые деньги 450
Глава 12. Стена для Москвы 492
Глава 13. На западной границе 543
Глава 14. Старицкий князь 592
Глава 15. Последние дни 657
Глава 16. Сирота 704

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАСЛЕДНИК
ПРОЛОГ
ОЖИДАНИЕ

Москва. Август 1530 года.

К исходу августа московские ночи становились прохладнее. Днём солнце ещё припекало кровли, нагревало белый камень кремлёвских соборов, сушило грязь на дорогах, но перед рассветом над Москвой-рекой уже поднимался холодный туман. Он медленно заполнял низины, прятал противоположный берег, забирался между деревянными строениями посада и рассеивался лишь тогда, когда первые солнечные лучи достигали куполов Успенского собора.

В Кремле просыпались раньше, чем на посадских улицах. Сторожа сменялись у ворот, конюхи выводили лошадей, дворовые люди носили воду и дрова, повара разводили огонь, готовясь кормить многочисленную дворцовую челядь. Под сводами переходов раздавались осторожные шаги. Двор постепенно наполнялся привычными звуками, но в эти дни всякий разговор, едва касавшийся великокняжеских покоев, невольно становился тише. Великая княгиня Елена Васильевна ожидала ребёнка.

О том знали все — от митрополита и ближайших бояр до последней прачки, которой поручалось стирать бельё для княжеской семьи. В церквах молились о благополучном разрешении от бремени. По монастырям отправляли вклады и просили братии совершать молебны. У дворцовых женщин прибавилось забот, у лекарей — тревог, а у государевых приближённых появились причины чаще, чем прежде, собираться небольшими группами и вести разговоры, которые прекращались при появлении посторонних. Дело было не только в предстоящих родах.

Великий князь Василий Иванович правил Московским государством уже почти четверть века. Ему перевалило за пятьдесят. За эти годы он присоединил к своим владениям новые земли, воевал, мирился, отправлял послов, вершил суд, наказывал непокорных князей и заставлял соседних государей считаться с волей Москвы. Его распоряжения исполнялись от северных монастырских волостей до южных пограничных городов. Но оставалось одно дело, перед которым были бессильны и княжеские полки, и богатая казна, и даже привычная уверенность государя в собственном праве повелевать.

У Василия Ивановича не было сына.

Четыре года назад он женился во второй раз, и с тех пор каждая зима приносила новое ожидание, а каждая весна могла закончиться разочарованием. Теперь же, когда признаки близкого рождения ребёнка были несомненны, при дворе старались не говорить о прежних тревогах. Но забыть их было невозможно. В государстве, где порядок наследования затрагивал судьбы целых княжеских родов, ещё не родившийся младенец уже становился участником большой политики. Елена проснулась задолго до утреннего звона.

Спала она плохо. Ребёнок в последние дни часто шевелился, поясницу тянуло, ноги к вечеру отекали, и никакие мягкие подушки не помогали найти удобное положение. Служанки предлагали травяные настои, пожилые женщины давали советы, вспоминали собственные роды и наперебой уверяли, что всё пройдёт благополучно. Елена выслушивала их терпеливо, хотя за последние недели успела заметить: каждая считает необходимым сказать что-нибудь утешительное, но ни одна не может обещать того, чего она желает больше всего. Она осторожно повернулась на бок и прислушалась. За дверью кто-то прошёл, негромко звякнуло ведро. Потом послышался шёпот двух женщин. Одна сказала что-то о воде, другая велела поторопиться.

Елена прикрыла глаза. Ей хотелось ещё немного полежать в тишине, пока не начались неизбежные расспросы о самочувствии, не принесли завтрак и не явились женщины, которым надлежало следить за каждым её движением. Последние дни собственное тело словно пере-

стало принадлежать ей одной. Всякий вздох, малейшая перемена на лице, отказ от еды или желание пройтись вызывали тревогу, советы и попытки немедленно известить кого-нибудь из старших. С тихим скрипом открылась дверь.

— Государыня, не спишь?

Вошла Ульяна, пожилая постельница, приставленная к Елене ещё вскоре после её замужества. Невысокая, широкоплечая, с крепкими руками и внимательными серыми глазами, она обладала редким при дворе умением говорить только тогда, когда её спрашивали. Елена ценила её за это больше, чем за все остальные достоинства.

— Не сплю. Подойди.

Ульяна поставила свечу на небольшой столик и поправила сбившееся покрывало.

— Опять не дала тебе ночь покоя?

— Он и ночью не желает сидеть спокойно.

— Добрый знак. Значит, силён.

— Ты уже знаешь, что сын?

— А кому же ещё быть? — Ульяна улыбнулась. — Столько молитв вознесено.

Елена тоже улыбнулась, но ненадолго.

— Молитвы не только о сыновьях читают.

— Верно говоришь, государыня.

Постельница поправила подушку и хотела отойти, однако Елена удержала её за руку.

— Скажи мне, Ульяна, а если дочь?

Женщина помедлила.

— Дочь тоже Божье благословение.

— Ты мне не так отвечаешь.

Ульяна взглянула на неё внимательнее. Елена была молода, гораздо моложе великого князя, но за годы замужества успела усвоить, что далеко не всякий вопрос следует задавать прямо. Сейчас, однако, она смотрела на постельницу без обычной настороженности, как смотрят на человека, от которого не ждут притворства.

— Государыня, — медленно произнесла Ульяна, — дитя прежде всего живым да здоровым родиться должно. А прочее Господь рассудит.

— Господь рассудит, — повторила Елена. — Только люди Его суда ждать не любят.

Она отпустила руку постельницы и отвернулась к окну. За последние месяцы Елена не раз слышала, как женщины, уверенные, что она не слушает, рассуждали о поле будущего ребёнка. Одни ссылались на форму живота, другие на цвет лица, третьи вспоминали какие-то старинные приметы. Все без исключения желали ей сына. Девочку упоминали с осторожностью, словно даже предположение о её рождении могло навлечь неприятность.

Елена не обманывала себя. Её брак заключался не только потому, что великий князь пожелал взять молодую жену. Ему был необходим наследник. Об этом знали и при дворе, и за его пределами. Первая супруга Василия Ивановича прожила с ним двадцать лет, но детей не родила. Теперь она находилась в монастыре, а её место занимала Елена, племянница князя Михаила Глинского, происходившая из рода, ещё недавно служившего другому государю.

Поначалу ей казалось, что собственное положение она сумеет защитить умом, осторожностью и привязанностью мужа. Но время шло, детей не было, и каждое новое ожидание становилось тяжелее предыдущего. Она любила Василия Ивановича. Не той восторженной любовью, о которой поют на свадебных пирах, а привязанностью, постепенно возникшей между двумя людьми, совершенно не похожими друг на друга. Он был старше, сдержаннее, привык скрывать мысли и не терпел, когда ему противоречили без достаточных оснований. Елена была подвижна, любопытна, иногда говорила быстрее, чем следовало, и порой раздражала мужа вопросами, которые другие не осмеливались задавать. Но за годы совместной жизни они научились понимать настроение друг друга по мелочам, почти не замечаемым посторонними.

И всё же существовала между ними одна невидимая преграда. Елена знала, что муж ждёт от неё сына. Она хотела родить ему сына. Иногда ей казалось, что она желает этого даже сильнее, чем он сам. Но когда ребёнок начинал двигаться у неё под сердцем, все придворные расчёты отступали. Тогда она думала не о наследнике, а о маленьком существе, которое скоро увидит свет, закричит, потянется к её груди и будет нуждаться в ней больше, чем во всех богатствах и землях великого князя.

— Открой ставню, — попросила она.

Ульяна впустила в комнату утренний воздух. Над Кремлём занималась заря. На противоположной стороне двора слуга нёс охапку дров. Где-то внизу спорили конюхи, а от соборов уже доносились первые звуки колокола. Елена положила ладонь на живот.

— Ну что же, маленький, — тихо произнесла она. — Скоро увидимся.

Ульяна сделала вид, что не услышала. Василий Иванович в то утро тоже поднялся рано. В отличие от жены он спал крепко, но пробуждался сразу, без долгого лежания и утренней рассеянности. С годами привычка вставать до начала государственных дел стала почти необходимостью: именно в первые часы дня, пока ещё не собирались бояре и не приносили нескончаемые бумаги, он мог спокойно обдумать то, на что потом не хватало времени. Умывшись и совершив молитву, великий князь велел позвать дьяка, которому накануне поручил разобрать несколько дел.

За долгие годы правления Василий Иванович научился распознавать неискренность по тому, как человек начинал говорить. Одни чрезмерно хвалили его решения, другие старались угадать желание прежде, чем он успевал его высказать. Третьи предпочитали докладывать только хорошие вести, скрывая неприятности до последней возможности. Таких людей великий князь не любил, хотя прекрасно понимал, что полностью избавиться от них нельзя. Всякий двор собирает вокруг государя не только верных слуг, но и тех, для кого близость к власти становится способом устраивать собственные дела. Дьяк принёс грамоты, разложил их по порядку и остановился у стола.

Сначала говорили о пожаловании монастырю, затем о споре из-за земельного владения, потом о службе нескольких детей боярских. Великий князь слушал внимательно, задавал короткие вопросы и иногда требовал повторить прочитанное. Когда дело показалось ему недостаточно ясным, он отложил грамоту.

— Кто землю мерил?

Дьяк назвал человека.

— А челобитчики при том были?

— Про то в записи не сказано, государь.

— Так отчего же решать? Пускай прежде разберутся. А то один землю получит, другой станет ко мне с жалобой ездить.

Он подвинул бумагу обратно.

— Следующее.

За окнами светало. В комнату донёсся звук колокола, затем гулко ударила дверь в соседнем переходе. Дьяк продолжал читать, но Василий Иванович уже несколько раз ловил себя на том, что невольно прислушивается к шагам. Слуга вошёл, поклонился и сообщил, что великая княгиня проснулась, чувствует себя спокойно и велела передать государю поклон. Василий Иванович кивнул.

— Скажи, после обедни приду.

Когда слуга вышел, дьяк поднял следующую грамоту. Великий князь остановил его движением руки.

— После дочитаем.

Оставшись один, он подошёл к окну. На дворе шла обычная жизнь. Люди спешили по своим делам, не замечая, что государь смотрит на них сверху. Для каждого из них наступивший

день имел свой смысл. Кто-то надеялся получить жалованье, кто-то опасался наказания, кто-то собирался ехать в далёкую волость. Иные вовсе не думали о великом князе до тех пор, пока его воля не касалась их собственной жизни. Он слишком хорошо знал цену власти, чтобы ожидать от людей непрестанной благодарности. Государство держалось не на благодарности, а на службе, земле, суде, войске и порядке. За долгие годы ему удалось многое укрепить, но никто лучше самого Василия Ивановича не понимал, сколько оставалось непрочного.

При его отце московская власть выросла настолько, что с ней уже нельзя было обращаться как с властью одного из многих удельных князей. Василий продолжил это дело. Однако земли можно присоединить, крепости поставить, непокорного князя заставить признать старшинство, а вот обеспечить спокойную передачу всей власти оказалось труднее. Он вспомнил братьев. Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий имели свои владения, дворы, приближённых. Они были его родной кровью, но великокняжеская власть требовала осторожности даже в отношениях с ближайшими родственниками. Василий не сомневался, что каждый из них понимает значение возможной смерти старшего брата без прямого наследника. И не было нужды подозревать их в преступных намерениях, чтобы учитывать эту очевидную вещь.

Он прошёл по комнате и остановился перед образом. Многое пришлось ему совершить ради нынешнего порядка. Некоторые решения вызывали осуждение даже среди людей, привыкших покорно выслушивать великого князя. Особенно одно. Василий Иванович редко позволял себе вспоминать Соломонию Сабурову. Двадцать лет супружества не исчезали оттого, что прежнюю великую княгиню постригли в монахини под именем Софии. Одни при дворе говорили, что она сама пожелала уйти в обитель; другие, понижая голос, вспоминали о принуждении. Василий не хотел слушать ни тех ни других. Он считал, что династии необходим наследник, но знал также, что государево решение не способно заставить всех забыть судьбу его первой жены.

Разрыв первого брака вызвал споры, а второе венчание — новые разговоры. Были люди, которые не одобряли ни того ни другого. Василий слышал об этом и прежде, а теперь, когда ждали рождения ребёнка, понимал, что прежние разногласия сами собой не исчезнут. Он осенил себя крестом. Василий не искал оправдания перед людьми. Но перед образом стоял дольше обычного.

На Торгу тем временем уже шла торговля. Возы с зерном, рыбой, мёдом и дровами тянулись к торговым рядам, мешая друг другу на узких улицах. Лошади храпели, мотали головами, переступали копытами по сырой земле. Из лавок доносился стук, кто-то раскладывал товар, кто-то громко ругался с поставщиком, требуя пересчитать привезённые мешки. Между телегами пробирались женщины с корзинами, мальчишки таскали воду, торговцы зазывали первых покупателей. Москва жила своим обычным днём.

Мастер Фома, державший небольшую кузницу неподалёку от торговых рядов, стоял у раскрытой двери и наблюдал, как подмастерье раздувает горн. Фома был человеком крепким, широколицым, с обожжёнными предплечьями и бородой, в которой уже пробивалась седина. Недавно ему исполнилось сорок, и он всё чаще замечал, что после целого дня у наковальни поясница ноет сильнее, чем прежде.

— Не торопись, — сказал он подмастерью. — Железо ещё не дошло.

Тот перестал усердствовать с мехами и выпрямился.

— А если заказчик придёт?

— Придёт — подождёт. Не его же мы в горн суём.

Подмастерье усмехнулся, но, заметив приближавшегося человека, сразу принял серьёзный вид. Это был Степан, молодой торговец, с которым Фома знался уже несколько лет. Он принёс сломанный железный крюк от ворот и теперь, положив его на верстак, долго объяснял, как именно произошло повреждение. Фома выслушал его, осмотрел крюк и покачал головой.

— Новый сделать дешевле выйдет.

— А мне старого жалко.

— Так ты его дома над постелью повесь, коли жалко. Ворот он больше держать не станет.

Степан рассмеялся, затем обернулся к улице.

— Слышал, что в Кремле?

— Что там?

— Великая княгиня скоро родить должна.

— Это вся Москва знает.

— Говорят, мальчик будет.

— Кто говорит?

— Люди.

— Люди и не такое говорят.

Степан присел на лавку у двери. Ему хотелось поговорить, а Фома не спешил выгонять знакомого. До полудня оставалось ещё достаточно времени.

— А ведь ежели сын родится, спокойнее станет, — заметил торговец.

Фома поднял глаза.

— Кому?

— Всем. Государю прежде всего. Да и нам.

— Нам-то с чего?

— Как же? Наследник будет. Не станут князья друг с другом за власть спорить.

Фома взял крюк и повертел его в руках.

— Не станут, говоришь?

— А ты думаешь, станут?

— Думаю, что кому охота спорить, тот и причину найдёт. Хоть сын у государя, хоть дочь, хоть десять сыновей.

— Ты, Фома, всё на свой лад повернёшь.

— Я железо грею, Степан. Если оно кривое, от разговоров прямым не станет.

Он положил крюк на верстак и велел подмастерью принести уголь. Разговор был закончен, но Степан ещё долго сидел на лавке. Впрочем, не только ему хотелось узнать, что происходит за кремлёвскими стенами. В торговых рядах уже несколько дней обсуждали близкие роды великой княгини. Одни говорили, что государь обещал большие милостыни, другие будто бы знали, какие обеты давались в монастырях. Находились и такие, кто уверял, что сам слышал от дворцовых людей о приготовлениях к торжествам. Большинство этих рассказов нельзя было проверить. Однако все сходились в одном: если родится сын, Москва увидит большой праздник. Фома не участвовал в дальнейших разговорах. Он принялся за работу, и вскоре удары молота заглушили голоса с улицы.

Вечером его ждали дома жена и трое детей. Младшему едва исполнился год. Фома хорошо помнил, как трудно рожала жена в последний раз, и потому в разговорах о великой княгине думал прежде всего не о государственном наследнике, а о женщине, которой предстояло пережить родовые муки. Ему было всё равно, сколько вокруг неё лекарей, повитух и служанок. Он знал: когда приходит час родов, и богатые, и бедные одинаково ждут, чтобы мать и дитя остались живы. После утренней службы Василий Иванович задержался в церкви.

Митрополит Даниил, завершив богослужение, заметил, что великий князь не торопится уходить. Он хорошо знал Василия, хотя отношения между государем и первосвятителем не всегда были простыми. Великий князь уважал церковную власть, но требовал от её представителей не только молитв, а порой и решений, необходимых для управления государством. Сегодня он казался задумчивее обычного. Когда служители удалились, Василий подошёл к митрополиту.

— Владыка, скоро время придёт.

— Господь милостив, государь.

— Четыре года ждали.

— Ждали и прежде того.

Василий взглянул на него. Митрополит произнёс эти слова спокойно, без упрёка, но оба поняли, о чём идёт речь.

— Не о прежнем нынче говорить, — ответил великий князь.

— Я и не говорю.

Они молчали. Солнечный свет падал сквозь высокие окна, оставляя на каменных плитах светлые полосы. В церкви пахло воском и ладаном. Василий смотрел на иконостас, не спеша продолжать разговор.

— Скажи, владыка, много ли людей молится о том, чтобы сын у меня родился?

— Много.

— А сколько молится о другом?

Даниил повернул к нему голову.

— О чём же другом?

— Чтобы не было у меня сына.

Митрополит долго не отвечал.

— Не всякую человеческую мысль нам знать дано, государь.

— А иные и знать не требуется. Довольно посмотреть, кто чему радуется.

— Чужих мыслей не угадаешь. Можно и напрасно человека обидеть.

Василий слабо усмехнулся.

— Ты меня учишь осторожности?

— Осторожность государю нужнее, чем многим другим.

— Слышал я от тебя и иные советы.

— Когда надобно было, говорил и иное.

Великий князь провёл ладонью по бороде. Он знал, что Даниил поддержал его второй брак, когда вокруг этого решения было столько споров. Без участия митрополита всё могло сложиться иначе. Но теперь, ожидая наследника, Василий всё чаще возвращался мыслями к тому, как дорого обходится человеку исполнение даже самого необходимого решения.

— Елена боится, — произнёс он наконец.

— Первое дитя. Немудрено.

— Не родов одних боится.

— А чего ещё?

— Знает, чего от неё ждут.

Даниил кивнул.

— Так ты скажи ей, что прежде всего о её здравии печёшься.

— Говорил.

— Ещё скажи.

Василий повернулся к нему.

— Думаешь, поможет?

— Доброе слово никому во вред не бывало.

Великий князь некоторое время разглядывал митрополита, потом тихо рассмеялся.

— Ты, владыка, и государственные дела порой проще нас решаешь.

— Так ведь не всякое дело государственное.

Эта мысль Василию понравилась. Он поклонился святыням и направился к выходу. У дверей его ожидали приближённые. Стоило государю появиться, как разговоры прекратились. Бояре поклонились, ожидая распоряжений. Василий окинул их быстрым взглядом и велел идти в палаты. Впереди был обычный день, наполненный делами, но мысли его вновь и вновь возвращались к Елене. В великокняжеских палатах тем временем готовились к дневному приёму. За многие годы здесь установился строгий порядок. Каждый знал, где следует стоять, когда

разрешается говорить, кому надлежит входить прежде других и насколько низко кланяться государю. Но этот внешний порядок далеко не всегда соответствовал действительному соотношению сил. Князь Иван Васильевич Шуйский прибыл одним из первых.

Высокий, несколько сутулый, с крупным носом и тяжёлым взглядом, он принадлежал к старинному княжескому роду. Происхождение имело для него огромное значение, но он не был человеком, который рассчитывал добиться всего одним только знатным именем. Шуйский хорошо понимал придворную жизнь, умел выжидать и не любил раскрывать свои мысли перед людьми, чьей верности не был уверен. У входа он встретил Михаила Юрьевича Захарьина. Тот почтительно приветствовал князя, и некоторое время они говорили о служебных делах. Разговор постепенно перешёл на предстоящие роды великой княгини.

— Время уж близко, — заметил Захарьин.

— Говорят.

— Молиться надо, чтобы благополучно разрешилась.

— О том все молимся.

Шуйский произнёс это без улыбки.

— А сын родится, великое государю утешение будет, — продолжил Захарьин.

— Будет, — согласился князь.

Он помолчал и прибавил:

— Да и дел тогда прибавится.

— Каких же?

— Всякому младенцу люди нужны, Михаил Юрьевич. Кормильцы, воспитатели, ближние слуги. А государеву сыну — особливо.

Захарьин внимательно посмотрел на собеседника.

— Государь сам определит.

— Сам, конечно.

Шуйский больше ничего не сказал. Но Захарьин понял смысл замечания. Если у Василия родится наследник, его воспитание и окружение станут вопросами, затрагивающими интересы самых влиятельных людей государства. Не было в этом ничего необычного. Так происходило при дворах великих князей прежде и должно было происходить теперь. Однако между службой наследнику и правом говорить от его имени лежало огромное расстояние. Захарьин не собирался обсуждать это с Шуйским. Он хорошо знал, что всякое произнесённое при дворе слово может оказаться пересказанным совсем не так, как было сказано первоначально.

— Дай Бог государыне здравия, — произнёс он, завершая разговор.

— Дай Бог.

Шуйский направился в палаты. Несколько минут спустя там появился Василий Иванович. Приближённые поднялись. Великий князь прошёл к своему месту, выслушал положенные приветствия и велел приступить к делам. Обсуждали службу на границах, состояние крепостей, посольские известия, разбирательство земельных споров. Василий задавал вопросы, иногда выслушивал противоречащие друг другу мнения и требовал объяснить, почему дело, которое следовало решить ещё весной, до сих пор не закончено. Когда речь зашла о распоряжении, касавшемся одного из монастырских владений, Шуйский высказался осторожно, но твёрдо. Другой боярин возразил ему. Начался спор, в котором обе стороны ссылались на прежние государевы грамоты. Василий слушал до тех пор, пока участники не стали повторяться.

— Довольно.

Все замолчали.

— Ежели прежняя грамота есть, её и принести. По памяти судить не станем.

Он повернулся к дьяку:

— Разыщите запись. Тогда и решим.

Шуйский поклонился. Противник его тоже склонил голову, но не удержался от короткого взгляда в сторону князя. Подобные споры были привычны. Однако Василий давно замечал, что возле каждого государственного дела неизменно возникают личные интересы. Один добивается земли для родичей, другой защищает монастырь, с которым связан вкладами, третий стремится ослабить влияние соперника. Иной раз эти интересы совпадают с государственной пользой, иной — противоречат ей. Управлять такими людьми можно было лишь до тех пор, пока последнее решение оставалось за государем. Когда собрание закончилось и бояре начали расходиться, Василий задержал Шуйского.

— Князь Иван, о пограничной службе разговор продолжим на неделе. Мне надо, чтобы к тому времени все сведения были собраны.

— Исполним, государь.

— Не одни слова принести. Людей сколько, припасов сколько, какие дороги проезжие. Всё знать хочу.

— Как прикажешь.

Шуйский поклонился и вышел. Василий смотрел ему вслед. Он ценил опыт князя, хотя и не питал иллюзий относительно его честолюбия. Однако государственная служба не требовала от людей отсутствия собственных интересов. Она требовала, чтобы эти интересы не становились выше государевых. С этой мыслью Василий и покинул палаты.

К полудню стало душно. Над городом медленно собирались облака, но дождь всё не начинался. На кремлёвском дворе затих ветер, и даже птицы, обычно шумевшие под крышами, словно попрятались от жары. Елена сидела возле открытого окна. Ей принесли лёгкую еду, но есть не хотелось. Она попробовала несколько ложек, потом отодвинула блюдо и попросила воды. Ульяна взглянула на нетронутое угощение.

— Поела бы, государыня. Силы понадобятся.

— Не хочется.

— Через силу немного.

— Ты сама попробуй есть через силу, когда дитя под рёбрами ворочается.

Постельница покачала головой, но спорить не стала. Вскоре вошла одна из старших женщин, наблюдавших за приготовлением к родам. Она внимательно расспросила Елену о самочувствии, ощупала живот, велела поберечь силы и ушла, оставив после себя запах травяного настоя. Елена проводила её взглядом.

— Всё они знают, — сказала она. — А когда спрашиваю, скоро ли, ни одна не отвечает.

— Потому и не отвечают, что знают. У каждого дитяти свой срок.

Елена ничего не сказала. Ей вдруг вспомнилось детство. Не московские покои, не тяжёлые наряды и почтительные поклоны, а совсем другой дом, где она ещё не была великой княгиней. Там можно было спорить с матерью, сердиться на старших, без конца задавать вопросы и не думать, как каждое слово будет воспринято окружающими. Теперь она редко позволяла себе вспоминать прежнюю жизнь. Слишком многое изменилось. Даже люди, знавшие её с детства, при встрече прежде всего видели в ней супругу великого князя. Сначала это казалось забавным. Потом стало привычным. А теперь иногда тяготило.

Она вспомнила мать, Анну, её строгий голос и ловкие руки. Как хотелось сейчас посоветоваться с ней, рассказать о страхах, которые не принято было открывать придворным женщинам, услышать что-нибудь простое и обычное, не имеющее отношения к московскому престолу. Елена вздохнула.

— Ульяна, а тебе страшно было, когда первого рожала?

— Страшно.

— А второго?

— И второго.

— А третьего?

Постельница улыбнулась.

— Уж тогда я знала, чего ждать. Оттого, пожалуй, ещё страшнее было.

Елена посмотрела на неё с удивлением.

— Зачем же ты мне это говоришь?

— А затем, государыня, что бояться не стыдно. Я и теперь иных вещей боюсь. Только не обо всём людям рассказываю.

— Чего же ты боишься?

Ульяна задумалась.

— Старости. Чтобы детям обузой не стать. Чтобы беда какая с ними не приключилась. А более всего того, чего никак изменить не можешь.

Елена долго молчала. Потом тихо сказала:

— И я того же боюсь.

Вскоре доложили о приходе великого князя. Ульяна быстро поправила покрывало, убрала со стола лишнее и вышла. Василий вошёл без обычной свиты. На нём был лёгкий летний кафтан, и Елена сразу заметила усталость на его лице.

— Много дел было? — спросила она.

— Как всегда.

Он подошёл, поцеловал её в лоб и сел рядом.

— Как себя чувствуешь?

— Все об этом спрашивают.

— Значит, и мне нельзя?

— Тебе можно.

Он взял её руку.

— Ну, так отвечай.

— Тяжело. Ходить трудно, спать трудно. Кажется, будто целый год ношу его.

— Скоро разрешишься.

— Ты откуда знаешь?

— Все говорят.

Елена рассмеялась.

— Вот и ты туда же. Все говорят, все знают, а когда именно, никто сказать не может.

Василий улыбнулся. Они сидели молча. Из сада доносился слабый запах нагретой зелени, где-то в переходе женщина негромко разговаривала со служанкой.

— Сегодня с владыкой Даниилом говорил, — произнёс великий князь.

— Обо мне?

— И о тебе.

— Что же он сказал?

— Чтобы я тебя чаще утешал.

— Разумный совет.

— И как прикажешь утешать?

Елена посмотрела на мужа.

— Для начала перестань всякий раз спрашивать, сын ли будет.

Василий опустил глаза.

— Часто спрашивал?

— Не словами. Но я вижу.

Он не стал отрицать.

— Сын нужен, Елена.

— Знаю.

— Ты ведь понимаешь, отчего.

— Понимаю. Только ребёнок от этого быстрее не родится и мальчиком не сделается.

Она говорила спокойно, но Василий почувствовал скрытую обиду.

— Не хотел тебя тревожить.

— А тревожишь.

Он сжал её руку.

— Скажи, что мне сделать.

Елена немного подумала.

— Расскажи, что сегодня было. Не про сына, не про роды. Просто расскажи.

Василий удивился.

— О делах?

— О делах.

Он начал говорить о споре из-за монастырской земли, о боярах, которые никак не могли договориться, о старой грамоте, которую теперь предстояло разыскивать в государевых книгах. Елена слушала внимательно и время от времени задавала вопросы. Иногда она ошибалась в названиях волостей, иногда путала имена, но Василий не раздражался и охотно поправлял её. Постепенно разговор перешёл на устройство двора, затем на одну из недавних жалоб. Елена заметила, что люди, связанные родством, нередко предъявляют друг другу больше претензий, чем посторонние.

— Потому что чужому простить легче, — сказал Василий. — От родного больше ждёшь.

— А когда родной обманет?

— Тогда тяжелее всего.

Елена взглянула на мужа. Она знала, что его отношения с братьями нельзя назвать простыми, но сейчас не стала расспрашивать.

— А наш ребёнок? — тихо спросила она. — Чего ты от него ждать будешь?

Василий помедлил.

— Чтобы вырос достойным своего рода.

— Это я знаю.

— Чтобы умел людьми управлять, землю беречь, веру православную защищать.

— А ещё?

Василий посмотрел на жену с некоторым недоумением.

— Чего же ещё?

— Чтобы счастлив был.

Он задумался. Счастье казалось ему слишком неопределённым понятием. Быть здоровым, иметь хорошую жену, верных слуг, благополучных детей — всё это, конечно, было важно. Но он слишком хорошо знал жизнь государя, чтобы связывать её с постоянным душевным покоем.

— Пусть сперва родится, — сказал он наконец. — Тогда и думать станем.

Елена не стала спорить. Она положила его ладонь себе на живот. Некоторое время ничего не происходило. Потом ребёнок резко шевельнулся, и Василий невольно вздрогнул.

— Почувствовал?

— Почувствовал.

Он удивлённо посмотрел на жену, потом снова опустил глаза.

— Силен, — произнёс он.

— Ты уж который раз это говоришь.

— А разве худо?

— Нет. Только пусть немного успокоится, а то я совсем отдохнуть не могу.

Василий осторожно погладил её живот, словно мог таким способом унять беспокойного младенца. Впервые за весь день он не думал ни о братьях, ни о боярах, ни о престолонаследии. Под его ладонью шевелился ребёнок, которого он ещё ни разу не видел, и в этом простом ощущении было что-то настолько неожиданное, что великий князь не сразу нашёл слова.

— Странное дело, — сказал он.

— Какое?

— Я ведь уже думал, что не доведётся.

Елена поняла его.

— А теперь доведётся.

— Дай Бог.

Он наклонился и поцеловал её руку. Ближе к вечеру поднялся ветер. Сначала он зашевелил листву в кремлёвских садах, затем погнал по двору пыль и заставил слуг закрывать ставни на той стороне палат, куда надвигались тёмные облака. За Москвой-рекой горизонт постепенно исчезал в серой мгле. Елена попросила оставить окно открытым. После дневной духоты прохладный воздух приносил облегчение. Василий уже ушёл. Его ждали дела, которые нельзя было отложить даже ради ожидаемого рождения ребёнка. Он обещал прийти ещё раз перед сном, но Елена знала, что обещание может оказаться невыполнимым. Слишком часто кто-нибудь являлся с неотложной вестью, срочным докладом или просьбой принять послов.

Она не сердилась. Такова была жизнь, в которую она вступила, став супругой великого князя. Постельница Ульяна сидела неподалёку и занималась бельём. На сундуке лежали чистые пелёнки, приготовленные для ребёнка. Елена попросила одну из них, развернула и долго рассматривала тонкую ткань.

— Мала, — заметила она.

— А младенцу как раз.

— Неужели все такими маленькими рождаются?

— Иные и меньше.

Елена сложила пелёнку и положила обратно. Она пыталась представить ребёнка, которого скоро возьмёт на руки. Каким будет его лицо? На кого он окажется похож? Будет ли спокойно спать или станет кричать по ночам? Она поймала себя на том, что уже мысленно спорит с женщинами, которые наверняка захотят немедленно установить для него строгий распорядок. Ей хотелось самой держать его, самой укладывать, слышать его дыхание и видеть, как он просыпается. Но она понимала, что вокруг ребёнка великого князя с первых дней появится множество людей, каждый из которых будет считать свои обязанности чрезвычайно важными.

В эту минуту Елена впервые с особенной ясностью подумала, что её сын, едва появившись на свет, уже не будет принадлежать только ей. У других матерей дети росли в тесных домах, среди братьев, сестёр и соседских ребятишек. Они падали, пачкали одежду, бегали по двору, ссорились и мирились. Её ребёнка станут беречь, сопровождать, охранять, одевать и воспитывать по правилам, установленным задолго до его рождения. Она не знала, радоваться этому или огорчаться. В комнату вошла молодая служанка с кувшином воды. Поставив его, девушка поклонилась и хотела уйти, но Елена остановила её.

— Как зовут тебя?

— Марья, государыня.

— Давно служишь?

— С весны.

— Замужем?

— Нет, государыня.

— А мать жива?

— Жива.

— Где живёт?

— На посаде, государыня. У отца моего свой двор.

Елена улыбнулась.

— Навещаешь её?

— Когда отпустят.

— А она тебя?

Марья замялась.

— Была недавно. В гостинцах пирог принесла.

— Ну и хорошо. Ступай.

Когда девушка вышла, Елена смотрела на дверь.

— Молодая совсем, — заметила Ульяна.

— И мать у неё рядом.

— А что же?

— Ничего.

Елена снова повернулась к окну.

За стенами Кремля лежала огромная Москва. Там жили тысячи людей, которых она никогда не увидит и которые никогда не войдут в её покои. Но все они составляли государство, которым правил её муж и которое когда-нибудь, если Бог дарует им сына, должно было перейти к их ребёнку. Ей вдруг захотелось, чтобы он знал этих людей. Не только бояр, воевод и священнослужителей, но и тех, кто пашет землю, торгует, строит дома, кует железо, ходит в дальние походы, молится о своих детях. Она не стала говорить об этом Ульяне. Та, вероятно, не поняла бы, почему великая княгиня перед родами думает о таких вещах.

Впрочем, и сама Елена не сумела бы толком объяснить свои мысли. Снова шевельнулся ребёнок. Она приложила ладонь к животу и тихо рассмеялась.

— Непоседа ты мой.

Вечером Василий Иванович принимал несколько человек из ближайшего окружения. Разговор был непродолжительным. Государь уже устал, да и бояре, зная о близких родах великой княгини, старались не задерживаться без крайней необходимости. Последним остался дьяк с бумагами, которые следовало подписать или вернуть для исправления. Когда он ушёл, Василий велел подать ужин, но ел мало. Сидевший неподалёку слуга несколько раз предлагал принести ещё чего-нибудь. Великий князь отказывался и в конце концов отпустил его. Он вновь остался один.

Свет от свечей падал на стены, на ларец с бумагами, на тёмные доски пола. Издалека доносились голоса стражи. За окнами постепенно стихал ветер, но в воздухе ещё чувствовалась близость дождя. Василий вспомнил недавний разговор с Еленой. Чтобы ребёнок был счастлив. Он произнёс эти слова про себя и покачал головой. Молодость, думал он. Елена ещё могла позволить себе желать прежде всего простого человеческого счастья. Он же давно перестал отделять собственную жизнь от великокняжеского дела. Даже когда бывал болен или утомлён, государственные заботы не прекращались. Случалось, что перед важным решением он несколько ночей плохо спал, но утром всё равно должен был явиться к боярам и говорить так, чтобы никто не заметил сомнений.

Не всё в жизни Василия было благополучно. Он потерял людей, которым доверял, видел измену, сталкивался с непокорностью родичей и непостоянством союзников. Но существовали и вещи, которыми он мог гордиться. Государство стало сильнее, чем было при начале его правления. Земли, прежде подчинявшиеся другим князьям, признавали власть Москвы. Увеличились военные возможности, укрепились связи между городами, более устойчивым сделался порядок управления. Теперь необходимо было передать всё это наследнику.

Василий поднялся и подошёл к стоявшему у стены ларцу. Открыв его, он вынул небольшой свёрток с грамотой, просмотрел и снова убрал на место. В сущности, он мог распорядиться многим. Назначить должностных людей, пожаловать земли, потребовать присяги, определить порядок службы. Но не мог заставить людей оставаться верными после его смерти. Не мог знать, кто из сегодняшних приближённых сохранит преданность его дому, а кто воспользуется слабостью малолетнего государя. Эта мысль тревожила его сильнее, чем он хотел признавать.

Он вспомнил собственного отца, Ивана Васильевича, при котором Москва сделала огромный шаг к объединению русских земель. Отец был суров и редко обнаруживал перед детьми нежность, но Василий хорошо помнил его привычку внимательно выслушивать даже незначительное на первый взгляд известие, если оно касалось отношений между князьями. В молодости ему казалось, что государь должен знать всё. С годами он понял: знать всё невозможно, но необходимо уметь различать главное. Теперь главным становился ребёнок, которого ожидала Елена. Раздался осторожный стук.

— Войди.

На пороге появился слуга.

— Государь, от великой княгини пришли. Просит тебя.

Василий насторожился.

— Что случилось?

— Не сказали. Только велено передать, чтобы пришёл, коли можешь.

Он не стал расспрашивать и сразу направился к выходу. В покоях Елены было тихо. Великая княгиня сидела на постели, опираясь на подушки. При виде мужа она попыталась выпрямиться, но Василий остановил её.

— Лежи. Зачем звала?

— Хотела тебя видеть.

Он присел рядом.

— Нездорова?

— Нет. Только что-то неспокойно мне.

Он оглянулся на Ульяну. Та стояла у двери.

— Живот болит?

— Пока нет, — ответила Елена. — Иногда тянет.

Василий задумался, не следует ли немедленно позвать старших женщин, но Елена заметила его намерение.

— Не нужно всех поднимать. Ульяна и так от меня не отходит.

Она попросила принести немного воды, сделала несколько глотков и отдала чашу.

— Посиди со мной.

Василий остался. Они молчали. Дождь всё-таки начался. Сначала по крыше застучали редкие капли, потом за окном зашумело сильнее. Ветер раскачивал деревья, и их тени двигались по стенам. Елена слушала дождь.

— Помнишь, как мы ездили к Кириллу Белозерскому? — спросила она.

— Помню.

— Холодно тогда было.

— Зима.

— А ты всё спрашивал, не устала ли я.

Василий улыбнулся.

— Уставала ведь.

— Уставала. Только говорить не хотела. Думала, рассердишься, что зря поехала.

— И когда же я на тебя за усталость сердился?

— Бывало.

— Не помню.

— Вот и я стараюсь не помнить.

Она посмотрела на него, и оба невольно рассмеялись. Путешествие на север, по монастырям, куда они отправлялись молиться о даровании ребёнка, оставило в памяти Елены множество подробностей. Долгие дороги, заснеженные леса, остановки на постоялых дворах, монастырские службы, лица монахов, встречавших великокняжескую чету. Тогда ей временами

казалось, что поездка никогда не закончится. Но теперь она вспоминала её с нежностью, словно именно в тех зимних дорогах началась жизнь ребёнка, которого она носила.

— Как думаешь, — спросила она, — услышал Господь наши молитвы?

— Услыхал.

Василий ответил без колебания.

— Тогда отчего мне так страшно?

— Потому что время близко.

— Не только оттого.

Он посмотрел на неё.

— А отчего же?

Елена долго не решалась говорить. Потом взяла его руку и произнесла:

— Василий Иванович, обещай мне одно.

— Что?

— Коли со мной беда приключится, ребёнка не оставляй.

Он резко выпрямился.

— Что ты выдумала?

— Не сердись.

— Отчего такие речи?

— Потому что боюсь. Женщины ведь и умирают родами. Сколько их…

— Полно тебе.

— Дослушай.

Она крепче сжала его руку.

— Коли сын родится, вокруг него люди будут. Много людей. Каждый станет учить, как жить, кого слушать, кому верить. А он маленький будет. Ничего ещё понимать не станет.

Василий хотел ответить, но промолчал.

— Ты сам его береги, — продолжала Елена. — Не только как наследника. Как сына.

Он смотрел на неё долго и внимательно.

— Елена, — произнёс наконец, — не для того мы столько лет ждали, чтобы теперь думать о худом.

— И всё-таки обещай.

Василий накрыл её ладонь своей.

— Обещаю. Только и ты мне обещай.

— Что?

— Не мучить себя напрасными страхами.

Она едва заметно улыбнулась.

— Постараюсь.

Великий князь наклонился и поцеловал жену в лоб. Он не стал уверять её, будто дурное невозможно. Оба знали, что это неправда. Но теперь, когда Елена успокоилась, ему хотелось сохранить наступившую тишину. За окном дождь постепенно стихал. Ночь опустилась на Москву. В кремлёвских переходах погасили лишние свечи, у дверей великокняжеских покоев осталась стража, а во дворе ещё долго слышались голоса людей, заканчивавших работу. Потом стихли и они. Только сторожевые оклики изредка раздавались в темноте. Василий ушёл к себе.

Елена попыталась уснуть, но сон не приходил. Её мучила духота, хотя после дождя воздух стал значительно прохладнее. Она несколько раз меняла положение, просила поправить подушки и наконец велела Ульяне оставить одну свечу. Постельница улеглась неподалёку, не раздеваясь полностью. Её сон был чутким: стоило Елене пошевелиться, как женщина открывала глаза. Некоторое время всё оставалось спокойно. Потом великая княгиня почувствовала неприятную тяжесть внизу живота. Она задержала дыхание, ожидая, что боль пройдёт. Через несколько мгновений стало легче. Елена закрыла глаза. Спустя некоторое время ощущение

повторилось. Теперь она уже не могла убедить себя, что это обычное движение ребёнка. Она осторожно села, опустила ноги на пол и позвала:

— Ульяна.

Постельница сразу поднялась.

— Что, государыня?

— Подойди.

Ульяна подошла, поправляя на ходу платок.

— Что случилось?

— Кажется, началось.

Женщина не ахнула и не всплеснула руками. Лишь внимательно посмотрела на Елену и спросила, когда появилась боль, часто ли повторялась, не чувствует ли она слабости. Выслушав ответы, постельница помогла ей снова лечь.

— Сейчас старших позову.

— Подожди.

Ульяна остановилась. Елена лежала, положив обе руки на живот. Ей вдруг стало страшно — не так, как прежде, когда она только представляла близкие роды, а по-настоящему, оттого что ожидаемое уже началось и остановить его было невозможно.

— Ульяна, — тихо сказала она, — а если я не сумею?

— Сумеешь, государыня.

— Откуда знаешь?

Пожилая женщина наклонилась к ней.

— Потому что одна ты не останешься. Мы все рядом будем. Ты только слушай, что скажут, и силы попусту не трать.

Елена кивнула. Ульяна вышла, и вскоре за дверью послышались быстрые шаги. Кто-то пошёл за повитухой, кому-то велели принести горячую воду, другим — приготовить чистое полотно. Женщины говорили негромко, но в их движениях появилась та особенная поспешность, которая возникает, когда событие, к которому долго готовились, наконец наступает. Елена слышала этот шум словно издалека. Ребёнок снова шевельнулся. Она положила ладонь туда, где почувствовала движение, и тихо произнесла:

— Ну вот, маленький. Пора.

За окном начинался новый день. Василия Ивановича разбудили ещё до рассвета. Слуга сообщил, что великая княгиня разрешается от бремени и женщины уже находятся при ней. Великий князь поднялся с постели и сидел молча, словно стараясь окончательно понять услышанное. Потом велел принести одежду.

— Владыке передайте, чтобы молился, — распорядился он. — И людей без нужды не тревожьте. Коли что понадобится, немедленно докладывайте.

Оставшись один, Василий подошёл к образам. Он молился долго. Просил сохранить Елену, дать ей силы благополучно родить, сберечь ребёнка. Не раз за прошедшие годы он обращался к Богу с просьбой о наследнике, но теперь эта молитва была иной. Раньше он просил даровать сына. Теперь прежде всего просил, чтобы жена осталась жива. За окнами едва светало. Над Москвой ещё стоял лёгкий туман, утренний холод пробирался в палаты, а с соборной площади уже слышался первый колокольный звон. Василий закончил молитву, но не отошёл от икон.

В соседних покоях женщины помогали Елене, которой становилось всё труднее переносить схватки. Она уже почти не слушала их разговоров, только старалась правильно дышать и исполнять то, что ей говорили. Потом боль ненадолго отпустила, и Елена попросила воды. Ульяна поддержала её голову.

— Потерпи, государыня. Ещё немного.

Елена сделала глоток и закрыла глаза. Где-то за стенами раздался удар колокола. Затем ещё один. Она подумала о Василии, который наверняка молился теперь за неё. Вспомнила далёкий зимний монастырь, сугробы вдоль дороги, лицо матери, свою первую встречу с мужем. Воспоминания возникали и исчезали, не успевая сложиться в ясные картины. Новая схватка прервала их. Ульяна крепко взяла её за руку. За окнами окончательно рассвело.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ДОЛГОЖДАННЫЙ СЫН

Москва. 25 августа 1530 года.

К утру дождь прекратился, но над Москвой ещё висели тяжёлые облака. Вода стекала с крыш, собиралась в выбоинах дорог, капала с мокрых ветвей. Воздух после ночной грозы стал прохладным, и в великокняжеских палатах, где всю ночь поддерживали тепло, теперь приходилось то открывать, то закрывать окна. Женщины, хлопотавшие возле Елены, почти не замечали погоды. У них было достаточно забот, и каждая старалась исполнить своё дело, не мешая остальным. Роды продолжались уже несколько часов.

Елена то просила воды, то отказывалась от неё, то закрывала глаза и лежала неподвижно, собираясь с силами перед новой схваткой. Она устала настолько, что перестала различать, кто именно находится рядом. Иногда ей казалось, что в комнате слишком много людей, но стоило кому-нибудь отойти, как она начинала тревожиться и искать глазами знакомое лицо. Ульяна не покидала её. Пожилая постельница давно сняла верхнюю одежду, закатала рукава и работала вместе с остальными. Её лицо оставалось спокойным, хотя несколько раз она с беспокойством присматривалась к великой княгине. Елена была молода и здорова, но первые роды всегда требовали осторожности.

— Ещё потерпи, государыня. Сейчас снова боль придёт, ты не удерживайся, делай, как тебе скажут.

Елена покачала головой. Ей не хотелось больше ничего слышать. Она уже потеряла счёт времени и не помнила, когда последний раз удавалось спокойно перевести дыхание.

— Василий Иванович где? — спросила она.

— Молится, государыня.

— Давно?

— С самого утра.

Елена хотела ответить, но очередная боль заставила её вцепиться в руку постельницы. Старшая повитуха, до того внимательно наблюдавшая за роженицей, придвинулась ближе. Лицо её стало сосредоточенным.

— Теперь слушай меня, государыня. Силы береги. Ещё немного осталось.

Елена открыла глаза и посмотрела на неё с таким недоверием, что женщина невольно смягчилась.

— Не обманываю. Скоро дитя увидишь.

В комнате стало тише. Даже молодые служанки, прежде беспрестанно сновавшие между дверью и столом с приготовленным полотном, остановились, ожидая распоряжений. Через некоторое время Елена почувствовала, что боль изменилась. Она уже не накатывала отдельными волнами, а словно захватила всё тело, не оставляя возможности думать о чём-либо другом. Женщины помогли ей переменить положение. Ульяна склонилась над ней, что-то говорила, но слова доносились будто издалека. Потом наступило короткое мгновение тишины.

Елена лежала с закрытыми глазами, не понимая, окончились ли мучения. Её грудь тяжело поднималась, волосы прилипли к вискам, руки дрожали от напряжения. И вдруг раздался крик. Резкий, требовательный, неожиданно громкий. Елена открыла глаза.

— Что?..

Никто не ответил сразу. Повитуха приняла ребёнка, быстро осмотрела его, передала одной из женщин и лишь после этого повернулась к великой княгине.

— Сын, государыня. Господь сына дал.

Елена смотрела на неё, словно не вполне понимая услышанное.

— Живой?

— Живой. Да какой голосистый!

Ребёнок снова закричал, подтверждая её слова. Тогда Елена заплакала. Она не ожидала слёз. Ещё мгновение назад ей казалось, что сил не осталось даже на то, чтобы поднять руку, но теперь она пыталась приподняться, увидеть младенца, убедиться, что всё действительно произошло.

— Покажите. Дайте мне его.

— Обождите, государыня. Сейчас оботрём, завернём.

— Я хочу видеть.

Ульяна осторожно придержала её за плечи.

— Увидишь, родная. Он уж никуда от тебя не денется.

В словах постельницы было столько простой уверенности, что Елена послушалась. Она откинулась на подушки и закрыла глаза. Где-то рядом женщины негромко переговаривались, шуршало чистое полотно, плескалась вода. Наконец ей подали ребёнка. Он оказался совсем маленьким, красным, с влажными тёмными волосами на голове. Лицо его было сморщено, веки плотно сомкнуты, крошечные руки беспокойно двигались под пелёнкой. Елена смотрела на сына с изумлением. Почему-то она представляла его совершенно другим — более крупным, спокойным, с ясными глазами и лицом, на котором сразу можно было бы узнать черты отца. А перед ней лежал новорождённый мальчик, недовольный окружающим миром и не желавший молчать.

— Вот ты какой, — прошептала она.

Ребёнок снова открыл рот, но на этот раз лишь тихо всхлипнул. Елена осторожно коснулась его щеки. Кожа оказалась такой нежной, что она испугалась сделать больно. Мальчик повернул голову, словно ища что-то губами.

— Есть хочет, — объяснила Ульяна.

— Уже?

— А чего ему ждать? В дорогу собирался, сил потратил немало.

Елена засмеялась сквозь слёзы. Она прижала сына к себе. В эту минуту ей было безразлично, что за дверью ждут известий бояре, что в церквах читают молитвы и что великий князь, наверное, уже десятки раз посылал узнать о ходе родов. У неё родился ребёнок. Он был жив, дышал, шевелился, и она чувствовала тепло его маленького тела.

— Сынок, — произнесла Елена почти неслышно.

Мальчик успокоился. Ульяна наклонилась, собираясь поправить пелёнку, но остановилась. Елена смотрела на ребёнка с таким выражением, что постельница предпочла не мешать ей. Потом она тихо вышла за дверь и велела немедленно известить великого князя. Василий Иванович находился в своей молельне. Он уже не знал, сколько времени провёл перед образами. Несколько раз вставал, выходил в соседнюю комнату, требовал известий и снова возвращался к молитве. Дьяк, которому следовало доложить о важных государственных делах, так и остался ждать в передней. Приближённые переговаривались вполголоса, стараясь не показывать беспокойства. Когда раздались быстрые шаги, Василий обернулся раньше, чем открылась дверь. На пороге появился дворцовый служитель. Он низко поклонился.

— Государь, великая княгиня разрешилась.

Василий сделал шаг навстречу.

— Что с ней?

— Жива и здорова, государь. Господь миловал.

— А дитя?

Служитель поднял голову. Лицо его сияло.

— Сын, государь. Сын родился!

Василий остановился. Он смотрел на слугу, словно ожидал, что тот повторит сказанное. Потом медленно перекрестился.

— Сын...

Он произнёс это слово тихо, почти недоверчиво.

— Сын, государь, — подтвердил служитель. — Здоров, кричит громко. Великая княгиня тоже благополучна.

Василий опустился перед иконами на колени. Он не стал скрывать слёз. В пустой молельне некому было удивляться его волнению, а человек, принёсший известие, почтительно отступил к двери. Много лет великий князь ждал этих слов. Он привык добиваться поставленной цели, не отступать перед препятствиями, терпеливо вести переговоры, годами готовить походы и добиваться признания своих прав. Но теперь, когда ему наконец сообщили о рождении сына, все прежние усилия показались странно далёкими.

Сколько раз он уезжал на богомолье, сколько даров отправлял в монастыри, сколько раз просыпался с надеждой услышать от Елены добрую весть. И сколько раз заставлял себя не показывать разочарования, когда ожидание вновь оказывалось напрасным. Теперь у него был сын. Василий поднялся не сразу. Он поцеловал образ, ещё раз осенил себя крестом и только после этого повернулся к служителю.

— Матери хорошо?

— Хорошо, государь. Только утомилась сильно.

— Лекари при ней?

— И лекари, и повитухи. Всё, как приказано.

— Смотри, чтобы ничем не обидели. Чего понадобится — тотчас дать.

Он помедлил и спросил:

— А на кого похож?

Служитель растерялся. Он не ожидал такого вопроса.

— Мал ещё, государь.

Василий впервые за утро улыбнулся.

— То я и сам понимаю.

Он велел сообщить митрополиту Даниилу радостную весть, известить ближайших бояр и приготовить всё необходимое для благодарственного молебна. Затем направился к покоям жены. Шёл он быстро, но возле двери неожиданно остановился. За ней слышались женские голоса. Кто-то смеялся, кто-то говорил о чистом белье. Потом раздался негромкий детский плач. Василий стоял и слушал. Вчера этого голоса ещё не существовало в его доме. Сегодня он звучал так, словно всегда должен был здесь быть. Дверь открылась. Ульяна вышла навстречу и низко поклонилась.

— Сын, государь. Дай Бог вам с государыней долгих лет.

— Елена как?

— Устала, да довольна. Только всё спрашивает, когда придёшь.

Василий вошёл. Елена лежала на постели, немного побледневшая, с усталым лицом и распущенными волосами. Увидев мужа, она попыталась улыбнуться.

— А я тебе говорила, что скоро увидимся, — произнесла она.

Василий подошёл, сел рядом и осторожно обнял её.

— Спасибо тебе.

Она покачала головой.

— За что?

Он не нашёл ответа. Вместо этого поцеловал её руку, затем наклонился и коснулся губами лба. Елена почувствовала, что он волнуется не меньше её самой, и с тихой улыбкой спросила:

— Сына-то смотреть будешь?

— Буду, конечно.

Ульяна поднесла младенца. Василий взял его не сразу. Он никогда прежде не держал на руках такого маленького ребёнка и теперь опасался, что не сумеет сделать это как следует.

— Голову придерживай, государь, — посоветовала постельница.

— Вижу.

— Вот так. Не бойся.

Он принял свёрток обеими руками. Младенец спал, изредка морщился и шевелил губами. Его голова едва помещалась на широкой ладони отца. Василий долго рассматривал сына. Лицо новорождённого не напоминало ни его самого, ни Елену. Никакого особенного сходства великий князь не заметил, но всё равно испытывал необъяснимую радость от того, что этот маленький человек принадлежит их семье.

— Иваном назовём, — сказал он наконец.

Елена посмотрела на него.

— По отцу твоему?

— И в память отца. И святой Иоанн Предтеча недалеко по святцам.

— Хорошее имя.

— Иван Васильевич, — произнёс великий князь.

Он повторил имя ещё раз, словно пробуя, как оно звучит. Мальчик пошевелился, недовольно сморщился и открыл рот.

— Проснулся, — заметила Елена.

— Видно, не понравилось ему.

— Что?

— Имя.

Елена рассмеялась.

— Не имя ему не понравилось. Ты его разбудил.

Василий осторожно передал ребёнка Ульяне и вновь сел рядом с женой.

— Тяжело тебе пришлось?

— Уже не помню.

— Так скоро?

— Когда его увидела, всё и забыла.

Он покачал головой.

— Не понимаю я вас, женщин.

— И не надо. Ты только береги нас.

Василий взял её руку.

— Буду.

На этот раз Елена ему поверила без всяких сомнений. За стенами палат уже начиналось движение. Известие о рождении наследника расходилось по великокняжескому двору, и каждый, услышав его, торопился поделиться радостью с другими. Но Василий оставался возле жены ещё долго. Государственные дела могли подождать. В этот день он впервые позволил себе не торопиться. Весть о рождении великокняжеского сына распространялась по Москве быстрее, чем успевали передавать распоряжения из Кремля.

Сначала её услышали люди, находившиеся поблизости от дворца. Потом заговорили на соборной площади, у ворот, на дворах знатных бояр, в торговых рядах. До полудня известие достигло Заречья, а к вечеру его повторяли уже в дальних слободах. Звонили колокола. В церквах служили благодарственные молебны, люди крестились, поздравляли друг друга, расспрашивали о здоровье великой княгини. Не всякий испытывал одинаковую радость, но все понимали значение произошедшего. Василий Иванович был государем немолодым. Его братья имели собственные владения и многочисленную родню. Если бы великий князь умер, не оста-

вив сына, вопрос о наследовании мог породить споры между княжескими родами и их сторонниками. Теперь у московского престола появился прямой наследник.

Один новорождённый мальчик не мог устранить всех противоречий государства, но уже само его появление меняло положение тех, кто рассчитывал на иной порядок передачи власти. Князь Иван Васильевич Шуйский узнал новость, возвращаясь с утренней службы. Его остановил человек из великокняжеского окружения и, поклонившись, сообщил о благополучном разрешении Елены. Шуйский выслушал его спокойно, перекрестился и велел передать государю поздравления. Оставшись со своим ближним человеком, князь молчал.

— Слышал? — спросил он наконец.

— Слышал, княже. Сын родился.

— То-то и оно.

— Радость государю.

— Радость, — согласился Шуйский. — Давно ждал.

Они пошли дальше по двору. Несколько служителей, завидев князя, отошли с дороги и поклонились.

— Теперь государь к ребёнку людей назначать станет, — заметил спутник.

— Станет.

— Кто ближе к колыбели окажется, тому и милости ждать.

Шуйский остановился.

— Не торопись.

— А что?

— Ребёнок сегодня родился. Дай ему хоть день прожить, прежде чем о милостях рассуждать.

Он произнёс это достаточно строго, чтобы собеседник умолк. Шуйский не любил поспешных разговоров, особенно там, где речь касалась великокняжеской семьи. Он понимал, что с рождением Ивана изменится придворная жизнь, но не считал нужным немедленно строить расчёты. Сам Василий Иванович был ещё крепок и не собирался уступать власть кому-либо. При таком государе излишнее усердие в заботах о будущем наследнике могло вызвать подозрения. Князь направился к своему двору, размышляя о том, какие перемены последуют в окружении великой княгини. У ворот его встретил слуга с известием, что великий князь собирает бояр для благодарственной молитвы и праздничного стола. Шуйский велел приготовить подобающее одеяние.

Когда он вошёл в дом, жена уже знала о случившемся. Она поспешила навстречу и сообщила, что Елена родила сына, словно муж ещё не мог этого слышать.

— Знаю, — ответил князь.

— А государыня здорова?

— Говорят, здорова.

— Слава Богу. Первое дитя, нелегко ей пришлось.

Шуйский снял верхнюю одежду.

— Что у нас на столе будет?

Жена удивилась внезапной перемене разговора.

— А что прикажешь?

— Не для себя спрашиваю. Люди сегодня пойдут с поздравлениями, своих надо накормить. Пусть повара приготовят получше.

Она кивнула. Шуйский прошёл в горницу, сел и смотрел на узор оконницы, за которой светлел двор. Ему было хорошо известно, что не всякая большая радость избавляет государственный дом от тревог. Но сегодня он не находил причин спорить с теми, кто называл рождение наследника Божьей милостью. Потом князь велел позвать приказчика и занялся обыч-

ными хозяйственными делами. В тот же день у кузнеца Фомы работы оказалось больше, чем он рассчитывал.

Ещё утром к нему привели лошадь с повреждённой подковой. Хозяин торопился, требовал немедленно окончить работу и обещал заплатить сверх обычного. Не успел Фома справиться с подковой, как пришёл человек с дворцового двора и принёс сломанную железную скобу от повозки.

— Сегодня сделать надобно, — объявил он.

— Сегодня у меня и без тебя дела хватает.

— Государево дело.

Фома поднял голову.

— А как государево, так железо само себя править станет?

Посланный нахмурился.

— Ты не перечь. Понадобилась повозка, а починить негде.

— Где сломалась?

— На дворе.

— Привёз бы всю, посмотрел бы, что ещё держится.

Человек начал сердиться, но подмастерье, стоявший рядом, не удержался от улыбки. Фома заметил это и велел ему заняться горном.

— Ладно, — сказал кузнец. — Починю. Только вечером придёшь.

— К вечеру поздно.

— Раньше не выйдет.

— А коли заплачу больше?

Фома взглянул на него с новым интересом.

— Тогда к полудню.

Они сторговались, и посланный ушёл, заметно успокоившись. Когда дверь закрылась, подмастерье спросил:

— А что за спешка такая?

— Не знаю.

— Говорят, государыня сына родила.

— Слышал.

— Может, оттого и спешат?

— Может.

Фома положил скобу возле горна.

— Давай угля. Посмотрим, какое у нас государево дело.

Подмастерье принялся за мехи, а Фома задумался о предстоящем празднике. У него самого было трое детей. Старшая дочь помогала матери по дому, средний сын уже мог присматривать за младшим, а самый маленький только начинал ходить. Фома любил их по-своему, без особенных нежностей, но внимательно следил, чтобы дома всегда были хлеб, дрова и одежда по времени года. Детей у великого князя он прежде не видел, да и Елену Глинскую знал лишь по рассказам. Однако новость обрадовала его совершенно искренне. Не потому, что он рассчитывал получить какую-нибудь милость от рождения наследника. Просто Фома слишком хорошо помнил болезни собственных детей и страх жены при последних родах.

Когда со стороны Кремля раздался колокольный звон, кузнец отложил клещи, перекрестился и сказал:

— Дай Бог младенцу здоровья.

Подмастерье перекрестился следом. Потом они снова принялись за работу. Кузница наполнилась привычными звуками. Шипело раскалённое железо, тяжело опускался молот, скрипели мехи. На улице торговались, ругались, смеялись, спорили о цене овса и рассказывали друг другу новости. В этот день рождение великокняжеского сына было главной из них.

В Кремле тем временем готовились к праздничным церемониям. Василий Иванович распорядился о благодарственных службах, милостыне и пожалованиях. Нескольким людям, находившимся в опале, предстояло получить облегчение своей участи. Списки нуждавшихся в государевой милости разбирали особенно внимательно. В одной из палат дьяк сидел над длинным столом, на котором лежали свитки, записи и принесённые челобитные. Рядом стояли два служителя, ожидавшие распоряжений.

— Этого государь велел освободить? — спросил один из них, указывая на имя в записи.

— Не всех одинаково, — ответил дьяк. — Одному опалу снять, другому содержание облегчить. Не путай.

— Я и не путаю.

— Так отчего спрашиваешь?

Служитель пожал плечами.

— Думал, коли радость великая, всех простят.

Дьяк отложил перо.

— Радость радостью, а за что человек сидит, тоже помнить надобно.

Он снова склонился над бумагами. Служитель помолчал, потом сказал:

— Люди нынче государя милостивым называют.

— Нынче называют, — ответил дьяк. — А завтра, коли суд не по их желанию решится, другие слова найдут.

Он не говорил с осуждением. За долгие годы службы дьяк привык к тому, что государева милость всегда казалась недостаточной тем, кого она не коснулась. Но сегодня и ему работалось легче. У великого князя наконец появился сын. Это означало, что в случае смерти Василия Ивановича престол не останется без прямого наследника. Для людей, привыкших служить московскому государю, подобная определённость имела немалое значение. Они слишком хорошо помнили рассказы о прежних княжеских усобицах, о смене власти, разорённых волостях, изгнаниях и возвращениях князей. В монастырских книгах и летописных сводах подобные события занимали многие страницы. Дьяк не любил больших перемен.

Он предпочитал, чтобы государь оставался на своём месте, бояре исполняли службу, а печати на грамотах принадлежали тому, кому надлежало их ставить. И потому, когда из собора вновь раздался звон, он ненадолго оторвался от работы, перекрестился и вернулся к записям. После полудня Василий Иванович собрал приближённых. Торжество было устроено по великокняжескому обычаю. Бояре явились в богатых одеждах, перед государем выставили угощение, служители подавали блюда и напитки. Поздравления следовали одно за другим. Василий принимал их с удовольствием.

Обычно он не любил длинных речей и нередко прерывал тех, кто слишком усердствовал в похвалах. Сегодня же терпеливо выслушивал даже самых многословных. Когда к нему подошёл Михаил Львович Глинский, дядя великой княгини, Василий поднялся навстречу. Михаил Глинский был человеком с необыкновенной судьбой. Он успел послужить при чужих дворах, испытать военное счастье и поражение, пережить опалу и заключение. Теперь его положение при московском дворе вновь укрепилось благодаря родству с великой княгиней.

— Поздравляю тебя, государь, — произнёс он. — Дай Бог сыну твоему долгих лет и доброй силы.

— Спасибо, князь Михаил.

— Великая княгиня как себя чувствует?

— Утомлена, да здорова.

— Слава Богу. Нынче для нашего рода радость великая.

Василий посмотрел на него внимательно.

— Для моего тоже.

Михаил слегка наклонил голову.

— Разумеется, государь.

Оба улыбнулись. Михаил прекрасно понял замечание. Рождение сына Елены возвышало Глинских, но прежде всего это был наследник великокняжеского дома. Государь не собирался позволять родственникам жены забывать об этом. Разговор продолжался недолго. Глинский отошёл, уступив место другим поздравляющим, а Василий вновь сел за стол. Однако, наблюдая за приближёнными, он заметил, что каждый по-своему воспринимает случившееся. Одни искренне радовались, другие старались угадать настроение государя, третьи уже обсуждали порядок предстоящего крещения.

Василий хорошо знал своих людей. Он не требовал, чтобы все они любили его сына так же, как он сам. Ему было достаточно, чтобы они признавали законные права мальчика и помнили о служебной присяге. Но в тот день великий князь не хотел думать о возможных нарушениях верности. Он поднял чашу и обратился к собравшимся:

— Господь даровал мне сына. Долго я о том молился, долго ждал. Благодарю всех, кто молился вместе со мной. Дай Бог, чтобы вырос он здоровым, а Русская земля жила в мире.

Бояре подняли чаши. Раздались благопожелания. Праздничный стол продолжался до вечера. Когда гости начали расходиться, Василий почувствовал усталость. Он велел убрать посуду, отпустил служителей и снова направился к Елене. На этот раз в её покоях было тихо. Младенец спал, и великая княгиня тоже задремала, повернувшись к небольшому ложу, где находился сын. Ульяна сидела поблизости и, заметив государя, поднялась. Василий жестом велел ей не шуметь. Он подошёл к ребёнку.

Маленький Иван лежал на спине, поджав руки. Его грудь едва заметно поднималась под тонким полотном. Лицо казалось теперь спокойнее, чем утром, и Василий неожиданно подумал, что сын совсем не похож на того наследника, которого он столько лет представлял себе. В его воображении наследник был прежде всего будущим государем — мальчиком, которого станут учить грамоте, верховой езде, военному делу, управлению людьми. Теперь же перед ним находился младенец, нуждавшийся в тепле, пище и заботе. Он наклонился ближе.

— Спит? — тихо спросил.

— Спит, государь.

— Давно?

— Только недавно уснул.

— Не стану тревожить.

Елена открыла глаза.

— Ты пришёл?

— Пришёл. Спи.

— А сам что не спишь?

— Успею.

Она протянула руку. Василий присел рядом.

— Говорят, праздник большой был, — сказала Елена.

— Был.

— Все довольны?

— Всякий по-своему.

Она улыбнулась.

— А ты?

— Я доволен.

Елена внимательно посмотрела на него.

— Вот теперь верю.

Он взял её руку, и они сидели молча, слушая дыхание ребёнка. За окном снова начал накрапывать дождь. Василий вспомнил, как ещё недавно Елена боялась предстоящих родов и просила обещать, что он не оставит ребёнка без защиты. Теперь сын лежал рядом с ними,

и прежние страхи казались далёкими. Он не стал говорить об этом. Пусть Елена отдыхает. Впереди у них было множество обычных семейных забот, о которых великий князь прежде почти не задумывался. Прошло несколько дней.

В великокняжеских палатах постепенно восстановился обычный порядок, хотя теперь к прежним заботам прибавилось множество новых. Для младенца приготовили отдельные вещи, назначили женщин, которым надлежало присматривать за ним, следить за чистотой одежды и помогать кормилице. Всякое изменение в его поведении становилось поводом для обсуждений. Если он долго спал, женщины радовались, что ребёнок спокоен. Если плакал, немедленно начинали выяснять причину. Елена поправлялась быстрее, чем ожидали.

Первые дни она почти не вставала, но затем начала понемногу ходить по комнате, хотя старшие женщины настойчиво советовали не торопиться. Ей хотелось самой заниматься сыном, брать его на руки, наблюдать, как он просыпается, как ищет глазами свет и поворачивает голову на человеческий голос. Ульяна иногда ворчала, что великая княгиня чрезмерно утомляет себя, но не препятствовала ей. Однажды Елена попросила принести колыбель ближе к окну.

— Света ему не хватает, — сказала она.

— Так он ещё ничего толком не видит.

— Откуда знаешь?

— Детей немало на руках держала.

— А я своего хочу видеть.

Ульяна передвинула колыбель. Елена сидела рядом и наблюдала, как сын спит. Мальчик временами вздрагивал, морщил лоб, открывал рот, словно собирался что-то сказать. Эти движения казались матери чрезвычайно интересными. Одна из молодых служанок, помогавшая менять бельё, тихо заметила:

— На государя похож.

— На кого? — спросила Елена.

— На великого князя.

— Чем же?

Девушка растерялась.

— Лицом.

Елена взглянула на сына.

— У Василия Ивановича борода, — сказала она. — А у этого даже волос толком нет.

Служанка покраснела, а Ульяна рассмеялась.

— Вырастет — и борода будет.

— Пусть прежде ходить научится, — ответила Елена.

Она вновь наклонилась к ребёнку.

В последние дни ей всё чаще приходилось принимать поздравления. Приходили женщины из знатных семей, приносили подарки, расспрашивали о здоровье, желали великому князю ещё сыновей. Елена принимала их благосклонно, но быстро уставала от бесконечных разговоров. Она заметила, что многие посетительницы словно не видят самого ребёнка. Они говорили о продолжении рода, о прочности наследования, о радости великого князя и будущем государства. Мальчик лежал тут же, в колыбели, но внимание к нему ограничивалось несколькими положенными словами.

Елена не обижалась. Она понимала, какое значение имеет рождение сына. И всё же иногда ей хотелось, чтобы кто-нибудь спросил, хорошо ли он ест, спокойно ли спит, не болит ли у него живот. В тот день, когда Василий сообщил о подготовке поездки в Троицкий монастырь, Елена впервые выразила настоящее недовольство.

— Он ещё маленький.

— Знаю.

— Так зачем везти в такую даль?

— Крестить надо. Сам знаешь, как прежде поступали в нашем роду.

— Можно и в Москве крестить.

Василий посмотрел на жену.

— При Сергиевых мощах хочу.

— А дорога? Трясти будет.

— Повезут осторожно.

— Холодно уже по утрам.

— Укроют.

— Ты на всё ответ приготовил.

— Не на всё, — сказал Василий. — На то, как его везти, люди ответят. А за благополучие его молиться станем.

Елена вздохнула. Она знала, какое значение имел для мужа Троицкий монастырь. Туда они вместе ездили молиться о даровании ребёнка. Там покоился преподобный Сергий, чьё имя пользовалось особенным почитанием в великокняжеской семье. И сам Василий Иванович был когда-то крещён в этой обители.

— Я бы с вами поехала, — сказала она.

— Тебе пока нельзя.

— Знаю.

Он придвинулся ближе.

— Всего несколько дней. Вернёмся, и сама увидишь.

— А если плакать будет?

— Ульяна говорит, ему это полезно.

— Ульяна всё знает, — заметила Елена.

— Почти всё.

Она улыбнулась, но тревога не проходила. Василий посмотрел на спящего сына.

— Елена, я ведь и сам боюсь.

Она удивлённо подняла глаза.

— Чего?

— Всего. Что заболеет, что не доглядят, что в дороге случится беда. Думаешь, мне легко его от тебя увозить?

— Так не увози.

— Не могу.

Василий произнёс это без раздражения. Для него поездка была не придворным обычаем, от которого можно отказаться по желанию, а исполнением обета и семейного религиозного долга. Елена понимала это. Она взяла младенца на руки, осторожно поправила покрывало и некоторое время держала его, прижав к груди.

— Ладно, — произнесла наконец. — Только сам за ним смотри.

— Сам буду.

— Не одним слугам поручай.

— Обещаю.

Она передала ребёнка постельнице и повернулась к мужу.

— И возвращайтесь скорее.

Василий наклонился и поцеловал её в лоб.

— Скорее, чем думаешь.

Вскоре в Кремле начались приготовления к поездке. Надлежало выбрать подходящие повозки, собрать сопровождающих, позаботиться о ночлеге, пище, тёплой одежде и всём необходимом для новорождённого. Люди, отвечавшие за устройство великокняжеских поездок, привыкли к сложным поручениям, но теперь проявляли особенную осторожность. Каждый

понимал, кого предстоит везти. Василий не желал излишней пышности, однако и отправляться в дорогу с малым сопровождением не собирался. Были назначены служители, охрана, люди для ухода за ребёнком. Отдельные распоряжения получили те, кому надлежало заранее подготовить всё необходимое в монастыре. Когда приготовления закончились, Елена сама наблюдала, как сына укладывают в дорожную колыбель.

Она несколько раз проверила, достаточно ли тепло его укрыли, велела заменить одну из пелёнок и строго наказала кормилице не допускать, чтобы ребёнок оставался голодным. Ульяна выслушала распоряжения и сказала:

— Государыня, да ты уж десятый раз одно и то же говоришь.

— И одиннадцатый скажу.

— Так мы и одиннадцатый послушаем.

Елена хотела рассердиться, но вместо этого обняла постельницу.

— Береги его.

— Убережём, государыня.

Василий стоял неподалёку. Когда пришло время отправляться, он подошёл к жене.

— Ну, прощай пока.

Елена молча кивнула. Она поцеловала сына, осторожно коснулась губами его лба и передала женщинам. Мальчик спал. Василий хотел сказать что-нибудь утешительное, но увидел слёзы на глазах жены и промолчал. Он лишь крепко сжал её руку. Потом вышел вслед за сопровождающими. За воротами ожидали лошади. Начинался сентябрь. По утрам уже чувствовалась осенняя прохлада, хотя днём солнце ещё хорошо прогревало дороги и поля. Возле Москвы стояли убранные участки хлеба, за деревнями виднелись стога, а на окраинах лесов кое-где начинали желтеть листья. Великокняжеский поезд двигался осторожно.

На неровных местах дорога заставляла повозки качаться, и тогда возницы сбавляли ход. Василий неоднократно останавливался, чтобы узнать, как чувствует себя младенец. Женщины уверяли, что всё благополучно, но он всё равно подходил и собственными глазами убеждался, что ребёнок спокоен. Поначалу это вызывало у приближённых удивление. Государь, привыкший переносить долгие дороги и не терпевший ненужных остановок, теперь сам требовал ехать медленнее. Однако никто не осмеливался спорить. Василий почти не замечал взглядов окружающих.

Ему нравилось видеть сына. Он не мог объяснить, отчего испытывает такое удовольствие, когда смотрит на маленькое лицо или слышит негромкий голос ребёнка. Вся жизнь великого князя была наполнена событиями гораздо более значительными по внешнему виду, чем сон и плач новорождённого. Но именно эти простые вещи теперь занимали его мысли. На одной из остановок мальчик проснулся и начал плакать. Женщины засуетились. Кормилица взяла его, проверила пелёнки, попыталась успокоить, но ребёнок продолжал кричать. Василий подошёл.

— Что с ним?

— Ничего, государь. Проснулся.

— Так отчего плачет?

— Младенцы и без причины плачут.

— Без причины ничего не бывает.

Ульяна, сопровождавшая княжича, не удержалась от улыбки.

— Значит, причина есть, а сказать не умеет.

— Так узнайте.

— Узнаем, государь.

Василий постоял ещё немного, затем отошёл к лошадям. Через несколько минут плач прекратился. Он обернулся. Ульяна держала ребёнка на руках и что-то тихо напевала.

— Ну вот, — сказала она, заметив государя. — Видишь, утих.

— Что же ему было надо?

— На руки захотел.

Василий покачал головой.

— Мал ещё, а уже распоряжается.

— Так кто ж ему откажет?

Великий князь рассмеялся. Он подошёл к ребёнку, осторожно коснулся маленькой ладони. Младенец непроизвольно сжал его палец. Василий замер.

— Гляди-ка, держит.

— Держит, — подтвердила Ульяна.

— Крепко.

Он не стал вынимать палец сразу. Стоял неподвижно, наблюдая за сыном, потом велел продолжать путь. Дорога снова потянулась между лесами и полями. Сопровождавшие великого князя люди переговаривались о погоде, о состоянии дороги, о предстоящем пребывании в монастыре. Кто-то вспоминал прежние поездки Василия, кто-то рассказывал о людях, живущих в придорожных селениях. Великий князь слушал эти разговоры рассеянно. Он думал об Елене. Надо будет непременно написать ей, что дорогу сын переносит хорошо. И рассказать, как тот ухватился за его палец. Пожалуй, Елена посмеётся. На этой мысли Василий поймал себя и сам улыбнулся. К Троицкому монастырю прибыли заблаговременно.

Монастырь встретил великокняжеский поезд колокольным звоном. У ворот собрались монахи, служители и люди, пришедшие посмотреть на прибытие государя. Игумен Иоасаф Скрипицын вышел навстречу со старшими иноками. Василий сошёл с коня, принял благословение и прежде всего спросил о приготовлениях к крещению.

— Всё готово, государь, — ответил игумен. — Братия молится о здравии младенца и великой княгини.

— Благодарю, отче.

Иоасаф был человеком сдержанным и внимательным. Он знал, с какой надеждой Василий Иванович прежде приезжал в обитель и как много значило для великокняжеской семьи рождение сына.

— Господь услышал молитвы ваши, — сказал он.

— Услышал, отче.

Василий обернулся к повозке. Кормилица осторожно вынесла младенца, укрытого мягким покрывалом. Монахи склонили головы. Игумен взглянул на ребёнка.

— Маленький ещё.

— Десяти дней нет, — ответил Василий.

— А уже дальнюю дорогу одолел.

— С Божьей помощью.

Младенец зашевелился. Иоасаф перекрестил его, затем обратился к великому князю:

— Ступай, государь, отдохни с дороги. Ко времени всё устроим.

Василий кивнул. Он хотел ещё расспросить игумена, но увидел, что женщинам необходимо устроить ребёнка, и велел проводить их в приготовленные покои. В монастыре царила особенная тишина, совершенно не похожая на кремлёвскую. Здесь тоже было много людей, каждый исполнял определённые обязанности, но даже обычные хозяйственные хлопоты словно подчинялись иному распорядку. Колокольный звон делил день на службы, монахи переходили из одного здания в другое, послушники носили воду, готовили трапезу, убирали двор. Василий давно любил эту обитель.

Он помнил прежние богомолья, молитвы перед ракой преподобного Сергия, разговоры с игуменами. Но теперь всё воспринималось иначе. Он приехал не просить о даровании наследника, а благодарить за исполнение многолетнего ожидания. Вечером великий князь встретился с одним из старцев, приглашённых стать восприемником младенца, Кассианом Босым. Кассиан

был глубоким стариком, прожившим долгую монашескую жизнь. Возраст согнул его спину, движения стали медленными, но взгляд сохранял ясность. Василий поклонился ему.

— Благослови, отче.

Старец перекрестил великого князя.

— Бог благословит, чадо.

Они сели. Некоторое время говорили о здоровье, дороге, монастырской жизни. Кассиан расспросил о великой княгине и ребёнке.

— Живой мальчик, — сказал Василий. — Голосистый. И в дороге покоя не давал.

Старец улыбнулся.

— Значит, силы есть.

Василий помолчал.

— Хочу, отче, чтобы добрым вырос.

— Воспитывай доброму.

— Трудное дело.

— А разве лёгкое тебе обещано?

Василий посмотрел на старца.

— Государю многое приходится делать, чего другим не пожелаешь.

— Так и спрос с него иной.

В этих словах не было ни укоризны, ни похвалы. Кассиан произнёс их спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Василий не стал спорить.

— Хочу, чтобы сын мой знал, чем владеет, — сказал он после некоторого молчания. — Не одной Москвой ведь дело ограничивается. Сколько земель, сколько людей. Всех надо удержать в порядке.

— Значит, прежде всего людей знать ему надобно.

— Людей?

— А кого же ещё? Земля сама по себе не служит, хлеб сам себя не сеет, города без людей не стоят.

Василий слабо улыбнулся.

— Верно говоришь.

Кассиан немного помолчал, затем добавил:

— Только нынче он ещё мал. Дай ему сперва вырасти.

Великий князь кивнул. Старец не стал продолжать наставления. Он попросил благословения удалиться и медленно поднялся. Василий проводил его до двери. Оставшись один, великий князь задумался над услышанным. Елена говорила почти то же самое. Она хотела, чтобы их сын прежде всего был счастлив, чтобы рос здоровым и любимым. Кассиан напоминал, что ребёнку необходимо дать время вырасти, прежде чем требовать от него исполнения государственных обязанностей. Сам Василий думал о наследнике иначе. Слишком многое зависело от того, каким человеком станет его сын. Но теперь, находясь вдали от московских дел, он неожиданно почувствовал, что может хотя бы на несколько дней отложить эти мысли. Пусть мальчик просто живёт. Утром четвёртого сентября состоялось крещение.

В Троицком соборе собрались назначенные участники церемонии. Горели свечи, в воздухе стоял запах ладана. Свет проникал через узкие окна и ложился на каменные плиты, на одежды священнослужителей, на лица людей, ожидавших начала таинства. Василий находился неподалёку от купели. Рядом стояли старцы, избранные восприемниками младенца: Кассиан Босой, Даниил Переяславский и троицкий инок Иов Курцев. Игумен Иоасаф готовился совершить крещение. Ребёнка внесли в храм. Он не плакал. Ульяна осторожно передала его тем, кому надлежало участвовать в обряде, и отступила к остальным женщинам. Василий наблюдал за происходящим с необыкновенным вниманием. Он хорошо знал церковные службы, сам

неоднократно участвовал в торжественных обрядах, но теперь боялся пропустить какое-нибудь движение, слово или мгновение. Игумен читал молитвы.

Младенец лежал на руках восприемников, беспокойно двигал головой и время от времени открывал рот. Когда его опустили в купель, он громко закричал. Женщины невольно переглянулись, но Иоасаф продолжал совершать таинство спокойно и уверенно. Василий сжал руки. Ему хотелось подойти, посмотреть, всё ли благополучно, но он остался на месте. Младенца вынули из воды, завернули в приготовленное полотно. Плач постепенно стих. Прозвучало имя:

— Иоанн.

Василий перекрестился. Теперь его сын был не только наследником великокняжеского дома. Он стал христианином, принятым в Церковь и наречённым именем, которое носили русские князья и святые. Когда обряд завершился, великий князь принял младенца на руки. Он подошёл к раке преподобного Сергия Радонежского. Сопровождавшие его монахи отступили, освобождая место. Василий осторожно возложил сына на святыню и склонил голову в молитве. Он не произносил длинных слов. Всё, о чём хотел просить, уже много раз было сказано прежде. Теперь ему оставалось благодарить. Младенец лежал спокойно. Василий смотрел на него и чувствовал, как постепенно уходит напряжение, не покидавшее его со времени рождения сына.

Он молился о здоровье ребёнка, о благополучии Елены, о мире в собственном доме. Просил, чтобы мальчик вырос разумным, крепким, способным отличать верных людей от льстецов и исполнять долг перед Богом и своей землёй. Потом осторожно поднял сына. Кассиан Босой подошёл ближе.

— Благослови Господь младенца, — произнёс старец.

Василий склонил голову. Оба молчали. Наконец старец сказал:

— Береги его, государь.

— Буду беречь.

— И учи беречь других.

Василий посмотрел на Кассиана. Тот не стал ничего добавлять. В соборе продолжалось богослужение. Люди молились, священнослужители произносили положенные слова, а маленький Иван, утомлённый непривычной обстановкой, вскоре уснул. Великий князь передал его кормилице и остался на молитве. После службы в монастыре устроили угощение. Василий беседовал с игуменом, старцами, приглашёнными людьми. Были сделаны вклады, роздана милостыня. Слуги и сопровождающие получали распоряжения относительно возвращения в Москву. Но великий князь не торопился. Он хотел ещё раз побыть в храме, где крестили сына. К вечеру, когда большинство забот закончилось, Василий вновь пришёл к раке Сергия. В храме было почти пусто.

Горели несколько свечей. У дальней стены молился пожилой монах. Великий князь подошёл к святыне, поклонился и долго стоял неподвижно. Потом тихо произнёс:

— Благодарю Тебя, Господи.

Ему было пятьдесят лет. За спиной оставались многие годы правления, военные походы, тяжёлые решения, смерть близких людей, споры с братьями, борьба за земли и власть. Он привык считать себя человеком, который должен отвечать за всё происходящее в государстве. Но в эти минуты государственные заботы отступили. У него был сын. И этого оказалось достаточно, чтобы великий князь почувствовал себя счастливым. Когда он вышел из собора, уже темнело. Над монастырём поднимался тонкий вечерний туман. В окнах келий мерцали огни. Где-то за оградой ржали лошади, готовые к обратной дороге. Василий направился к приготовленным для него покоям. Перед дверью остановился. Изнутри доносился детский плач. Он улыбнулся.

— Что, Иван Васильевич, — негромко сказал великий князь, — опять чем-то недоволен?

И вошёл. Возвращения мужа и сына Елена ждала с нетерпением. За несколько дней разлуки она успела привыкнуть к тишине, но эта тишина раздражала её. Комнаты казались

пустыми. По утрам она просыпалась и невольно смотрела туда, где прежде стояла колыбель, а затем вспоминала, что ребёнка увезли. Женщины старались развлекать её разговорами, рассказывали придворные новости, приносили книги, предлагали рукоделие. Елена слушала вполуха. Она понимала, что мальчик находится под надёжной охраной и что Василий сам следит за всем необходимым, но материнская тревога не поддавалась рассудочным объяснениям.

Когда сообщили о возвращении великокняжеского поезда, Елена распорядилась приготовить чистое бельё, велела принести лёгкую одежду и, несмотря на возражения Ульяны, вышла встретить мужа. Василий, увидев её, остановился.

— Кто тебе разрешил по палатам ходить?

— Сама себе разрешила.

— Лекари что говорят?

— Лекари со мной не спорят, когда я тебя жду.

Он рассмеялся.

— Значит, ты теперь и лекарями повелеваешь?

— Пока только собственным домом.

Василий обнял жену.

— Сына привёз.

— Вижу.

— Хорошо перенёс дорогу. Крестили благополучно.

— Где он?

Василий обернулся и велел подать ребёнка. Елена взяла сына, осторожно прижала к себе и стояла молча. Мальчик спал. За время разлуки он почти не изменился. Всё то же маленькое лицо, тот же нос, те же едва заметные брови. Но Елене показалось, что он стал тяжелее.

— Вырос, — сказала она.

Василий улыбнулся.

— За несколько дней?

— Вырос.

— Тебе виднее.

Они вернулись в покои. Елена велела поставить колыбель возле своей постели и некоторое время расспрашивала Ульяну о дороге, ночлеге, крещении и здоровье ребёнка. Постельница подробно отвечала, иногда украшая рассказ забавными подробностями, но Елена всё равно возвращалась к одним и тем же вопросам. Когда Ульяна наконец ушла, Василий сел рядом с женой.

— Ну что, успокоилась?

— Теперь успокоилась.

Он молчал.

— Хорошо у Троицы было, — сказал наконец.

— Расскажи.

И Василий начал рассказывать. Он говорил о дороге, о встрече с игуменом Иоасафом, о старцах, о том, как мальчик кричал во время крещения, как лежал возле раки преподобного Сергия. Елена слушала внимательно, время от времени уточняла подробности и просила повторить то, что уже слышала. Особенно её развеселил рассказ о том, как сын ухватился за отцовский палец.

— Видишь, — сказала она. — Уже тебя не отпускает.

— И не отпустит, видно.

— А ты не вырывайся.

Василий взглянул на ребёнка.

— Не стану.

Они долго сидели рядом. За окнами постепенно темнело. На кремлёвском дворе заканчивались дневные работы, слуги готовили вечернюю трапезу, где-то вдалеке звонил колокол. Елена поправила покрывало на колыбели.

— Знаешь, о чём я думала, пока вас не было?

— О чём?

— Как странно всё устроено. Сын ещё ничего не знает, а столько людей уже о нём заботится. Одни молятся, другие одежду готовят, третьи охраняют, четвёртые думают, кто его учить станет.

— Таков уж его род.

— А он пока только ест да спит.

— И кричит, — добавил Василий.

— И кричит.

Они улыбнулись. Потом Елена стала серьёзной.

— Хочется мне, чтобы он хорошим человеком вырос.

— Хорошим вырастет.

— Ты так уверенно говоришь.

— Мы его воспитывать станем.

— Не только мы. Людей вокруг много будет.

Василий посмотрел на жену.

— За тем и следить надо.

Елена вздохнула.

— А всё-таки хочется, чтобы он сперва просто ребёнком побыл. Не государем, не наследником. Просто нашим сыном.

Василий не ответил сразу. Он понимал её желание, но знал, что полностью исполнить его невозможно. С самого рождения мальчик принадлежал не только семье. Его имя уже произносили в церквах, о нём говорили бояре, его появление меняло порядок придворной жизни. И всё же сейчас, в этой комнате, среди привычных вещей, рядом с усталой женой и спящим младенцем, великий князь не хотел думать о государственном значении сына. Он наклонился к колыбели.

— Иван, — тихо позвал он.

Мальчик не проснулся. Елена улыбнулась.

— Не слышит.

— Мал ещё.

— Вырастет — услышит.

Василий осторожно коснулся края покрывала.

— Пусть растёт.

Ночью, когда в палатах погасили свечи и стихли последние шаги, Елена проснулась от негромкого плача. Она повернулась к колыбели, но прежде, чем успела позвать Ульяну, дверь открылась и появилась сонная кормилица. Мальчика взяли на руки, успокоили, накормили и снова уложили. Елена наблюдала за ним. Сколько бы людей ни окружало её сына, он оставался маленьким существом, которое не знало ни придворных обычаев, ни княжеских родословных, ни того, какое значение придают взрослые его рождению. Для него существовали только тепло, голод, сон, человеческие голоса и прикосновения. Елена протянула руку и осторожно погладила его по голове.

— Спи, Иванушка, — прошептала она.

Мальчик вздохнул и затих. За окном было темно. Издалека доносился шум Москвы, не засыпавшей даже ночью. В домах горели огни, сторожа обходили улицы, купцы готовились к раннему выезду, ремесленники отдыхали после трудового дня. Где-то плакали другие дети, и матери, проснувшись, так же поднимались с постелей, чтобы утешить их. Елена лежала и

думала, что теперь ей понятна любовь, о которой прежде говорили другие женщины. До рождения сына она не знала этого чувства. Теперь же ей казалось, что оно существовало в ней всегда и только ожидало своего часа. Она ещё раз посмотрела на ребёнка, поправила одеяло и закрыла глаза. Впервые за многие дни сон пришёл спокойно.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ОТЦОВСКИЙ ДОМ

Москва. Зима 1530 года.

Первый снег выпал ночью, когда в Кремле уже погасили большую часть огней и лишь сторожа продолжали обходить стены, ворота и дворы. К утру белым покрывалом затянуло кровли, выступы каменных зданий, деревянные переходы и узкие дорожки между хозяйственными постройками. Вода, ещё вчера стоявшая в колеях, схватилась тонким льдом. Лошади осторожно переступали по обледеневшей земле, а дворцовая челядь с самого рассвета расчищала проходы, стараясь управиться прежде, чем из внутренних палат начнут выходить люди. Из покоев великой княгини доносился детский плач.

Иван проснулся раньше обычного. Накануне он плохо ел, беспокойно спал, несколько раз требовал кормилицу и теперь никак не желал успокаиваться. Елена уже успела взять его на руки, походить с ним по комнате, поменять пелёнки и снова уложить, но едва мальчик касался постели, как начинал плакать с прежней настойчивостью.

— Да что же тебе нужно, маленький? — спрашивала она, наклоняясь над колыбелью. — Сыт, сухой, тепло тебе. Чего ещё не хватает?

Иван не отвечал, разумеется, но кричал так, словно был глубоко возмущён несправедливостью взрослых. Ульяна, наблюдавшая за стараниями великой княгини, наконец не выдержала.

— Ты его, государыня, опять на руки возьми.

— Только что держала.

— Значит, мало.

— Он ведь привыкнет.

— А пускай привыкает.

Елена взглянула на постельницу.

— Ты сама прежде говорила, что нельзя каждый раз брать его, едва заплачет.

— Так я и теперь говорю. Только нынче он иной какой-то.

Она осторожно приподняла младенца, потрогала лоб и приложила ладонь к щеке.

— Не горячий. Живот, должно быть, беспокоит.

Елена сразу насторожилась.

— Может, лекаря позвать?

— Погоди с лекарем. Ещё налечат.

Ульяна принялась медленно ходить по комнате, негромко напевая старую колыбельную. Иван продолжал всхлипывать, но постепенно затих. Его маленькая ладонь высунулась из пелёнки, пальцы разжались, и вскоре он уснул.

— Вот видишь, — прошептала постельница.

Елена облегчённо опустилась на скамью.

— Ты с ним лучше меня управляешься.

— Мне не впервой.

— А мне всё кажется, что я что-нибудь не так делаю.

Ульяна положила ребёнка в колыбель.

— Всякой матери так кажется с первым-то. Потом привыкнешь.

Елена посмотрела на спящего сына. За три месяца он заметно изменился. Щёки округлились, руки стали крепче, тёмные волосы на голове немного отросли. Он уже подолгу смотрел на лица склонявшихся над ним людей, иногда улыбался неизвестно чему и с удивительной

настойчивостью пытался освободить руки из пелёнок. Порой Елена ловила себя на том, что часами готова наблюдать за сыном. Ей было интересно всё: как он поворачивает голову, прислушиваясь к голосу, как морщит лоб перед плачем, как засыпает, уткнувшись щекой в мягкое полотно. Даже движения его губ казались ей неслучайными.

С рождением ребёнка изменилась и её собственная жизнь. Прежде она часто сопровождала мужа, участвовала в придворных церемониях, принимала знатных женщин, занималась рукоделием, слушала чтение книг. Теперь всё подчинялось младенцу. Время измерялось не началом служб и не приходом гостей, а кормлениями, сном и короткими промежутками между ними. И всё же Елена никогда прежде не чувствовала себя настолько необходимой. Она подошла к окну. За оконницей виднелся заснеженный двор, по которому двое слуг тащили тяжёлые корзины с дровами. Ветер гонял снег между строениями. У самого крыльца стоял конюх, пытавшийся успокоить лошадь, испугавшуюся упавшей с крыши снежной глыбы.

— Морозно будет, — сказала Елена.

— Уже морозно, — ответила Ульяна. — Ночью вода в сенях замёрзла.

— А государь сегодня куда собирался?

— Говорили, из казны бумаги понесут. Да бояр ждёт.

Елена вздохнула. Василий Иванович последние дни был занят больше обычного. Приближались зимние разъезды, из пограничных городов приходили донесения, требовали решения земельные тяжбы. Государь подолгу засиживался с дьяками, а по вечерам являлся к семье усталым и иногда почти сразу засыпал. Но сына навещал ежедневно. Даже если приходил поздно, когда Иван уже спал, всё равно подходил к колыбели, спрашивал, как мальчик ел, не болел ли, спокойно ли провёл день. Поначалу Елену забавляла эта непривычная для мужа обстоятельность. Она никогда не видела, чтобы Василий Иванович проявлял столько внимания к таким, казалось бы, незначительным вещам. Недавно он даже рассердился на одну из женщин, не сумевшую ответить, сколько раз ребёнок ел за день.

— Неужели государю более важных дел нет? — заметила тогда Елена.

Василий посмотрел на неё с неподдельным удивлением.

— А что для меня нынче важнее его здоровья?

Она не нашлась с ответом. Теперь, глядя на спящего сына, Елена невольно улыбнулась, вспомнив тот разговор.

— Пусть сегодня поспит подольше, — сказала она Ульяне. — Не станем будить без нужды.

Постельница кивнула и пошла распорядиться о завтраке. Однако покой продолжался недолго. Вскоре за дверью послышались шаги, и служанка доложила о приходе великого князя. Василий вошёл в тёплом кафтане, поверх которого ещё лежали не успевшие растаять крупинки снега. На лице его были заметны следы усталости, но при виде жены он улыбнулся.

— Здравствуй, Елена.

— Здравствуй. Рано ты нынче.

— Соскучился.

Она рассмеялась.

— Сын спит.

— А я разве только к сыну пришёл?

Василий поцеловал её и прошёл к колыбели. Иван спал, запрокинув голову. Одну руку ему удалось освободить из пелёнки, и теперь она лежала возле лица.

— Опять распеленался?

— Сам.

— Крепкий, стало быть.

— Или упрямый.

— И это пригодится.

Елена покачала головой.

— Ты уж всякую его привычку к государственным достоинствам причисляешь.

— А что худого?

— Пока ничего. Только он ещё совсем маленький.

Василий осторожно взял сына за ладонь. Иван шевельнулся, сморщил лицо, но не проснулся.

— Пусть растёт, — тихо произнёс отец.

Он сел возле жены, попросил подать горячего питья и впервые за несколько дней рассказал ей не только о делах, но и о собственных заботах. Елена слушала внимательно. Ей нравились такие редкие часы, когда муж переставал быть государем, чьё слово решало судьбы людей, и становился просто человеком, которому можно пожаловаться на усталость, задать неловкий вопрос или напомнить, что он обещал прийти ещё вчера.

— Ты опять мало спал, — заметила она.

— Дела.

— Дела никогда не кончатся.

— Не кончатся.

— Так отчего не отдыхаешь?

Василий улыбнулся.

— Оттого, что и без меня они не кончатся.

Она хотела возразить, но остановилась. Ему действительно приходилось думать о множестве вещей, которые ей самой казались далёкими. Иногда до её покоев доходили слухи о войнах, пограничных столкновениях, неповиновении отдельных князей. Но за каждым подобным известием стояли распоряжения, требовавшие денег, людей и времени.

— А если Иван вырастет, — спросила она, — ты ему всё это рассказывать станешь?

— Что именно?

— Как государством управлять.

— Конечно.

— С каких лет?

Василий задумался.

— Когда разуметь начнёт.

— А если не захочет слушать?

— Захочет.

— Ты уверен?

— Государев сын должен знать своё дело.

Елена взглянула на спящего ребёнка.

— Тогда сперва научи его людей слушать. А то станет только приказывать.

Василий усмехнулся.

— Для того и учить буду, чтобы знал, кому приказывать, а кого слушать.

— Не перепутай только.

Он рассмеялся, но ответить не успел. Иван проснулся. Сначала мальчик открыл глаза и несколько мгновений смотрел перед собой. Потом заметил склонённое над ним лицо отца, недовольно сморщился и громко закричал. Елена протянула к нему руки.

— Ну вот, государь. Проснулся твой наследник.

Василий поднялся.

— Сам возьму.

Он осторожно вынул сына из колыбели, придерживая голову, как научила его Ульяна, и прижал к груди. Иван продолжал плакать, но вскоре отвлёкся на отцовскую бороду. Маленькая рука ухватила несколько волосков и потянула их с неожиданной силой.

— Эй! — воскликнул Василий.

Елена расхохоталась.

— Вот тебе и государственная служба!

— Отпусти, Иван, — строго произнёс отец, тщетно пытаясь освободить бороду.

Мальчик не отпускал.

— Видишь, — сказала Елена, — уже не всякий приказ исполняет.

Василий наконец высвободился и с видом человека, потерпевшего поражение в неравной борьбе, передал сына жене.

— С характером будет.

— От кого бы ему характер достался?

Василий посмотрел на неё.

— От матери, верно.

Елена вновь рассмеялась. Некоторое время они занимались ребёнком вместе. Потом великого князя позвали к государственным делам. Перед уходом он ещё раз подошёл к колыбели, где Иван уже успокоился, и осторожно погладил сына по голове.

— Расти, Иванушка, — сказал он.

Елена проводила мужа до двери. Когда та закрылась, она вернулась к ребёнку и долго сидела возле него, вспоминая, как тот ухватился за отцовскую бороду. Ей казалось удивительным, что человек, которого боялись сильные князья и воеводы, так беспомощен перед маленькой детской рукой. В те минуты она любила мужа особенно сильно. Василий Иванович вошёл в палату, где его ожидали бояре и дьяки, уже совершенно иным человеком. Улыбка исчезла, взгляд стал сосредоточенным, движения приобрели привычную неторопливость. Он занял своё место, выслушал приветствия и велел приступить к делам. Первым докладывали о споре между монастырём и несколькими служилыми людьми из-за земли в одном из подмосковных станов.

В палате, где разбирали земельные дела, пахло топлёным воском и мокрым мехом. Просители стояли у стены, не решаясь приблизиться к столу: один, в монастырском подряснике, держал свёрнутую грамоту двумя руками; другой, служилый человек с поредевшей бородой, мял край шапки. Между ними лежала межа, которую никто из присутствующих не видел, и лес, уже наполовину срубленный в ожидании решения. На старой грамоте граница была обозначена дубом и ручьём. Дуба давно не существовало, а ручей по весне прорезал себе новое русло.

— Дуб срубили не сам собою, — заметил боярин, которому поручили предварительно выслушать монастырских людей. — Поди, тот, кому дерево мешало, и повалил.

Служилый человек поднял голову. Ладони у него были красные от холода, шея натёрта воротом старого кафтана. Он поклонился государю и сказал, что дуб срубили ещё при его отце, задолго до нынешней тяжбы. Монастырский старец тотчас возразил: в их книгах записан и лес, и пожни за ручьём. Василий не стал выяснять, кто из них помнит старое дерево лучше. Велел развернуть оба списка, затем неожиданно спросил, кто этой зимой рубил лес. Выяснилось, что работы вёл человек из монастырской вотчины, торопясь заготовить брёвна прежде окончательного суда.

— Пока межи не сыскали, ни одной сосны не трогать, — сказал Василий.

Старец начал было напоминать о жалованной грамоте, но великий князь поднял руку. Монастырям он жаловал немало, любил и защищал обители; тем больнее было видеть, как под прикрытием благочестивых слов спорят за каждую десятину. Он велел вызвать старожильцев из соседних селений и выехать к спорному месту с прежними записями. А срубленное дерево приказал пересчитать: если лес принадлежит монастырю, надлежит заплатить монастырю; если служилому человеку — ему. Тот, кто рубил прежде решения, не должен получать выгоды от собственной поспешности.

Следующим вошёл человек, на которого жаловались за невыход на службу. Он тяжело ступал левой ногой; под длинным кафтаном скрывалась старая рана, полученная в походе.

Землю держал невеликую, коней после нескольких тяжёлых лет почти не осталось. Боярин Шуйский предложил пересмотреть поместье: если служба не исполняется, земля должна достаться тому, кто сможет выйти с оружием и конём. У государя было достаточно причин согласиться. Он сам требовал полной службы с людей, живших на пожалованной земле.

— А кому его землю отдашь? — спросил Василий. — Тому, у кого конь есть нынче, а завтра не станет?

— Служба ждать не может, государь, — ответил Шуйский.

— И оттого я её спрашиваю, — резко произнёс Василий. — Не от старого коня, а от человека.

Он велел выслать людей для проверки хозяйства и временно не отнимать земли. Но тут же приказал записать: если служилый человек скрыл имущество или нанялся к чужому двору вместо государевой службы, отвечать будет не одной землёй. Сидевшие возле него бояре хорошо знали эту интонацию. В ней не оставалось прежней мягкости, с какой государь слушал о больных детях и разорённом дворе. Жалость кончалась там, где, по его убеждению, начинался обман.

После ухода просителей князь потребовал вернуть ему список дел. Там уже ждало несколько тяжб, в том числе монастырских. Бояре обменялись взглядами: один видел в государевом решении справедливость, другой — опасный пример уступчивости. Василий заметил их молчание, но не стал оправдываться. Он больше опасался не недовольства бояр, а дня, когда придётся собирать войско и обнаружится, что за многочисленными именами в разрядных записях почти не осталось людей, способных выйти в поле. Вечером, возвращаясь в домашние палаты, он увидел в сенях крестьянские сани, привезённые с дровами: полозья подломились, и двое работников тщетно пытались разгрузить их, не опрокинув. Государь остановился, велел прислать им плотника и пошёл дальше. Помощь была малой. Но он не любил оставлять на глазах неисправленное, будь то сломанные полозья или спорная грамота.

Снег, выпавший утром, уже потемнел от множества ног и копыт. Слуги носили воду, у конюшен переговаривались сторожа. Василий смотрел на них и думал о собственном отце. Иван Васильевич, собиравший русские земли под московской властью, редко говорил с сыном о государственных делах в форме наставлений. Гораздо чаще он заставлял его присутствовать при разбирательствах, слушать посольские речи, наблюдать за боярами и самому делать выводы. Порой молодому Василию хотелось убежать из душных палат, где взрослые часами спорили из-за границ волостей, размеров пошлин и службы воевод. Но отец не позволял ему уходить.

— Сиди, — говорил он. — Земля не одними походами держится.

Тогда Василий не вполне понимал смысл этих слов. Теперь же вспоминал их почти ежедневно. Он подошёл к столу, на котором остались бумаги. Среди них лежала небольшая грамота, присланная из одного из пограничных городов. Там воевода просил дополнительных людей и припасов, ссылаясь на недавние тревожные известия. Великий князь взял грамоту, перечитал и отложил. На юге следовало держать войско, на западе — следить за литовским государем, на востоке — не выпускать из виду Казань. Между тем внутри страны необходимо было судить, собирать казённые доходы, поддерживать дороги, укреплять города и следить, чтобы местные управители не доводили население до разорения.

Василий не считал всё это непосильной ношей. Он привык к государственному делу и не представлял иной жизни. Но сегодня, когда утром держал на руках сына, ему впервые захотелось, чтобы мальчик получил возможность хотя бы несколько лет не думать обо всех этих заботах. Пусть научится ходить, говорить, смеяться, играть. Василий улыбнулся собственным мыслям. Пожалуй, Елена была права. Не следует торопить детство. В те же зимние дни кузнец Фома едва не лишился выгодного заказа из-за одной сломанной оси.

Утром к его двору приехали двое людей, служивших при хозяйстве одного из московских бояр. Они привезли повозку, у которой лопнула железная полоса, скреплявшая деревянные части колеса, и требовали немедленно всё исправить. Фома осмотрел повреждение и сказал, что одной полосой дело не ограничится: ступица давно разболталась, а колесо держалось лишь потому, что хозяева не успели окончательно его разбить.

— Переделывать надо, — объяснил он.

Старший из приехавших, широкоплечий человек в добротном овчинном тулупе, нахмурился.

— Нам к вечеру повозка нужна.

— Тогда новую ищите.

— Ты что, мастер, спорить вздумал?

— Я говорю, что вижу. Сломается у вас на дороге, потом ко мне же придёте.

— Не твоё дело.

Фома положил молот на верстак.

— Коли чинить моими руками, стало быть, моё.

Они долго пререкались, пока второй приехавший, оказавшийся человеком более рассудительным, не предложил оставить колесо на два дня и заплатить за работу по уговору. Фома согласился, но предупредил, что без хорошего сухого дерева прочной ступицы не сделать. Когда заказчики уехали, подмастерье Никита, молодой парень из подмосковной деревни, спросил:

— А ежели боярину не понравится?

— Что?

— Что ты им перечил.

Фома продолжал осматривать колесо.

— Боярину, может, и не понравится. А вот когда его повозка в овраг свалится, ещё хуже будет.

— Могли приказать, чтобы задаром сделал.

— Могли.

— И что бы ты тогда?

Фома выпрямился.

— Пошёл бы жаловаться.

— Кому?

— Кому следует.

Никита недоверчиво усмехнулся.

— На боярских-то людей?

— А чего? Не одному им на свете жить.

Он произнёс это уверенно, хотя сам прекрасно знал, что жалоба не всегда приносит справедливое решение. Всякий мастер, зависевший от заказов богатых людей, должен был уметь не только работать, но и защищать своё право получить обещанную плату. Фома много раз сталкивался с теми, кто считал достаточной наградой уже саму честь исполнить боярское поручение. Однако железо стоило денег, уголь тоже, подмастерья надо было кормить, а дома ждала семья. После полудня к кузнице пришла его жена Аксинья.

Она принесла завёрнутый в полотно хлеб, горшок горячей похлёбки и чистые рукавицы, которые за несколько вечеров успела сшить мужу. Вместе с ней явился средний сын, шестилетний Гришка. Мальчик сразу направился к наковальне, но отец остановил его.

— Не подходи.

— Я только посмотрю.

— Издали смотри.

— А когда мне можно будет молотом бить?

— Когда молот тебя поднимать перестанет.

Гришка нахмурился.

— Я сильный.

— Вижу. Вчера ведро уронил, так вся вода в сенях оказалась.

Аксинья улыбнулась.

— Не дразни ребёнка.

Фома сел есть. Жена прислонилась к косяку, наблюдая, как Гришка разглядывает железные обрезки.

— У нас дрова кончаются, — сказала она.

— Завтра привезут.

— Ты и вчера так говорил.

— Вчера обещали завтра.

— А сегодня что обещают?

— Теперь уж точно завтра.

Аксинья покачала головой. За годы замужества она привыкла к таким ответам и понимала, что муж не по легкомыслию откладывает хозяйственные дела. Зимой хорошее топливо дорожало, а деньги от больших заказов поступали не сразу.

— У Дарьи башмаки совсем прохудились, — прибавила она.

— Починю.

— Они не железные.

— И кожаное чинить умею.

— Вот и хорошо. Сегодня вечером покажешь.

Фома доел похлёбку, вытер бороду и посмотрел на сына. Тот наконец нашёл среди обрезков маленький погнутый гвоздь и теперь пытался выпрямить его между двумя камнями.

— Григорий! — окликнул отец.

Мальчик вздрогнул.

— Чего?

— Иди сюда.

Гришка подошёл, пряча находку за спиной. Фома протянул руку.

— Покажи.

Мальчик нехотя положил гвоздь на отцовскую ладонь.

— Хотел выправить.

— А зачем?

— Чтобы хороший стал.

Фома внимательно осмотрел гвоздь.

— Хороший из него уже не выйдет. Железо надломилось.

— А если нагреть?

— Тогда, может, и выйдет. Только стоит ли столько труда один старый гвоздь?

Гришка задумался.

— Не знаю.

Фома положил гвоздь на край верстака.

— И я не всегда знаю. Потому прежде чем работать, надо понять, что хочешь сделать и чего оно будет стоить.

Аксинья рассмеялась.

— Ты и ребёнка уже торговать учишь.

— А что? Пусть думает.

Фома поднялся, взял небольшой железный обрезок и, убедившись, что тот совершенно остыл, протянул сыну.

— На. Можешь оставить.

Гришка обрадовался так, словно получил дорогую игрушку. Когда жена и сын ушли, кузнец ещё смотрел им вслед. Он не считал себя человеком несчастливым. У него был двор, ремесло, жена, трое детей и достаточно заказов, чтобы не голодать даже в неурожайные годы. Но порой, наблюдая за тем, как меняются цены на железо, уголь и хлеб, Фома ощущал, насколько непрочно это благополучие. Один пожар мог уничтожить дом. Одна болезнь — лишить семью кормильца. Неудачная зима — заставить занимать деньги. Ссора с влиятельным заказчиком — закрыть дорогу к выгодной работе.

Он никогда не видел великого князя вблизи и не представлял, какими заботами наполнена его жизнь. Фоме казалось, что человек, имеющий столько богатств, войско и власть, не должен тревожиться о повседневных нуждах. Однако вечером, когда к кузнице вновь приехали люди за починенным колесом, старший из них неожиданно разговорился.

— Государю нынче не до нас, — сказал он, пересчитывая деньги. — У него и своих хлопот хватает.

— Каких же? — спросил Фома.

— Да всяких. Дела государственные. А сын малый, говорят, нездоров был.

Фома насторожился.

— Наследник?

— Он самый.

— Что с ним?

— Да кто знает. Бабы говорили, плакал много. Теперь, кажется, обошлось.

Фома кивнул.

— Дети плачут.

— У великого князя тоже.

Он произнёс это с лёгкой усмешкой, словно сама мысль казалась ему забавной. Фома ничего не ответил. Вечером, вернувшись домой, он застал младшего сына спящим на руках у Аксиньи. Мальчик недавно простудился, и жена уже несколько дней внимательно следила за его дыханием. Фома подошёл, приложил ладонь к детскому лбу и с облегчением убедился, что жара нет. Потом снял промокшие сапоги и сел возле печи. Ему пришло в голову, что великий князь, вероятно, делает то же самое, когда его ребёнок болеет. И эта мысль почему-то понравилась кузнецу.

Весна 1531 года пришла рано, но не сразу. Сначала под крышами появились длинные сосульки, с которых днём беспрерывно капала вода. Затем снег на открытых местах начал оседать, сереть, покрываться грязной коркой. По улицам потекли ручьи, оставляя глубокие промоины, и движение возов стало таким трудным, что люди предпочитали без нужды не выезжать за пределы своих дворов. Москва пахла сырой землёй, дымом и талым снегом.

В Кремле тоже прибавилось хлопот. Приходилось чинить повреждённые зимними морозами кровли, расчищать водостоки, просушивать хозяйственные помещения, проверять состояние деревянных переходов. На дворах стучали топоры, везли брёвна, скребли лопатами землю. Елена любила это время года. После долгих зимних месяцев ей особенно приятно было смотреть, как постепенно оживают сады. Под деревьями появлялись проталины, птицы возвращались к своим гнёздам, воздух становился мягче. Как только позволила погода, она велела готовить лёгкие покрывала для сына, чтобы можно было выносить его на прогулки. Ивану исполнилось семь месяцев.

Он уже узнавал мать, тянулся к знакомым людям, пытался самостоятельно сидеть и сердился, когда его укладывали раньше, чем он того хотел. Особенно нравились ему яркие вещи. Стоило показать мальчику небольшой позолоченный образок или кусочек цветной ткани, как он немедленно протягивал руки и начинал требовательно гулить. Однажды Елена взяла его с собой в небольшую тёплую светлицу, где женщины занимались рукоделием. На столе лежали шёлковые нити, иглы, золотное шитьё, куски дорогих тканей. Мальчик сначала спо-

койно наблюдал за происходящим, но вскоре потянулся к ярко-красному лоскуту, лежавшему возле матери.

— Это не тебе, — сказала Елена.

Иван продолжал тянуть руку.

— Не дам.

Он недовольно замычал. Елена попыталась отвлечь его деревянной игрушкой, но та совершенно не заинтересовала мальчика.

— Красное ему подавай, — заметила одна из женщин.

— Вижу.

Елена взяла небольшой, ничем не украшенный кусочек ткани и протянула сыну. Тот немедленно схватил его, сжал в кулаке и принялся рассматривать с величайшим вниманием.

— Вот и всё, — рассмеялась княгиня. — А мы думали, чего ему надобно.

Мальчик попытался сунуть ткань в рот. Елена быстро отняла её. Иван громко возмутился.

— Ну, теперь опять недоволен.

Ульяна, сидевшая у окна, покачала головой.

— Ты ему, государыня, уж больно потакаешь.

— А что делать? Он ведь говорить не умеет.

— Потому и не умеет, что за него всё понимают.

Женщины засмеялись. Елена тоже улыбнулась, но замечание постельницы заставило её задуматься. Она всё чаще замечала, насколько настойчивым становится сын. Если он хотел получить какую-нибудь вещь, то не успокаивался, пока взрослые не уступали или не находили способ отвлечь его. Иногда Елене приходилось проявлять твёрдость, и тогда мальчик удивлённо смотрел на мать, словно не понимая, отчего человек, обычно исполнявший его желания, вдруг отказывается повиноваться. Однажды она рассказала об этом мужу. Василий выслушал и сказал:

— Так не уступай сыну всякий раз, — посоветовал Василий.

Елена напомнила, что муж видит ребёнка лишь в короткие часы между государственными делами и потому охотно исполняет все его желания. Накануне Василий дал Ивану поиграть поясной пряжкой, а потом мальчик требовал её до вечера.

— Иван, слушай мать, — внушительно произнёс Василий.

Мальчик повернул к нему голову и улыбнулся, решив, должно быть, что отец придумал новую игру. Елена рассмеялась: до послушания было ещё далеко.

Василий поднял сына и осторожно поставил его ножками себе на колени, придерживая под мышками. Мальчик радостно задвигался.

— Ну, шагай.

Иван попытался переступить, но ноги подогнулись, и отец снова усадил его.

— Рано ещё, — сказала Елена.

— Рано.

— А ты уже ходить учишь.

— Пусть пробует.

Он снова придержал сына, позволяя ему упираться ногами. Иван пришёл от этого в такой восторг, что начал громко смеяться. Василий смотрел на него с удовольствием.

— Вот видишь, Елена, ему нравится.

— Ещё бы. Ты его всякий раз новым забавам учишь, а мне потом успокаивать.

Великий князь улыбнулся и поцеловал мальчика в щёку. Некоторое время они играли втроём. Потом Василия позвали. Елена заметила, как сразу изменилось его лицо. Он внимательно выслушал служителя, поставил сына на мягкое покрывало и поднялся.

— Что случилось? — спросила она.

— Вести с востока.

— Плохие?

— Пока не знаю.

Он поправил одежду и направился к выходу. Иван, только что радостно смеявшийся, увидел, что отец уходит, и потянул к нему руки. Василий остановился. Мальчик требовательно гукнул.

— Ну что, опять?

Елена улыбнулась.

— Позови его.

Василий вернулся, наклонился и коснулся детской ладони. Иван крепко ухватился за его палец.

— Отпускай, — попросил отец.

Мальчик не отпускал.

— Государь, — тихо сказала Елена, — придётся тебе задержаться.

Василий осторожно освободил руку и поцеловал сына.

— Вернусь.

Он вышел. Иван смотрел на дверь, потом повернулся к матери и снова заинтересовался лежавшей рядом деревянной игрушкой. Елена взяла её, провела пальцем по гладкой поверхности и положила перед сыном. У него были удивительно простые заботы. И ей хотелось, чтобы они оставались такими как можно дольше. Известия, доставленные в тот день, касались Казани. Отношения с Казанским ханством уже несколько лет требовали от Василия Ивановича большого внимания. Военные походы, переговоры, перемены при ханском дворе и столкновение интересов различных татарских князей делали положение на восточных рубежах неустойчивым. Теперь московские посланцы сообщали о новых разногласиях среди казанской знати. Василий слушал доклад, сидя возле стола, на котором были разложены записи прежних переговоров.

— А кто за Сафа-Гирея стоит? — спросил он.

Посланец перечислил известных ему сторонников хана.

— А прочие?

— Меж ними согласия нет, государь. Иные желают мира с Москвой, иные опасаются, что власть ханская совсем крымцам достанется.

Василий помолчал.

— И чего от нас требуют?

— Прежде всего слова, что станем помогать тем, кто с нами в мире быть хочет.

— Слова, — повторил великий князь. — А сами что обещают?

Посланец начал отвечать, но Василий остановил его.

— Не то, что говорят на людях. Что обещают исполнить?

Человек замялся.

— О том, государь, ещё договариваться надобно.

— Вот и договаривайтесь.

Он велел принести прежние записи, перечитал несколько пунктов и приказал составить ответ, в котором московские условия должны были быть изложены без двусмысленности. Затем обратился к боярам.

— Казань нам надобна мирная. Чтобы по Волге люди ходить могли, торговать, чтобы с той стороны рати на наши города не приходили. А кто там власть держать станет, тот пусть помнит, с кем договор заключал.

Один из бояр заметил, что без военной силы казанские князья могут не исполнить обещаний.

— Потому и силу держим, — ответил Василий. — Только не всякое дело мечом решают.

Он не любил неопределённости в дипломатических отношениях. Слова, не подкреплённые возможностью действовать, казались ему пустыми. Однако и войну ради самого её продолжения великий князь не считал разумной. Каждый поход требовал людей, коней, припасов и больших расходов из казны. К тому же на западных границах оставались собственные заботы. Литовский государь не отказывался от своих интересов в русских землях, а крымские ханы постоянно следили за возможностью использовать московские затруднения. Когда доклад закончился, Василий ещё долго беседовал с ближайшими советниками. Вечером он вернулся к семье позднее обычного. Елена встретила мужа у двери.

— Опять устал?

— Немного.

— С востока что пишут?

Он посмотрел на неё с удивлением.

— Тебе уже рассказали?

— Не всё. Только что посланцы приехали.

— Дела казанские.

— Опять война будет?

— Надеюсь, обойдётся.

Он снял верхнюю одежду и сел. Елена велела принести ужин. Василий ел молча, временами задавая вопросы о сыне.

— Сегодня хорошо ел?

— Хорошо.

— Не плакал?

— Плакал, когда ты ушёл.

Василий поднял голову.

— Из-за меня?

— Не знаю. Но руки к тебе тянул.

Он улыбнулся.

— Завтра пораньше приду.

Елена присела напротив.

— А если опять посланцы явятся?

— Тогда посланцы подождут.

— Не верю.

— Почему?

— Потому что ты и нынче утром так говорил.

Василий хотел возразить, но передумал.

— Ладно. Постараюсь.

Он доел ужин и попросил принести сына. Иван уже почти засыпал, но при виде отца оживился, потянулся к его рукам и негромко засмеялся. Василий взял мальчика на колени. Они сидели возле огня. Елена рассказывала, как прошёл день, что нового научился делать ребёнок, как в саду появились первые проталины. Государь слушал. Он не рассказывал ей всего, что обсуждал сегодня с боярами. Не потому, что считал жену неспособной понять государственные дела. Просто многое ещё оставалось неясным, а некоторые решения требовали долгих размышлений и разговоров, от которых он сам устал. Но ему нравилось, что Елена интересуется его заботами.

Она не стремилась давать советы относительно Казани или Литвы. Чаще задавала вопросы, на которые иной раз было трудно ответить. Василий замечал, что благодаря этим вопросам ему самому приходится яснее формулировать собственные мысли. Сегодня, например, она вдруг спросила:

— А почему казанские князья не могут сами между собой договориться?

Василий усмехнулся.

— А наши всегда договариваются?

— Нет.

— Вот и ответ.

Елена помолчала.

— Значит, люди везде одинаковые?

— Не совсем.

— А в чём разница?

Он посмотрел на сидевшего у него на коленях Ивана.

— Каждый своё бережёт. Только одному кажется, что его добро на этом берегу, другому — что за рекой. И никто уступать не хочет.

— А ты?

— И я не хочу уступать того, что считаю своим.

— Даже если неправ?

Василий поднял глаза.

— Ежели неправ, прежде доказать надобно.

Она улыбнулась.

— Вот видишь, и с тобой нелегко договориться.

Он рассмеялся. Иван, услышав смех отца, тоже засмеялся, хотя не понимал причины веселья. Василий прижал сына к себе.

— Ну а ты, Иванушка, с кем договариваться станешь?

Мальчик потянулся к его бороде. Отец вовремя отвёл голову.

— Нет уж. Этого договора больше не будет.

Елена рассмеялась. В палате стало уютно и спокойно. За окнами темнело. Москва готовилась ко сну, но где-то за стенами Кремля ещё стучали молоты, работали пекари, проходили ночные сторожа. Продолжалась жизнь большого города, в котором тысячи людей имели свои заботы, радости и тревоги. Василий сидел возле жены с сыном на руках и впервые за день не чувствовал необходимости немедленно решать какое-нибудь дело. Это было редкое удовольствие. И он не торопился с ним расставаться.

К концу лета Иван уже умел стоять, держась за край низкой скамьи, и делал первые неуверенные шаги. Чаще всего они заканчивались тем, что мальчик садился на пол и, немного подумав, принимался ползти туда, куда собирался идти. Елена старалась не позволять женщинам слишком усердствовать с помощью. Она замечала, что сын сердится, когда его берут на руки против желания, и потому разрешала ему самому пробовать силы, если поблизости не было опасных предметов.

Однажды мальчик добрался до небольшой деревянной шкатулки, стоявшей на низком столике. Он долго пытался открыть её, сначала дёргал крышку, потом перевернул шкатулку, затем принялся стучать по ней ладонью. Елена наблюдала за ним.

— Не откроешь, — сказала она.

Иван поднял голову.

— Закрыта.

Он снова потянул крышку.

— Дай сюда, — предложила мать.

Мальчик недовольно отстранился. Елена не стала настаивать. Она села рядом и стала вышивать, изредка поглядывая на сына. В конце концов Иван обнаружил маленькую металлическую застёжку. Он долго возился с ней, не понимая, как та устроена, но однажды крышка неожиданно поднялась. Мальчик замер от удивления. Потом радостно закричал. Елена отложила рукоделие.

— Открыл?

Иван потянулся к ней, показывая находку.

— Ну, молодец. Теперь закрой.

Мальчик попытался опустить крышку, но она мешала его рукам. Он рассердился и бросил шкатулку на пол. Елена подняла её.

— Нет, Иванушка, так нельзя.

Он потянулся за вещью.

— Бросать не надо. Смотри.

Она медленно закрыла крышку, показала застёжку и вновь открыла. Иван внимательно наблюдал. Потом протянул руки. На этот раз ему удалось закрыть шкатулку почти сразу. Елена почувствовала неожиданную радость. Не оттого, что мальчик справился с простой вещью, а потому, что увидела, как он старается понять её устройство. Вечером она рассказала об этом Василию.

— Сам открыл?

— Сам.

— Помогала?

— Только потом показала, как закрывать.

Василий велел принести шкатулку. Елена поставила её перед сыном, который уже устал за день и не проявлял прежнего интереса. Несколько раз он безуспешно подёргал застёжку, затем оттолкнул игрушку и потянулся к матери.

— Не хочет, — сказала Елена.

Василий взял шкатулку, открыл и закрыл.

— А устроено хитро.

— Ты тоже не сразу разобрался бы, если бы прежде не видел.

Он усмехнулся.

— Думаешь?

— Уверена.

Василий не стал спорить. Ему нравилось наблюдать за сыном, но порой он ловил себя на желании ускорить его взросление. Хотелось скорее услышать первые осмысленные слова, увидеть уверенные шаги, начать объяснять мальчику названия вещей. Елена, напротив, не спешила.

— Успеет всему научиться, — говорила она.

Василий соглашался, хотя с каждым месяцем всё чаще задумывался о том, каким будет образование наследника. Он помнил собственное детство при дворе Ивана Васильевича, строгий порядок, раннее знакомство с церковными книгами и государственными делами. Однако ни воспитание, ни родительская забота не могли полностью избавить княжеского сына от придворного соперничества. Отец Василия прожил долгую жизнь и успел столкнуться с борьбой за наследование ещё при себе. Великому князю не хотелось, чтобы подобные споры возникли вокруг его собственного сына. Именно поэтому приближавшаяся годовщина рождения Ивана имела для него не только семейное значение.

Двадцать четвёртого августа 1531 года, накануне первого дня рождения Ивана, Василий заключил новое соглашение с братом Юрием Дмитровским. Прежде такие грамоты закрепляли служебные и земельные отношения между князьями одного дома; теперь каждой строкой напоминали, что старший брат имеет сына. Юрий приехал со своей свитой, и хотя никто не позволил себе открытой недоброжелательности, на великокняжеском дворе внимательно смотрели, с кем он беседует и кто подаёт ему руку первым.

В палату принесли свёрнутую грамоту. Дьяк читал её неторопливо, а Юрий стоял у стола, слушая слова, которыми вновь связывал себя перед старшим братом. Он знал их смысл задолго до нынешнего дня. При жизни Василия бездетность великокняжеского дома делала самого Юрия фигурой, о которой придворные говорили с оглядкой; после рождения Ивана такие раз-

говоры стали опасными. Договор предписывал признавать наследника, и князь не пытался оспаривать это право. Но старшинство его рода и собственное княжеское достоинство не исчезали оттого, что в Москве появилась детская колыбель.

Когда дьяк закончил, Василий попросил остальных выйти. Оставшись с братом, он не сразу заговорил. Между ними лежала тяжёлая тишина людей, знавших друг друга слишком долго, чтобы верить в простоту торжественных формул.

— Сыну моему кланяться придётся, — сказал Василий. — Не мне одному.

Юрий взглянул на грамоту. — Я слово дал. Только ты и моих людей без суда не тесни.

Василий хотел возразить, что никого без причины не теснит, но удержался: брат напомнил ему о нескольких давних спорах, в которых государев суд всегда оказывался на стороне Москвы. Он приказал принести воду, хотя пить не хотел. Наконец сказал, что всякую жалобу готов выслушать, если Юрий явится к нему сам, без посредников. Тот усмехнулся: попасть к старшему брату подчас труднее, чем получить ответ от чужого государя. Этого Василий не простил бы иному человеку, но сейчас ограничился сухим взглядом.

— Не забывай, Юрий: у тебя своя вотчина, у меня — вся земля, за которую спрашивать будут с меня.

— Оттого и прошу, чтобы в моей вотчине меня самого слышали.

Оба понимали, что спор не закончен. Юрий поклонился по обычаю и вышел. Вслед ему потянулась небольшая свита; на крыльце люди отступали перед князем, но не так охотно, как перед хозяином Кремля. Василий видел это из окна. Ему хотелось верить, что новый договор убережёт младенца от усобицы, однако старое недоверие к брату не исчезало. Он помнил, что делалось в княжеском доме после смерти отца, кто кому завидовал и как настойчиво всякий защищал честь своего места.

На столе осталась грамота с обязательствами Юрия. Рядом лежал список пожертвований монастырям. Среди монастырских названий Василий заметил Суздаль. Там под именем Софии жила Соломония, его первая жена. Он давно не произносил этого имени в домашних покоях и не желал возвращать к нему разговор с Еленой. Пострижение Соломонии, на которое разные люди смотрели по-разному, было частью той же борьбы за наследника, чьё рождение нынче праздновала Москва. Василий сдвинул список в сторону. Он не собирался отказываться от сделанного выбора; но радость отцовства не отменяла памяти о человеке, заплатившем за этот выбор свою цену.

Когда на другой день он вошёл к Елене, годовалый Иван сидел на ковре и пытался заставить деревянного коня стоять на двух ногах. Василий поднял мальчика, ощутил тёплую тяжесть его маленького тела и невольно прижал крепче. За стенами палаты продолжались княжеские счёты, а здесь сын смеялся, не зная, сколько взрослых клятв уже произнесено ради него.

На следующий день Ивану исполнился год. Елена с самого утра находилась возле него. В покоях готовились к семейным молитвам и приёму поздравлений, но она старалась не допускать слишком большого скопления людей вокруг ребёнка. Мальчик был в хорошем настроении. Он уже довольно уверенно ползал, поднимался на ноги у скамьи и настойчиво требовал, чтобы ему позволяли брать различные вещи. Особенно его занимала небольшая деревянная лошадка, которую один из дворцовых мастеров вырезал из липы. У игрушки были четыре крепкие ноги, короткая грива и длинная шея. Мастер тщательно зачистил поверхность, чтобы ребёнок не занозил пальцы. Елена положила лошадку на покрывало. Иван немедленно схватил её.

— Нравится?

Мальчик радостно загудел.

— Конь, — сказала мать.

Иван посмотрел на неё.

— Конь.

Он попытался повторить звук, но получилось что-то совершенно неразборчивое. Елена засмеялась.

— Ничего, выговоришь.

Когда вошёл Василий, мальчик сидел на полу и с огромной серьёзностью пытался поставить игрушечную лошадь на бок.

— Что делает? — спросил великий князь.

— Коня мучает.

Василий присел рядом.

— Иван, покажи коня.

Мальчик протянул игрушку, но, когда отец попытался взять её, сразу прижал к себе.

— Не отдаёт.

— Подарок ведь ему.

— А ты уже отнять хотел?

— Посмотреть только.

Василий протянул палец и осторожно коснулся деревянной лошадиной головы. Иван разрешил это, но игрушку не выпустил.

— Бережливый, — заметил отец.

Елена посмотрела на него.

— Или просто своего не отдаёт.

— И правильно делает.

— Не всегда правильно, Василий Иванович.

Он улыбнулся.

— Опять меня учишь?

— Тебя уже поздно. Его ещё можно.

Василий рассмеялся. Потом неожиданно опустился рядом с сыном на покрывало. Елена удивилась.

— Что ты делаешь?

— Играю.

— Вижу.

— Так отчего спрашиваешь?

Она покачала головой. Великий князь, чьего появления бояре обычно ожидали стоя, теперь сидел на полу и пытался убедить годовалого сына показать ему деревянную лошадь. Иван не поддавался. В конце концов Василий нашёл другую небольшую игрушку, подвинул её к мальчику, а когда тот отвлёкся, осторожно поставил лошадку рядом. Иван немедленно заметил перемену, схватил коня и снова прижал к себе. Елена рассмеялась так громко, что из соседней комнаты заглянула Ульяна.

— Что случилось, государыня?

— Государь с сыном договаривается.

Постельница посмотрела на сидевшего на полу Василия и быстро отвернулась, стараясь скрыть улыбку. Великий князь заметил это.

— Смеяться позволено, Ульяна.

Та поклонилась.

— Так я и не смеюсь, государь.

— Вижу.

Все трое рассмеялись. Иван, не понимая причины общего веселья, радостно замахал руками и уронил деревянную лошадку. Вечером, когда поздравления закончились и придворные разошлись, Василий долго оставался возле сына. Мальчик уже спал. Елена сидела рядом и занималась рукоделием.

— Год прошёл, — произнесла она.

— Быстро.

— Мне кажется, будто он всегда с нами был.

Василий кивнул.

— И мне.

Он посмотрел на ребёнка.

— Через несколько лет начнём грамоте учить.

— Опять ты торопишься.

— Я же не завтра говорю.

— И хорошо.

Она отложила иглу.

— А знаешь, Василий, я прежде думала, что самое трудное — родить ребёнка.

— А теперь?

— Теперь вижу, что труднее вырастить.

Василий посмотрел на неё.

— Вырастим.

Он произнёс это спокойно, без тени сомнения. Елена хотела ответить, но передумала. Ей нравилась его уверенность. Она придвинулась ближе, положила голову мужу на плечо и сидела так, слушая, как за окном шумит вечерний ветер. Василий не двигался. У него было много забот, и на завтра уже назначили несколько важных разбирательств. Но сейчас он не желал думать о них. Иван спал, обхватив одной рукой деревянную лошадку. Отец смотрел на него и чувствовал тихую радость, не требовавшую ни торжественных речей, ни благодарностей окружающих. Зимой следующего года Василию пришлось на несколько недель расстаться с семьёй.

Государственные дела требовали его присутствия за пределами Москвы. Он не любил надолго оставлять Елену и сына, но поездки были необходимой частью великокняжеской службы. Одни вопросы следовало решать на месте, другие требовали личных встреч с воеводами, наместниками или монастырскими властями. Перед отъездом Василий долго давал распоряжения людям, остававшимся при дворе. Особенно подробно говорил о семье.

— Коли Иван занеможет, тотчас известить, — приказал он одному из ближайших служителей. — И не ждать, пока болезнь усилится.

— Исполним, государь.

— А великая княгиня чего потребует, без промедления дать.

— Как прикажешь.

Василий уже хотел отпустить человека, но остановил.

— И ещё. Писать мне о сыне подробно. Не одними словами, что здоров. Как спит, как ест, что нового научился делать.

Служитель поклонился. Когда государь вышел, он ещё стоял, обдумывая услышанное. Обыкновенно великий князь требовал подробных сведений о состоянии крепостей, количестве ратных людей, денежных расходах или ходе переговоров. Теперь с такой же обстоятельностью желал знать, хорошо ли ест маленький Иван. Впрочем, удивляться было нечему. Всякий отец заботится о детях. Просто не всякому дано распоряжаться целой страной. В дороге Василий часто вспоминал дом. По вечерам, когда заканчивались встречи и удавалось уединиться, он велел приносить бумаги, требовавшие ответа, и вместе с ними — письма от Елены.

Она сообщала, как чувствует себя, чем занят сын, здоров ли он, не простудился ли на прогулке. Иногда рассказывала о совершенно незначительных, по мнению постороннего человека, происшествиях. Иван научился самостоятельно взбираться на низкую скамью, уронил чашку, испугался громкого стука, а потом долго смеялся, когда женщина пыталась его успокоить. Василий читал эти известия внимательно. В одном письме Елена рассказала, что мальчик перестал есть привычную пищу и теперь требует того, что видит у взрослых. Государь встре-

вожился и велел расспросить, не связано ли это с болезнью. В следующем письме жена объяснила, что сын совершенно здоров, просто у него меняются привычки. Василий успокоился, но всё равно приказал сообщать ему, что именно ест ребёнок.

Однажды дьяк, которому поручили приготовить ответ великой княгине, не выдержал и осторожно спросил:

— Государь, о здоровье княжича подробно писать?

— Подробно.

— И о кушанье?

Василий поднял глаза.

— А что?

— Ничего, государь. Как прикажешь.

— Вот и пиши. Чтобы Елена не держала меня без вести.

Дьяк склонился над бумагой. Он не осуждал государя за подобную заботливость. Но ему было непривычно, что в одном письме великий князь интересуется столькими мелочами, не имеющими отношения к управлению государством.

Между тем Василий вовсе не считал их мелочами. Когда речь заходила о сыне, ему хотелось знать всё. Он не мог сам присутствовать при каждом новом движении или слове мальчика, а потому стремился хотя бы по письмам следить за его взрослением. Вскоре пришло известие, что Иван научился довольно уверенно ходить. Василий перечитал эти строки дважды. Потом подозвал ближайшего служителя.

— Слышал? Сын мой ходить начал.

— Слава Богу, государь.

— Елена пишет, теперь всюду за ним смотреть надобно. Ни минуты спокойно не сидит.

Служитель улыбнулся.

— Подрастает княжич.

Василий сложил письмо.

— Подрастает.

Он сидел молча. Затем взял чистый лист и велел приготовить ответ. О государственных делах в нём было немного. Главным образом великий князь расспрашивал о здоровье жены и ребёнка, просил не переутомлять мальчика и сообщать обо всех переменах. Когда письмо было закончено, Василий перечитал его и остался доволен. Ему хотелось, чтобы Елена знала: даже находясь далеко от Москвы, он помнит о них. Летом 1532 года Иван уже свободно ходил по комнатам и пытался бегать, хотя нередко спотыкался о собственную одежду.

Он заметно вытянулся, лицо его перестало быть младенчески круглым, взгляд сделался более внимательным. Мальчик научился произносить несколько простых слов, узнавал близких по голосам и нередко проявлял такую настойчивость, что даже Ульяна разводила руками. Особенно трудно было удержать его на месте во время сборов в дорогу. Когда в палатах появлялись дорожные сундуки, слуги начинали укладывать одежду, а женщины готовили покрывала, Иван немедленно хотел участвовать во всём происходящем. Он открывал крышки, пытался вытащить сложенные вещи, забирался в пустые сундуки и сердился, когда его оттуда вынимали. Елена однажды застала сына сидящим в большом ларе среди полотенец.

— Иван! Что ты там делаешь?

Мальчик радостно посмотрел на неё.

— Еду!

— Куда?

Он махнул рукой.

— Туда!

Ульяна стояла рядом и смеялась.

— Государыня, он с утра в дорогу собирается.

Елена подошла, вынула ребёнка из сундука и поставила на пол.

— Поедешь, поедешь. Только не в ларе.

Иван попытался снова забраться внутрь.

— Нельзя.

Он недовольно нахмурился. Елена взяла его за руку.

— Пойдём, лучше отца найдём.

Мальчик сразу забыл о сундуке.

— Батя!

Елена улыбнулась. Иван в последние недели стал чаще произносить это слово. Сначала оно получалось невнятным, но теперь мальчик уже вполне сознательно звал отца. Василию это чрезвычайно нравилось. Однажды, услышав детский голос из соседней комнаты, он прервал разговор с приближённым и вышел посмотреть, не его ли зовут. Служитель остался ждать, недоумевая, что могло заставить государя так неожиданно прекратить важное дело. Впрочем, Василий вскоре вернулся и продолжил разговор с того самого места, на котором остановился. Теперь же семья готовилась ехать в Коломенское.

На высоком берегу Москвы-реки завершалось строительство необыкновенной каменной церкви Вознесения Господня. Работы продолжались несколько лет, и Василий не раз приезжал осматривать возводимое здание. Оно отличалось от привычных московских храмов: стройное, высокое, устремлённое вверх, с каменным шатром, который казался продолжением стен. Великий князь дорожил этим строительством. Возведение церквей было для него не только делом благочестия. Храмы свидетельствовали о могуществе государева дома, мастерстве строителей и богатстве земли. Они оставались после людей, напоминая о трудах и молитвах тех, кто их создал. Но церковь в Коломенском имела для Василия и особенное личное значение.

Одна лишь мысль о белокаменном храме возвращала Василия к годам молитв о наследнике. Когда именно замысел обрёл законченный вид, теперь не имело для него значения; важнее было то, что церковь стояла, а сын, о котором они с Еленой столько просили, уже ходил и говорил. Третьего сентября, к освящению храма, семья отправилась в Коломенское. День выдался ясным и тёплым. Над рекой держался лёгкий туман, постепенно исчезавший под солнцем. На лугах убирали последние стога, по дорогам тянулись телеги. Великокняжеский поезд двигался неспешно.

Иван сидел рядом с матерью, разглядывая всё, что удавалось увидеть из повозки. Его особенно занимали лошади. Стоило одной из них громко фыркнуть или тряхнуть головой, как мальчик начинал смеяться и требовал показать её ещё раз. Елена несколько раз удерживала сына, когда он слишком далеко высовывался наружу.

— Не надо, Иванушка. Упадёшь.

— Конь!

— Вижу коня.

— Ещё!

— Вон другой.

Мальчик повернулся и радостно замахал руками. Василий ехал верхом впереди, но время от времени подъезжал к повозке и спрашивал, не устала ли Елена. Она отвечала, что всё благополучно. Беременность уже заметно изменила её фигуру. Второго ребёнка ожидали осенью, и Василий старался не допускать, чтобы жена утомлялась без необходимости. Елена же не желала оставаться в Москве и настояла на поездке. Когда наконец показался высокий каменный шатёр новой церкви, Иван замолчал.

Он смотрел на необычное здание, словно не мог понять, отчего оно так отличается от остальных построек. Белые стены поднимались над крутым берегом, уступы и узкие окна создавали сложный рисунок, а над всем возвышался шатёр, уходивший к небу. Мальчик запрокинул голову.

— Высоко, — произнёс он.

Елена посмотрела в ту же сторону.

— Высоко.

Василий подъехал ближе.

— Нравится?

Иван вытянул руку к храму.

— Туда!

— Сейчас пойдём.

На месте их ожидали духовенство, придворные, строители и люди, приглашённые на освящение. Василий сошёл с коня и помог Елене выйти из повозки. Иван потребовал поставить его на землю.

— Сам пойдёшь? — спросил отец.

— Сам!

Мальчик уверенно кивнул. Елена взяла его за руку. По дорожке, ведущей к храму, поднимались священнослужители. Раздавался колокольный звон, люди расступались перед великокняжеской семьёй, кланялись, произносили благопожелания. Иван смотрел по сторонам с любопытством. Ему нравилось обилие людей, движение ярких одежд, необычные звуки. Он ещё не понимал значения происходящего, но чувствовал торжественность дня. У входа их встретил митрополит Даниил. Василий принял благословение. Елена поклонилась следом. Иван смотрел на митрополита, пока тот не склонился к нему.

— Здравствуй, княжич.

Мальчик некоторое время изучал его лицо, затем спрятался за материнскую одежду. Даниил улыбнулся.

— Застеснялся.

— Не всегда, владыка, — ответила Елена. — Дома совсем иной.

— Дома всякому человеку спокойнее.

Василий посмотрел на сына.

— Иван, подойди.

Мальчик нехотя вышел из-за матери. Митрополит благословил его. Затем все направились в храм. Внутри было прохладно. Белые стены поднимались высоко вверх, и солнечный свет проникал через небольшие окна, оставляя на каменном полу светлые пятна. Звуки голосов необычно отражались под сводами. Елена огляделась, поражённая высотой здания.

— Совсем не похоже на наши соборы, — тихо сказала она.

— И не должно быть похоже, — ответил Василий.

Он с удовольствием смотрел на завершённую постройку. Строители сумели воплотить замысел, который когда-то казался некоторым слишком смелым. Каменный шатёр поднимался над основным помещением, словно всё сооружение было создано ради одного движения вверх. Началось богослужение. Василий стоял рядом с Еленой. Иван некоторое время спокойно наблюдал за священнослужителями, но затем устал и попросился на руки. Отец поднял его. Мальчик положил голову ему на плечо. Колокольный звон снаружи постепенно затих, зазвучало церковное пение. Василий смотрел на горящие свечи и вспоминал годы ожидания наследника.

Ещё недавно он приезжал в монастыри с молитвой о ребёнке. Теперь рядом стояла жена, а на руках у него находился двухлетний сын. Он не считал себя человеком, заслужившим особенную милость. Слишком хорошо знал, что человеческие желания далеко не всегда исполняются. Но в тот день ему хотелось благодарить. Иван шевельнулся и приподнял голову.

— Батя, — прошептал он.

— Что?

Мальчик показал на одну из свечей.

— Огонь.

— Вижу.

— Много.

— Много.

Он говорил с сыном почти беззвучно, стараясь не мешать службе. Елена наблюдала за ними. Ей было тяжело долго стоять, и Василий, заметив это, велел позаботиться, чтобы она могла отдохнуть. Однако княгиня отказалась уходить.

— Я постою, — сказала она. — Совсем немного осталось.

После освящения церкви Вознесения в Коломенском устроили угощение. Бояре теснились у стола, гости произносили благопожелания, а Василию всё хотелось ещё раз выйти к строителям. Белый камень на солнечном свету казался лёгким, хотя князь видел, сколько тяжёлых возов потребовалось, чтобы доставить его на высокий берег. В тесном проходе у хозяйственной пристройки стояли мастера с испачканными известью рукавами; им велели явиться за пожалованием, но при виде государя они смутились и сняли шапки.

Пожилой каменщик показал место, где во время строительства пришлось разбирать уже поднятую кладку. Он говорил неуверенно, ожидая выговора за лишний расход камня. Василий потрогал пальцами шов между тесаными блоками, попросил объяснить, почему стена пошла с отклонением, и получил ответ о слишком поспешной работе на одном из уступов. Поднятые выше ряды сделали ошибку заметной; если бы её оставили, нагрузка на кладку распределялась бы плохо.

— Значит, разобрали, — сказал великий князь.

— Разобрали, государь. И заново вывели.

— Сколько потеряли?

Мастер назвал число рабочих дней. Василий нахмурился. Казначей, стоявший позади, уже собирался заговорить об излишнем расходе, но государь остановил его движением руки. Он не любил ошибок, однако ещё меньше любил, когда их прятали под красивой наружностью. Велел заплатить за исправление, если работы действительно выполнены надёжно, и наказал мастеру впредь не скрывать от государевых людей опасные места. Затем долго смотрел вверх, туда, где шатёр уходил над каменными уступами: в этой смелой высоте воплотилось и его желание прославить Бога, и стремление оставить о собственном правлении видимый след.

Вернувшись к семье, он застал Елену у скамьи. Она положила ладонь на живот и старалась не показывать усталости. Василий заметил, что лицо жены побледнело, но прежде чем подойти, должен был ответить одному из бояр, желавшему сказать ещё несколько слов о пожалованиях. Этот короткий долг перед двором раздражил его сильнее, чем спор с мастерами. Когда же он наконец опустился рядом с Еленой, Иван, занятый деревянными фигурками, не отдал отцу коня: теперь мальчик сам устанавливал порядок своей игры.

— Не устала? — спросил великий князь.

— Немного.

— Пойдём отдохнёшь.

— Сейчас. Ивану хорошо тут.

Василий присел рядом. Некоторое время они молча наблюдали за сыном. Мальчик выстроил фигурки в ряд, затем одну опрокинул и начал переставлять остальные. Заметив отца, он протянул ему деревянного коня.

— Батя, на!

Василий взял игрушку.

— Что с ним делать?

Иван показал на землю.

— Туда.

Отец поставил коня рядом с остальными. Мальчик внимательно посмотрел, затем передвинул его немного левее.

— Так?

Иван удовлетворённо кивнул. Елена улыбнулась.

— Видишь, он уже и тобой распоряжается.

— Пока не особенно успешно.

— По-моему, успешно.

К скамье подошёл Андрей Иванович Старицкий. Он не сразу заметил, что брат оставил гостей ради жены и сына, и остановился, ожидая приглашения. Василий поднялся. Они обнялись по-родственному, но младший князь внимательно скользнул взглядом по людям, стоявшим возле государя: при дворе даже праздничное место рядом со старшим братом имело значение.

— Подрос, — сказал Андрей, глядя на Ивана. Мальчик без всякого почтения повернулся к нему спиной и снова принялся расставлять фигурки. Елена улыбнулась, однако Василий нахмурился: его сыну предстоит научиться принимать поклон и самому оказывать честь там, где это подобает.

Андрей приехал не только на освящение. В его владениях задержалась починка дороги после весенней воды, а государевы люди требовали подвод в тот срок, когда крестьяне ещё убирали хлеб. Князь попытался заговорить об этом здесь, в праздничный день, рассчитывая на благодушие брата. Василий выслушал его вполуха; указал, что дорога нужна не одним старицким людям и что повинности не следует отменять по желанию каждого удельного князя.

— Не отмены прошу, — возразил Андрей, — а срока. Люди с поля вернутся, тогда и мост починят.

Василий посмотрел на него. При посторонних уступать было неприятно, а спорить у семейной скамьи — ещё хуже. Он велел представить сведения о повреждённом участке и обещал рассмотреть срок. Андрей поклонился, но брат заметил в его лице досаду. Елена тоже заметила; осторожно предложила обоим пройти к столу, пока угощение не остыло. Так она прервала разговор, ещё не перешедший в ссору.

Позднее, когда Андрей ушёл, она сказала Василию, что брат мог бы не тревожить его делами в праздник. Великий князь удивился: прежде Елена сама просила, чтобы князья чаще собирались без взаимной обиды. Она ответила, что оба желания для неё одинаково важны, и муж впервые за день не нашёл остроумного возражения. Ему хотелось и родственной близости, и безусловного признания своей власти; ни того ни другого одной грамотой добиться было невозможно.

Иван тем временем потребовал домой. С высоты берега была видна река, на которой темнели лодки; по склону спускались люди с пустыми корзинами. Василий ещё раз оглянулся на шатровый храм и взял сына за руку. Тот старательно шагал рядом, не отпуская деревянного коня. Елена шла чуть позади. Она боялась оступиться на неровной дорожке, но не звала служанку: ей хотелось пройти этот короткий путь с мужем и ребёнком без чужого вмешательства.

— Смотри, Иван.

Мальчик оглянулся.

— Церковь, — сказал отец.

— Цековь, — не совсем правильно повторил Иван.

Елена улыбнулась.

— Научится.

Василий осторожно погладил сына по голове.

— Научится.

Они направились к приготовленным покоям.

К вечеру поднялся прохладный ветер. Над рекой медленно сгущались сумерки, из деревень доносился лай собак, где-то на дороге скрипели колёса позднего воза. Василий стоял у окна, когда Елена подошла к нему. Иван уже уснул. В комнате было тихо, только из соседнего помещения временами доносились голоса служанок.

— Хороший день был, — сказала она.

— Хороший.

— И церковь красивая.

— Мастера потрудились.

— Ты доволен?

— Доволен.

Она смотрела на мужа.

— А я вот думаю, — произнесла наконец, — сколько всего за эти годы переменилось.

Василий повернулся.

— С тех пор как поженились?

— Да.

Он кивнул.

— Многое.

— А прежде я боялась, что у нас и детей не будет.

— Помню.

Елена положила руку на живот.

— Теперь второго ждём.

Василий подошёл ближе.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Не слишком утомилась сегодня?

— Нет.

Он внимательно посмотрел на жену.

— Только не скрывай, коли тяжело станет.

— Не стану.

Елена улыбнулась.

— Ты всё обо мне заботишься, будто я больная.

— А разве худо?

— Не худо. Только иногда мне кажется, что ты готов запретить мне даже ходить.

— Не запретить. Предостеречь.

— У тебя и для этого государево слово найдётся.

Василий рассмеялся. Они подошли к окну. За тёмными деревьями едва угадывался изгиб Москвы-реки. Высоко над берегом белел шатёр недавно освящённой церкви. Оба молчали.

— Как думаешь, — спросила Елена, — Иван запомнит сегодняшний день?

Василий задумался.

— Мал ещё.

— Вот и я думаю.

— Зато мы запомним.

Она прислонилась к его плечу.

— Мне хочется, чтобы у него было много хороших воспоминаний.

Василий обнял жену. Он понимал её желание. Сам он с детства запомнил не только праздники и семейные встречи, но и тяжёлые разговоры взрослых, споры о наследовании, придворные перемены, которые тогда казались ему непонятными. Однако он не хотел сейчас возвращаться к этим воспоминаниям. В соседней комнате тихо зашевелился ребёнок. Елена прислушалась. Плач не последовал.

— Спит, — сказала она.

— Пусть спит.

Василий ещё раз посмотрел на белеющий в сумерках храм. Потом закрыл оконницу. В комнате стало теплее. Елена прошла к сыну, поправила его покрывало и присела рядом. Василий подошёл следом. Иван спал спокойно. Одна рука лежала возле щеки, другая обнимала деревянную лошадку. Он ещё не умел объяснять свои желания, не понимал значения собственных имён и титулов, не отличал знатного князя от простого слуги. Для него отец был человеком, который поднимал его на руки и смеялся, когда мальчик пытался ухватиться за бороду. Мать — тем, к кому всегда можно было прийти, если становилось страшно или больно. Василий наклонился, осторожно коснулся губами детского лба.

— Спокойной ночи, Иванушка.

Мальчик не проснулся. Елена посмотрела на мужа.

— Пойдём. Ему отдыхать надо.

Они вышли, оставив возле ребёнка Ульяну. В соседней комнате уже приготовили вечернюю трапезу. Слуги разжигали светильники, за стенами слышались последние распоряжения перед ночью. Василий сел рядом с женой. Он был доволен прожитым днём.

В Коломенском завершили большое дело. Родные братья собрались вместе. Елена чувствовала себя хорошо. Сын рос здоровым, любознательным и подвижным. Этого было достаточно. Василий взял жену за руку.

— Завтра домой поедем.

— В Москву?

— В Москву.

— Иван обрадуется.

— Откуда знаешь?

— Сам сегодня просился.

Василий улыбнулся.

— Значит, пора возвращаться.

За окнами окончательно стемнело. Ночь была спокойной, без ветра и дождя. Вдалеке слышался колокольный звон, а за оградой государева двора изредка перекликались сторожа. Василий и Елена ещё долго сидели вместе. Им было о чём поговорить: о предстоящих родах, о сыне, о доме, о людях, которых надлежало принять после возвращения в Москву. Иногда они замолкали, и тогда слышалось только потрескивание горящей лучины. Ни одному из них не хотелось торопить окончание этого вечера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
МЛАДШИЙ БРАТ

Москва. Осень 1532 года.

После возвращения из Коломенского Елена стала быстрее утомляться. Дорога, которую ещё летом она перенесла бы без особенного труда, теперь отзывалась тяжестью в пояснице и неприятным напряжением в ногах. По вечерам ей хотелось поскорее избавиться от тяжёлой одежды, сесть возле открытого окна и некоторое время ни с кем не разговаривать. Но покой в великокняжеских палатах был редкой милостью, особенно когда в семье рос двухлетний ребёнок, не признававший никакого распорядка, кроме собственного.

Иван научился открывать двери, если удавалось дотянуться до ручки, и теперь пользовался этим открытием при всяком удобном случае. Вслед за ним приходилось ходить одной из приставленных женщин. Мальчик мог неожиданно отправиться в соседнюю светлицу, где шили одежду, забраться под стол или остановиться у сундука, пытаясь разобраться в его железном замке. Особенно привлекали его вещи, которыми пользовались взрослые. Деревянная лошадка, долго остававшаяся любимой игрушкой, теперь нередко лежала забытой, зато отцовский пояс, небольшая медная чаша или связка ключей приводили Ивана в неподдельное вос-

хищение. В тот день он добрался до покоев матери, когда она беседовала с Ульяной о предстоящих родах.

Елена сидела на широкой скамье, подложив под спину подушки. На столе перед ней лежало полотно для младенческих пелёнок, которое постельница перебирала, отбраковывая грубые куски.

На столе возле Елены лежали свёртки тонкого полотна. Ульяна перебирала их привычными руками: одно годилось для пелёнок, другое было слишком грубым, из третьего можно было сделать подстилку. Великая княгиня сначала пыталась вмешиваться, но скоро поняла, что устала уже от сидения; подушка за спиной сбилась, и ребёнок внутри словно упирался в рёбра. Не желая показывать слабости перед женщинами, она спросила, приготовили ли новую колыбель и где её поставят.

— Возле твоей постели, государыня, — ответила Ульяна. — А старшему княжичу пора отдельное место шире устроить. Растёт ведь.

Елена нахмурилась. На её взгляд, дети не должны были лишаться привычного места только оттого, что готовятся к рождению другого. Постельница объяснила, что Иван уже не умещается в прежней колыбели и что речь не об удалении от матери, а о простой тесноте. Пререкание прервал стук двери. Вошёл Иван, торжествующий после удачного побега от своей приставленной женщины. За ним запыхавшаяся девушка, боясь наказания, остановилась у порога.

Елена уже открыла рот, чтобы сделать выговор служанке, но увидела, как мальчик шагает к ней, стараясь не споткнуться о собственную одежду. Он вытянул руки и потребовал взять его на колени. Она попыталась усадить рядом; Иван настоял, упираясь ладонями в край скамьи. Пришлось помочь ему взобраться боком. Он устроился у матери, заняв всё свободное место, а потом заметил на столе сложенные пелёнки и новую маленькую рубаху.

— Моё? — спросил он.

— Не твоё, Иванушка. Младенцу.

Мальчик долго рассматривал рубаху. Она была совсем мала, зато чиста и тщательно обработана, с мягким воротом и крепкими завязками. Иван потянул её за рукав и, увидев, что ткань короче его ладони, неожиданно рассмеялся. Елена положила его руку себе на живот. Под ладонью ребёнка что-то шевельнулось. Иван испуганно отдёрнул пальцы. Мать успокоила его, и он осторожно коснулся того же места снова, словно проверяя, что там скрывается.

Вскоре он принялся расспрашивать, где живёт маленький, может ли выйти сейчас и почему ему нельзя показать деревянного коня. Ульяна отвечала охотнее Елены: сидела близко, подкладывала полотнище под приготовленные вещи и терпеливо объясняла, что ребёнку предстоит сперва родиться, научиться дышать, есть и спать. Когда Иван ударил ладошкой по материнскому животу, Елена вскрикнула от боли. Мальчик отшатнулся; в его глазах появилось выражение человека, внезапно столкнувшегося с незнакомой строгостью.

Елена позвала его обратно и позволила осторожно погладить ткань. Тот шевельнулся вновь. Иван приложил к животу ухо, но ничего не услышал; это рассмешило Ульяну. Елена же не смеялась. Она впервые ясно заметила, что мальчик боится не самого младенца, которого ещё никогда не видел, а перемены в её лице, голосе, движениях. Раньше мать поднимала его, когда он просил. Теперь отказывала, морщилась от боли, чаще уходила отдыхать. Иван мог принять это за собственную провинность.

— Знаешь, зачем эти пелёнки? — спросила она, показав на стол. — Ты в таких тоже лежал. Мал был, как мой локоть.

Иван не поверил: он был уверен, что всегда умел ходить. Елена попросила Ульяну принести одну из старых детских рубашек, сохранившихся после первого года. Ткань была выстирана почти добела, ворот поношен. Иван примерил её к собственной груди и, поняв, что она мала, удивлённо посмотрел на мать. Теперь чужая рубашка перестала казаться знаком того, что у него отнимают место. Она напоминала, что и он некогда нуждался в таком уходе. Елена

положила рубаху в свой ларец, а новую оставила на столе. Иван не протестовал, но, сползая со скамьи, всё-таки прихватил одну пелёнку и понёс к игрушкам: для его деревянного коня тоже требовалась подстилка.

— Не трогай, — предупредила Ульяна.

Мальчик обернулся.

— Моё!

— Нет, княжич. Это младенцу.

Иван нахмурился. Он ещё не понимал, кто такой младенец, почему ему заранее приготовили столько вещей и почему мать всё чаще отказывалась поднимать его на руки. Но уже заметил, что в доме происходят перемены, не имеющие к нему непосредственного отношения. Это ему не нравилось. Елена наблюдала за сыном и впервые подумала о том, что появление второго ребёнка может оказаться для Ивана не одной только радостью. Он привык быть центром домашней жизни. Все знали его желания, замечали настроение, радовались первым словам и шагам. Теперь заботы придётся делить между двумя детьми.

Она вспомнила собственное детство, семейные ссоры и обиды, возникавшие из-за пустяков. В большом доме даже взрослые люди порой ревновали друг друга к чужому вниманию. Чего же ожидать от мальчика, которому едва исполнилось два года?

— Ульяна, — сказала Елена, когда Иван наконец увлёкся деревянной игрушкой, — ты присмотри, чтобы после родов его от меня не отдаляли.

Постельница подняла глаза.

— Кто же станет отдалять?

— Женщины. Скажут, что я утомлена, что младенцу покой нужен, и перестанут пускать.

— Когда родишь, самой отдыхать захочется.

— Отдыхать буду. А сына всё равно видеть хочу.

Ульяна посмотрела на Ивана. Он сидел на полу и пытался поставить деревянного коня на узкую скамью.

— Ревнует он уже, — заметила постельница.

— Думаешь?

— А ты сама не видишь?

Елена вздохнула.

— Вижу.

Она протянула к мальчику руку.

— Иванушка, подойди.

Он подошёл сразу. Мать обняла его.

— Скоро у тебя будет брат или сестра. Маленький совсем. Ты ведь у меня большой уже?

Иван важно кивнул.

— Большой.

— Вот и станешь помогать.

— Буду.

Он произнёс это с такой уверенностью, что Елена невольно рассмеялась. Мальчик, довольный похвалой, тоже засмеялся, а затем снова потянулся к приготовленному полотну. В тот же день Василий Иванович принимал в своих палатах нескольких бояр и дьяков. Заботы, связанные с ожидаемым пополнением семьи, не уменьшали числа государственных дел. Напротив, приближение зимы заставляло торопиться с решениями, которые весной и летом можно было отложить. Следовало определить порядок службы в пограничных городах, рассмотреть отчёты наместников, распорядиться о подвозе запасов и проверить исполнение прежних грамот. Особенно беспокоили великого князя вести о неурожае в некоторых волостях.

Несколько местных управителей сообщали о недоборе хлебных доходов и просили разрешения взыскать недостающее с населения позднее. Из других мест поступали жалобы, что люди оставляют дворы и уходят туда, где условия легче. Василий слушал доклады внимательно.

— А отчего уходят? — спросил он, когда дьяк закончил читать очередную жалобу.

— Хлеба мало, государь. Да и повинности тяжелы.

— Повинности прежде те же были?

— По записи — те же.

— А берут сколько?

Дьяк замялся.

— Про то надобно отдельно разбирать.

Великий князь нахмурился.

— Вот и разберите. Если управитель сверх положенного требует, взыскивать с него, а не с людей.

Один из бояр заметил, что иногда местным служилым людям трудно собрать даже положенные доходы.

— Знаю, — ответил Василий. — Только если двор опустеет, с кого потом собирать станете?

Он велел подготовить дополнительные сведения и перешёл к другому делу. Разбирательства продолжались долго. Наконец вошёл дворцовый служитель и доложил, что князь Михаил Львович Глинский просит принять его отдельно. Василий велел пригласить. Михаил Глинский вошёл уверенной походкой, поклонился государю и, дождавшись приглашения, сел. Он уже немало лет прожил при московском дворе, но сохранил некоторые привычки, приобретённые во время службы за западными рубежами. Говорил он размеренно, иногда употреблял непривычные русскому уху обороты и любил, чтобы собеседник выслушивал его до конца.

— О чём хотел говорить, князь Михаил?

— О делах домашних, государь.

— Моих или твоих?

— Твоих. Да отчасти и наших.

Василий внимательно посмотрел на него.

— Говори.

— Великая княгиня скоро разрешится. Дай Бог ей здоровья и благополучных родов.

— Дай Бог.

— Когда второй сын родится, при нём люди понадобятся. Надёжные, сведущие. Я бы хотел предложить нескольких из наших.

Василий помолчал.

— Ребёнок ещё не родился, а ты уж служителей ему назначаешь.

— Заблаговременно заботиться не худо.

— Не худо, — согласился великий князь. — Только мне казалось, у Елены довольно людей, чтобы самой решить, кого к младенцу приставить.

Глинский не смутился.

— Я не о кормилицах говорю. О тех, кто возле княжеских детей находиться станет. Со временем каждому свой двор потребуется.

— Со временем, — повторил Василий.

Он встал, прошёл к окну и смотрел на двор. Михаил терпеливо ожидал.

— Ты ведь знаешь, — произнёс великий князь, не оборачиваясь, — почему я не люблю, когда люди начинают раньше времени делить то, чего ещё нет.

— Знаю.

— Однако сам о том заговорил.

— Не делить предлагаю, а беречь.

Василий повернулся.

— Беречь будем. А когда придёт время людей назначать, тогда и решу.

Глинский поклонился.

— Как повелишь, государь.

Великий князь сел на прежнее место.

— Скажи лучше, что слышно от твоих людей о литовских делах.

Михаил сразу оживился. Разговор перешёл на положение западных границ, отношения с Сигизмундом и известия, поступавшие от людей, имевших родственников по другую сторону рубежа. Василий слушал внимательно. Он ценил опыт Глинского, знакомого с порядками соседнего государства. Вместе с тем государь никогда не забывал, что Михаил Львович был человеком честолюбивым и привык занимать высокое положение. Родство с Еленой придавало ему дополнительный вес, но не давало права распоряжаться великокняжеским домом. Сам Михаил тоже прекрасно это понимал. Когда разговор закончился, он поднялся.

— Государыне поклон передай, — сказал он. — И скажи, что вся наша родня о ней молится.

— Передам.

Глинский направился к выходу. Василий проводил его взглядом. Ему хотелось, чтобы у сыновей были надёжные люди. Но всякий раз, когда кто-нибудь из приближённых предлагал собственную родню для службы возле детей, великий князь невольно начинал думать не только о воспитании, но и о будущих придворных связях. Ребёнок ещё не появился на свет, а вокруг него уже возникали интересы взрослых. Василий находил это естественным, но оттого не менее утомительным. Кузнец Фома в ту осень работал преимущественно на заказах, поступавших из боярских дворов.

После уборки урожая у людей появлялось больше времени заниматься хозяйственными постройками, чинить ворота, повозки и инструменты. В кузницу приносили сломанные скобы, дверные петли, железные полосы, наконечники и множество вещей, названия которых иной раз приходилось узнавать у самих хозяев. Фома вставал ещё затемно. Никита, его подмастерье, приходил вскоре после него и принимался разводить горн. К полудню оба покрывались копотью, а к вечеру уставали настолько, что не хотелось разговаривать. Но заказов хватало, и мастер не жаловался. Однажды к нему явился человек с великокняжеского хозяйственного двора. Принёс небольшой деревянный ларец с испорченными петлями.

— Починить надобно, — сказал он.

Фома осмотрел работу.

— Сделаю. Только петли новые нужны.

— Сделай.

— А деньги?

— Из казны дадут.

Кузнец нахмурился. Он уже сталкивался с подобными заказами и знал, что получить обещанную плату бывает непросто.

— Кто отвечать станет?

Человек назвал дворцового служителя. Фома кивнул.

— Завтра приходи.

Посланный ушёл, а Никита осторожно спросил:

— Опять государев заказ?

— От двора.

— Значит, для самого государя?

— Почём мне знать? Может, для какого-нибудь ларя, который в сенях стоит.

— А может, для княжича?

Фома усмехнулся.

— Не всё, что в Кремле делают, для княжича.

Он разобрал старые петли и обнаружил, что одна сломалась от небрежного обращения. Железо было добротным, но крепление поставили слишком близко к краю дерева. При частом открывании оно расшаталось. Фома показал это Никите.

— Видишь? Не железо виновато, а как прикрепили.

Подмастерье наклонился.

— А если новую сюда же поставить?

— Опять вырвет.

— Так куда?

Мастер взял кусок угля и наметил место.

— Здесь дерево крепче.

Они принялись за работу.

К вечеру петли были готовы, но Фома решил не отдавать ларец, пока не убедится, что крышка открывается свободно. Несколько раз поднимал и опускал её, проверял, не перекашивается ли дерево. Никита наблюдал за ним с нетерпением.

— Да готово уже.

— Готово будет, когда не сломается.

Фома ещё раз проверил крепление и только тогда отложил вещь. Дома его ожидали неприятные новости. Старшая дочь Дарья заболела. Аксинья встретила мужа в сенях и сразу попросила говорить тише.

— Жар у неё.

— Сильный?

— Днём был сильный. Сейчас будто полегче.

Фома снял тулуп, вымыл руки и подошёл к дочери. Девочка лежала на постели возле печи, укрытая тёплым одеялом. Лицо её раскраснелось, волосы прилипли ко лбу.

— Дашенька, — тихо позвал отец.

Она открыла глаза.

— Батя.

— Что же ты заболела?

— Не знаю.

Он приложил ладонь к её лбу. Жар действительно был сильный. Фома посмотрел на жену.

— Кого звала?

— Знахарку соседскую. Пришла, посмотрела. Сказала, горло воспалилось.

— А лекаря?

— Откуда денег на лекаря взять?

Фома промолчал. Он знал, что дорогого лекаря приглашать не по средствам. Но смотреть на больного ребёнка и ничего не делать было ещё тяжелее.

— Завтра к человеку схожу, — сказал он. — Который у монастырских лечит. Может, посоветует чего.

Аксинья кивнула. Дочь закрыла глаза. Фома сел рядом и некоторое время держал её за руку. Он редко позволял себе обнаруживать страх перед детьми. Старался казаться спокойным, даже когда дела шли плохо. Но теперь, глядя на раскрасневшееся лицо дочери, чувствовал беспомощность, от которой становилось трудно дышать. Потом тихо спросил:

— Есть хочешь?

Дарья покачала головой.

— Пить?

— Немного.

Аксинья принесла воды. Фома помог девочке приподняться, поднёс чашу к губам и дождался, пока она сделает несколько глотков.

— Вот и хорошо.

Он уложил её обратно. Младшие дети спали за перегородкой. В доме было тихо, только потрескивали дрова в печи. Фома поднялся и пошёл проверить, хорошо ли закрыта дверь. У порога он остановился и посмотрел на жену.

— Завтра кузницу Никита откроет. Я сперва человека найду.

— Найди, — ответила Аксинья.

Она не стала напоминать о работе, которую необходимо было закончить. Фома и без того знал, сколько денег может потерять, если пропустит день. Но теперь это не имело значения. Он вернулся к дочери и сел возле неё. За окном начинался холодный осенний дождь. В великокняжеских палатах тем временем готовились к родам. Елена уже редко выходила из своих комнат. Большую часть дня проводила сидя или лёжа, однако совершенно отказываться от домашних забот не желала. Она проверяла приготовленное бельё, расспрашивала женщин о запасах, велела приносить ей небольшие рукодельные работы и внимательно следила за тем, чтобы Иван не оставался без присмотра. Мальчик переносил перемены с возрастающим недовольством.

После прогулки Иван увидел, что дверь к материнским покоям прикрыта. В последние недели так бывало всё чаще: Елена уставала, повитуха велела ей лежать, а приставленные женщины пытались отвлекать княжича играми. Но мальчик хорошо знал, где лежит его мать. Он просунул ладонь в щель, надавил и вошёл, прежде чем Ульяна успела остановить.

Елена дремала. Увидев сына, она приподнялась, и по тому, как медленно распрямилась её спина, Иван понял, что мать нездорова. Он залез на край постели без обычного прыжка и лёг рядом, осторожно повернувшись к ней лицом. Рука мальчика нащупала её ладонь, вложила в неё свою. Елена ощутила знакомую детскую тяжесть и впервые за день расслабила плечи. Когда Иван спросил, болит ли у неё, она сказала правду: немного. Он принялся поглаживать её щёку, как она сама гладила его при простуде.

Потом мальчик заговорил о дворовой собаке, погнавшейся за служителем с корзиной. Иван видел только конец происшествия и потому раз за разом изображал, как человек бежал, придерживая кафтан, а собака скакала следом. Ульяна, стоявшая у двери, едва не засмеялась, но Елена остановила её взглядом: мальчик хотел не столько рассказать о собаке, сколько убедиться, что мать снова слушает только его.

На столе возле окна лежали младенческие пелёнки. Иван заметил их, помолчал и придвинулся к Елене ближе. Он уже знал, что появится другой ребёнок. Но пока не мог понять, будут ли ему позволять спать поблизости от матери и ходить к ней, когда вздумается. Елена объяснила, что для младшего поставят отдельную колыбель; показала, где именно, отодвинула рукой край покрывала и мысленно рассчитала, останется ли проход для служанок.

— А ты моя? — спросил Иван.

Елена обняла его. Вопрос был детским, но она услышала в нём тревогу, которой не заметила бы ещё месяц назад. Она не захотела обещать, что всё в доме останется прежним. Это было бы неправдой: новорождённый отнимет у неё сон, потребует рук, времени, внимания. Она сказала, что останется его матерью всегда, и позволила ему помогать расправлять небольшое полотно для будущей колыбели. Иван старательно разгладил складки, а затем, будто спохватившись, положил свой деревянный конь посреди пелёнки: маленькому тоже понадобится что-нибудь хорошее.

Когда вошёл Василий, мальчик уже спал, прижав к груди руку матери. Государь хотел приказать отнести сына, чтобы жена отдохнула, но Елена остановила его. Она указала на свернувшийся край детской рубахи, на лошадку в полотне и рассказала не весь разговор, а только о том, как Иван спрашивал, останется ли она его матерью. Василий отвёл глаза. Он привык думать о двух сыновьях как о будущем княжеском роде, о верности старшего и месте млад-

шего, но впервые представил это не в строках духовной грамоты, а в страхе мальчика потерять свою скамью возле матери.

Он уже хотел сказать, что ребёнок привыкнет, но не сказал. Вместо этого достал из-за пояса небольшую деревянную игрушку, сделанную для Ивана одним из дворовых мастеров, и положил у изголовья. Наутро мальчик найдёт её прежде, чем вспомнит о вчерашней тревоге. Елена посмотрела на мужа благодарно, хотя знала, что одним подарком ревность не исчезнет.

— Опять сюда забрался?

— Сам пришёл.

— Тяжело тебе с ним?

— Нет.

Василий подошёл ближе.

— Перенести его?

— Не надо. Пусть поспит.

Он сел рядом. Елена молчала, потом рассказала о недавнем разговоре с Иваном. Василий внимательно выслушал.

— Ревнует, — заключил он.

— Вижу.

— Привыкнет.

— А если нет?

— Привыкнет, Елена. Мало ли детей в семьях рождается.

Она посмотрела на мужа.

— Только у иных матерей дети весь день рядом. А у нас всякий норовит их по разным покоям развести.

Василий задумался.

— Так не позволяй.

— Легко сказать.

— Ты мать.

— А ты отец.

Он улыбнулся.

— Значит, вместе смотреть будем.

Елена вздохнула.

— Мне иногда кажется, что Иван уже понимает гораздо больше, чем мы думаем.

— Дети часто понимают то, чего объяснить не умеют.

Она посмотрела на мужа с удивлением.

— Это кто тебе сказал?

— Сам догадался.

Елена улыбнулась.

— Умный ты у меня.

— А ты сомневалась?

Она тихо рассмеялась, стараясь не разбудить сына. Василий наклонился и осторожно поправил сползшее с мальчика покрывало. Иван пошевелился, но не проснулся. Великий князь некоторое время наблюдал за ним.

— Скоро второй будет, — произнёс он.

— Скоро.

— Как думаешь, сын?

— Не знаю.

— А я думаю, сын.

Елена посмотрела на мужа.

— Ты и в прошлый раз так думал.

— И оказался прав.

— Один раз угадать нетрудно.

Василий улыбнулся.

— Теперь второй угадаю.

— Вот родится, тогда и посмотрим.

Он взял её за руку.

— Главное, чтобы благополучно.

Елена кивнула. На этот раз они оба понимали, что никакие пожелания не способны полностью избавить от тревоги. Впереди были роды. И всё остальное пока могло подождать.

К концу октября Москва уже жила ожиданием зимы. По утрам замерзали мелкие лужи, деревья стояли почти голые, а с Москвы-реки тянуло сырым холодом. Днём ещё случалось солнце, но оно мало грело. Торговцы торопились закончить перевозку товаров по осенним дорогам, хозяйственные люди проверяли запасы дров и зерна, а в Кремле всё чаще приказывали топить печи задолго до наступления вечера. Елена чувствовала себя тяжело. Последнюю неделю ей приходилось почти всё время проводить в покоях. Иногда она вставала, чтобы немного пройтись, но вскоре вновь садилась, жалуясь на боль в пояснице. Женщины старались не оставлять её одну. Ульяна даже перенесла своё спальное место поближе к двери, чтобы ночью не пропустить первого зова.

Василий навещал жену при всякой возможности. Ему хотелось быть рядом, но многочисленные дела не позволяли надолго оставлять государевы палаты. К тому же, как ни старался он скрыть тревогу, Елена замечала её всякий раз, когда муж задерживал взгляд на её лице или слишком внимательно расспрашивал о самочувствии.

— Ты меня больше всех пугаешь, — сказала она однажды.

Василий удивился.

— Чем же?

— Смотришь так, будто я при смерти лежу.

— Не говори глупостей.

— Вот видишь, ещё и сердишься.

Он сел рядом.

— Не сержусь.

— Тогда перестань каждые полчаса спрашивать, больно ли мне.

Василий усмехнулся.

— Хорошо. Спрашивать не стану.

Он молчал, потом осторожно произнёс:

— А всё-таки как себя чувствуешь?

Елена рассмеялась.

— Никакого с тобой сладу!

Он тоже улыбнулся, но в глазах его сохранялось беспокойство. На этот раз великий князь уже знал, чего ожидать от родов. Он помнил долгие часы, когда женщины не позволяли ему войти к Елене, помнил собственную беспомощность и страх, что с женой случится беда. Теперь страх был другим. После рождения Ивана Василий ещё сильнее привязался к Елене. В их совместной жизни появились заботы, которые прежде казались ему чужими, а иногда даже несерьёзными. Он научился различать детский плач, замечать, когда мальчик устал, и понимал, почему жена порой не желает отпускать сына от себя. Второго ребёнка он ждал с радостью, но уже не мог думать о нём отдельно от матери.

Особенно тревожила Василия необходимость поддерживать обычный порядок придворной жизни. Ему казалось, что в любой момент может прийти весть о начале родов, и потому, принимая людей, он невольно прислушивался к шагам в переходах. Бояре замечали это, но старались не показывать. У каждого были собственные причины желать благополучного рож-

дения второго великокняжеского сына. Прямой наследник уже существовал, однако появление ещё одного мальчика укрепляло положение правящей семьи. С другой стороны, оно ставило новые вопросы о будущих владениях, служебных отношениях и распределении обязанностей между княжескими детьми. Особенно внимательно к происходящему относились родственники великой княгини.

В доме Михаила Львовича Глинского разговоры о предстоящих родах возникали почти ежедневно. Его жена, приближённые женщины и служители передавали друг другу вести, полученные из Кремля. Михаил выслушивал их обычно без особенного интереса, но сам не раз посылал узнать о здоровье племянницы. Он понимал, что её положение при дворе остаётся необыкновенно высоким прежде всего благодаря доверию Василия Ивановича. Рождение второго сына могло сделать это положение ещё прочнее.

Однако Михаил был достаточно опытен, чтобы не рассчитывать на одну только родственную близость. Он слишком хорошо знал, как быстро меняется придворное счастье и как мало стоят вчерашние милости, если государь начинает подозревать человека в чрезмерном честолюбии. Поэтому, когда один из его людей осторожно заметил, что теперь Глинским следует ещё настойчивее добиваться мест при дворе, князь недовольно посмотрел на него.

— Государь сам знает, кому служить возле своих детей.

— Я только о пользе рода говорил, княже.

— А ты прежде подумай, что полезно, а что вредно.

Человек замолчал. Михаил не стал продолжать. Ему и без того хватало забот. За два дня до родов Елена неожиданно попросила привести к ней Ивана, хотя мальчик в это время обычно гулял с приставленными женщинами. Ей было неспокойно. Ребёнок в животе почти не давал отдыха, временами начиналась тупая боль, и Елена с трудом находила удобное положение. Старшая повитуха, осмотрев её, сказала, что до родов осталось немного, но точного времени назвать не могла. Великая княгиня не стала спорить. Она велела принести воды и прилегла. Когда вошёл Иван, мать встретила его улыбкой.

Мальчик нёс свою деревянную лошадку, у которой после многочисленных падений уже отбился небольшой кусочек гривы. Увидев Елену, он сразу подошёл к постели.

— Мама, смотри!

Он протянул игрушку.

— Что случилось?

Иван показал на повреждённую гриву.

— Сломал.

Елена взяла коня, осмотрела и вернула сыну.

— Починят.

— Сейчас.

— Не сейчас. Отдадим мастеру.

Мальчик нахмурился.

— Я хочу.

— Знаю.

Она протянула руку, и Иван подошёл ближе.

— Посиди со мной.

На этот раз он не стал требовать, чтобы его немедленно подняли. Сел на низкую скамеечку возле постели и продолжал рассматривать игрушку. Елена гладила его по волосам.

— Иванушка, скоро маленький родится.

— Знаю.

— А ты будешь его беречь?

Мальчик поднял голову.

— Буду.

— И не станешь обижать?

Иван посмотрел на мать с неподдельным удивлением.

— Зачем?

Елена улыбнулась.

— И правда, зачем.

Она помолчала.

— Только он сперва ничего не сможет. Ни ходить, ни говорить. Плакать будет часто.

Иван задумался.

— А коня?

— Что коня?

Мальчик протянул игрушку.

— Дам.

Елена почувствовала, как у неё защипало в глазах.

— Дашь братцу коня?

— Дам.

Она осторожно притянула сына к себе.

— Хороший ты мой.

Иван обнял мать за шею. Некоторое время они оставались так, не разговаривая. Потом мальчик вдруг спросил:

— А ты меня любишь?

Елена вздрогнула от неожиданности.

— Конечно, люблю.

— Сильно?

— Очень сильно.

Он удовлетворённо кивнул.

— А маленького?

Елена не сразу ответила. Она смотрела на сына, стараясь понять, что именно тревожит его в появлении другого ребёнка. Но Иван ещё не умел объяснять свои чувства, и ей приходилось догадываться по отдельным словам, жестам, обидам.

— И маленького буду любить, — сказала она наконец. — Вас обоих.

Иван помолчал.

— Двоих?

— Двоих.

Он посмотрел на собственные руки, потом поднял два пальца, неловко прижимая остальные к ладони.

— Два?

— Два.

Мальчик неожиданно улыбнулся.

— Два мальчика!

Елена засмеялась.

— А если девочка?

Иван уверенно покачал головой.

— Мальчик.

— Почему?

— Хочу.

Она снова рассмеялась.

— Ну, раз ты хочешь, тогда посмотрим.

Вскоре Иван устал, попросился на прогулку и ушёл вместе с Ульяной. Елена долго смотрела на закрывшуюся дверь. Ей было приятно, что сын постепенно начинает понимать пред-

стоящую перемену. Но в глубине души оставалось беспокойство. Она не знала, сумеет ли уделять обоим детям достаточно внимания и не станет ли старший чувствовать себя забытым. Вечером Елена рассказала об этом мужу. Василий выслушал спокойно.

— У него будет брат, — сказал он. — Это хорошо.

— Я тоже так думаю. Только ведь ты сам знаешь, что братья не всегда ладят.

Великий князь посмотрел на жену.

— Отчего вспомнила?

— Не знаю. Просто подумала.

Он молчал.

— Всякое бывает между братьями, — произнёс наконец. — Но не обязательно им ссориться.

— Ты со своими часто споришь.

— Потому что у нас дела и земли.

— У наших тоже будут.

Василий вздохнул.

— Будут.

— Вот и хочется, чтобы с детства привыкли друг друга любить.

Он накрыл её руку своей.

— Постараемся.

Елена посмотрела на него.

— Только не делай так, чтобы один другому завидовал.

Василий хотел ответить, что государственное старшинство нельзя отменить ради семейного спокойствия, но остановился. Сейчас жена говорила не о княжеских уделах и порядке наследования. Она думала о двух мальчиках, которым предстояло расти под одной крышей.

— Не стану, — сказал он.

Елена улыбнулась. В тот вечер они ещё долго разговаривали о детях, о том, где следует устроить вторую колыбель, кого назначить к младенцу и когда можно будет снова выехать всей семьёй за город. Василий не любил заранее строить слишком подробные планы, но теперь охотно участвовал в разговоре. Ему нравилось представлять дом, в котором будут расти два сына. Утро тридцатого октября выдалось холодным. Снег ещё не выпал, но на открытых местах лежал белый иней. Вода в неглубоких лужах замёрзла, и дворцовые люди старались ходить осторожнее. По Москве тянулся дым из печных труб, на улицах пахло сырыми дровами и холодной землёй. Елена проснулась от боли ещё затемно.

Сначала она решила, что это обычное недомогание последних недель. Перевернулась на другой бок, поправила подушку и попыталась снова уснуть. Однако через некоторое время боль повторилась. Она позвала Ульяну. Постельница подошла сразу.

— Что, государыня?

— Кажется, опять начинается.

Ульяна внимательно расспросила её, затем помогла приподняться и велела позвать старшую повитуху. На этот раз никто не стал откладывать приготовления. Женщины уже знали, что делать. Принесли чистое полотно, тёплую воду, приготовили постель и всё необходимое для младенца. Служанкам, которые не должны были находиться при родах, велели не мешать и исполнять распоряжения из соседних помещений. Елена попросила немедленно известить мужа. Василий в это время собирался к утренней службе. Услышав сообщение, он остановился посреди комнаты.

Василия разыскали на пути к утренней службе. Из покоев княгини передали, что у Елены начались схватки. Он остановился, не выслушав до конца приготовленного доклада, и велел перенести несколько дел. Государю не полагалось метаться по переходам вслед за женщинами, но сегодня он шагал быстрее обычного, забыв даже надеть тёплую верхнюю одежду.

У дверей его встретила Ульяна. Она не пустила сразу, а прежде велела человеку принести чистой воды и освободить проход. Василий, привыкший входить повсюду по собственному желанию, вынужден был ждать, пока она сама отодвинет засов. В покоях Елена сидела на постели, опираясь на подушки. Лицо побледнело, но она улыбнулась, увидев мужа. Он подошёл, коснулся её лба и спросил, что говорят повитухи. Елена ответила, что всё идёт своим чередом, и попросила его позаботиться об Иване: мальчик уже замечал суету и мог испугаться.

— Он к тебе рваться станет, — предупредила она. — Не сердись, если начнёт проситься.

— А ты сама? — спросил Василий.

Елена отвела взгляд. Ей было страшно; признавать это при муже она не хотела. Она только сжала его пальцы и попросила помолиться. Вслед за этим пришла новая схватка. Великая княгиня закрыла глаза, а Ульяна решительно вывела Василия, не дожидаясь приказа. Он ушёл, впервые не возразив.

Иван проснулся, когда по соседнему переходу пронесли воду. Он вышел босиком и увидел, что несколько женщин торопливо идут к материнским покоям. Одна из них попыталась отвести его назад, но мальчик вырвался. Василий перехватил сына на повороте, поднял и отнёс в маленькую молельню. Иван смотрел на дверь и требовал объяснения. Отец сказал, что матушке сейчас помогают женщины, что рождается ребёнок и что тревожить её нельзя. Мальчик упрямо отвечал, что сам поможет.

— А ты что делаешь? — спросил он.

Василий не сумел отделаться обычным ответом. Он мог приказать немедленно выслать гонцов, собрать воевод или наказать провинившегося служителя, а здесь его приказ никому не помог бы. Он поставил сына на пол перед образом и сам стал на колени. Иван повторил движение, с трудом выпрямил пальцы, перекрестился и замолчал, увидев лицо отца. Некоторое время они оставались рядом. Василий понимал, что мальчик запомнит не слова молитвы, а непривычную неподвижность отца.

За стеной слышались приглушённые шаги. Возникали и затихали женские голоса. Служитель приносил вести о состоянии Елены, каждый раз краткие и не позволяющие судить, сколько ещё продлится ожидание. Василий пытался читать молитвы, но мысли возвращались к жене. Он вспоминал, с какой решимостью в прошлый раз обещал облегчить ей роды, если бы от него что-нибудь зависело. Теперь такое обещание казалось постыдным: он не способен был избавить Елену даже от малой части боли.

Когда Иван устал, отец отдал его Аграфене и велел накормить. Мальчик уходил неохотно, оборачиваясь на дверь молельни. Василий остался, развернул было принесённую грамоту, но не смог прочитать ни строки. Она лежала рядом до тех пор, пока из женских покоев не донёсся новый крик, а затем не наступила долгожданная тишина. Только тогда он поднялся.

Когда Иван спросил, может ли теперь идти к матери, Василий удержал его возле образа. Объяснил, что придётся подождать, и попытался дать в руки небольшую деревянную игрушку. Мальчик поставил её на край скамьи, но всё время оборачивался к двери; ему хотелось скорее убедиться, что с Еленой всё благополучно. Отец оставался рядом, хотя сам прислушивался к шагам ещё тревожнее сына.

К полудню он устал ждать. Василий передал его женщинам и приказал накормить, а затем уложить отдохнуть. Иван сопротивлялся, но вскоре уснул. Великий князь вернулся к молитве. Он уже не раз переживал подобное ожидание, но теперь ничто не казалось легче. Напротив, память о первых родах заставляла его ещё тревожнее прислушиваться к каждому известию. Несколько раз к нему приходили служители и сообщали, что всё идёт благополучно. Он благодарил и отпускал их. Однако минуты тянулись медленно.

За окном солнце поднялось довольно высоко. На дворе начали таять следы ночного инея. Из соборов доносился звон, по переходам ходили люди, а в государевых палатах дьяки терпе-

ливо ожидали распоряжений. Василий не желал никого видеть. Наконец дверь открылась. На пороге появилась Ульяна. Она была заметно утомлена, но лицо её сияло. Василий поднялся.

— Что?

Постельница низко поклонилась.

— Сын, государь. Второго сына Господь дал.

Великий князь несколько мгновений смотрел на неё.

— Елена?

— Благополучна. Устала, только и всего.

— А дитя?

— Живой, крепкий. Сейчас завернут, покажем.

Василий медленно перекрестился. Потом подошёл к Ульяне и неожиданно взял её за обе руки.

— Спасибо тебе.

Постельница растерялась.

— За что благодаришь, государь? Не я ведь родила.

Он улыбнулся.

— Всё равно спасибо.

Ульяна поклонилась и поспешила обратно. Василий остался один. На этот раз он не заплакал, как после рождения Ивана. Радость была спокойнее, но глубже прежней. Первый сын принёс облегчение многолетнему ожиданию. Второй словно завершил то семейное счастье, которое Василий ещё недавно считал для себя недостижимым. Он подошёл к образам. Поблагодарил Бога. Потом велел объявить добрую весть ближайшим боярам и приготовить благодарственное богослужение. Однако прежде всего направился к Елене. Она лежала на постели, бледная, с усталым лицом и влажными волосами. Но при виде мужа улыбнулась.

— Опять угадал, — сказала она.

Василий подошёл.

— Что?

— Сына обещал.

Он рассмеялся.

— Так ведь и ты обещала.

— Я только рожала.

Василий наклонился и осторожно обнял жену.

— Спасибо тебе, Елена.

Она посмотрела на него.

— Опять благодаришь.

— А как же не благодарить?

— Лучше сына посмотри.

Ульяна принесла младенца. Мальчик был немного крупнее, чем Иван при рождении, но таким же беспомощным и сморщенным. Он лежал с закрытыми глазами и время от времени шевелил губами. Василий осторожно взял его на руки.

— Вот и второй, — произнёс он.

Елена наблюдала за мужем.

— На тебя похож.

— Ты и про Ивана так говорила.

— А разве не похож?

— Теперь уж похож. А этот пока не знаю.

Он наклонился ближе. Младенец открыл рот и негромко всхлипнул.

— Что, недоволен?

Ульяна улыбнулась.

— Ему пока всё непривычно, государь.

Василий осторожно передал ребёнка жене.

— Георгием назовём, — сказал он. — Юрием.

Елена кивнула.

— Хорошее имя.

— Святого великомученика Георгия почтём.

Она посмотрела на младенца.

— Юрочка.

Василий сидел рядом.

— Ивану уже сказали? — спросила Елена.

— Ещё нет. Спит.

— Приведи, когда проснётся.

— Сегодня?

— Сегодня.

Василий посмотрел на неё с сомнением.

— Ты ведь утомилась.

— Утомилась. Но он должен увидеть братца.

Он хотел возразить, однако, заметив выражение её лица, лишь кивнул.

— Хорошо. Приведу.

Елена улыбнулась и закрыла глаза. Василий посидел ещё немного, затем осторожно поднялся. У двери обернулся. Жена уже дремала, а рядом с ней в приготовленной колыбели лежал их второй сын. Великий князь тихо вышел. Когда Иван проснулся, во дворе уже начинались вечерние хлопоты. Мальчик лежал спокойно, разглядывая деревянные балки потолка. Потом сел, потёр глаза и спросил у приставленной женщины:

— Мама где?

— У себя, княжич.

— Пойдём.

Женщина попыталась сначала накормить его, но Иван отказался и настойчиво потянулся к двери. Пришлось позвать Ульяну. Постельница вошла, присела возле мальчика и сказала:

— А знаешь, кто у нас родился?

Иван сразу насторожился.

— Маленький?

— Маленький. Братец твой.

Он задумался.

— Мальчик?

— Мальчик.

— Два?

Ульяна улыбнулась.

— Два княжича теперь у государя.

Иван поднял два пальца, как недавно учила его мать.

— Два.

— Два, — подтвердила постельница.

Мальчик слез с постели и направился к двери.

— Смотреть!

Ульяна остановила его.

— Погоди. Одеться надо.

Иван неохотно позволил надеть на себя тёплую одежду. Пока женщина поправляла пояс, он нетерпеливо переступал с ноги на ногу и несколько раз повторил, что хочет к матери. Нако-

нец его повели в соседние покои. У двери стоял Василий. Увидев сына, он улыбнулся и присел перед ним.

— Ну что, Иван, братец у тебя родился.

Мальчик важно кивнул.

— Знаю.

— Откуда?

— Ульяна сказала.

— А как его зовут?

Иван задумался.

— Маленький.

Василий рассмеялся.

— Маленький-то маленький, а имя у него есть. Юрий.

— Юя?

— Юрий.

Мальчик попытался повторить, но снова получилось не совсем правильно.

— Ничего, выговоришь, — сказал отец.

Он взял сына за руку.

— Пойдём. Только тихо. Матушка устала.

Иван кивнул, хотя едва ли представлял, отчего теперь следует вести себя тише обычного. Войдя в комнату, он сразу увидел Елену. Мать лежала на постели, но не спала. Она повернула голову и улыбнулась.

— Иванушка, иди сюда.

Мальчик бросился к ней, но Василий осторожно удержал его.

— Не спеши. Матушке больно ещё.

Иван остановился. Он посмотрел на отца, потом на мать.

— Болит?

— Уже меньше, — ответила Елена. — Подойди.

Василий помог сыну забраться на край постели. Мальчик обнял мать и на некоторое время прижался к ней, словно проверяя, действительно ли всё осталось по-прежнему. Елена поцеловала его.

— Соскучился?

— Да.

— И я по тебе.

Он поднял голову.

— Маленький где?

Елена показала на колыбель. Иван посмотрел туда. Колыбель была похожа на ту, в которой когда-то спал он сам, только полотно на ней было свежее, а покрывало лежало аккуратными складками. Ульяна подошла, осторожно приподняла младенца и показала старшему брату. Иван замер. Перед ним находился совершенно незнакомый маленький человек. Лицо у него было красноватое, веки плотно закрыты, нос крошечный, а руки скрыты под пелёнками. Мальчик долго смотрел на брата. Потом спросил:

— Почему спит?

— Устал, — ответила Елена.

— А ходить?

— Ещё не умеет.

— Говорить?

— Тоже не умеет.

Иван нахмурился.

— Ничего?

— Пока почти ничего.

Мальчик внимательно осмотрел младенца.

— Маленький совсем.

— Совсем маленький.

Он протянул руку. Ульяна осторожно придержала её.

— Не трогай лицо, княжич. Лучше ручку погладь.

Иван коснулся крошечной ладони брата. В этот миг Юрий шевельнулся и непроизвольно сжал пальцы. Старший мальчик вздрогнул.

— Держит!

— Держит, — улыбнулась Елена.

Иван снова посмотрел на мать.

— Меня?

— Тебя.

Он замолчал. Его лицо изменилось. Первоначальное удивление уступило место неподдельному интересу. Мальчик осторожно пошевелил пальцем, но Юрий не отпускал.

— Не пускает, — сообщил Иван.

Василий, стоявший рядом, улыбнулся.

— Значит, понравился ты ему.

Иван поднял голову.

— Я?

— Ты.

Мальчик улыбнулся. Потом наклонился ближе и тихо сказал:

— Юя.

Младенец не ответил. Иван повторил громче:

— Юя!

Юрий поморщился и заплакал. Старший брат испугался. Он быстро отдёрнул руку и посмотрел на отца.

— Что я сделал?

— Ничего, — ответил Василий. — Он просто проснулся.

Ульяна начала укачивать младенца. Иван следил за её движениями с возрастающим беспокойством.

— Плачет.

— Плачет, — согласилась Елена.

— Почему?

— Есть, наверное, хочет.

Мальчик задумался.

— Дай хлеба.

Василий не удержался от смеха.

— Рано ему хлеб.

— А что?

— Молоко.

Иван посмотрел на мать. Елена протянула к нему руку.

— Иди сюда.

Он снова забрался к ней на постель. Некоторое время наблюдал за тем, как Ульяна передаёт младенца кормилице. Потом неожиданно спросил:

— А он теперь всегда тут будет?

Елена улыбнулась.

— Всегда. Он ведь твой брат.

Иван помолчал.

— А я?

Она не сразу поняла.

— Что ты, маленький?

— Я где буду?

Елена обняла его крепче.

— И ты здесь, с нами.

Мальчик внимательно посмотрел на неё, словно хотел убедиться, что мать говорит правду. Потом кивнул.

— Хорошо.

Василий подошёл к ним.

— Ну вот. Теперь у нас два сына.

Он погладил Ивана по голове. Мальчик посмотрел на отца.

— А ты мой батя?

— Твой.

— И Юрин?

— И Юрин.

Иван задумался над этим обстоятельством. Елена и Василий терпеливо ожидали, что он скажет. Наконец мальчик произнёс:

— Тогда нас много.

Василий рассмеялся.

— Пока четверо.

Иван показал два пальца.

— Два мальчика.

— Два.

— И мама.

— И мама.

Мальчик посмотрел на отца.

— И ты.

— И я.

Он удовлетворённо кивнул. Некоторое время вся семья оставалась вместе. Потом Елена устала. Василий заметил это и велел отвести старшего сына отдыхать. Иван не захотел уходить. Он подошёл к колыбели, где снова спал Юрий, и долго смотрел на него.

— Пойдём, княжич, — позвала Ульяна.

— Подожди.

Мальчик повернулся к матери.

— А завтра приду?

— Конечно.

— К Юре?

— К Юре.

Иван кивнул. Перед выходом он неожиданно вспомнил о деревянной лошадке, которую держал под мышкой. Он подошёл к колыбели и осторожно положил игрушку рядом, поверх покрывала, подальше от лица младенца.

— Это ему.

Елена посмотрела на сына.

— Ты ведь сам её любишь.

— Ему дам.

Мальчик стоял, ожидая, что младший брат возьмёт подарок. Но Юрий спал и не обращал никакого внимания на деревянного коня. Иван нахмурился.

— Не хочет.

— Он ещё не умеет играть, — объяснила мать. — Подрастёт — тогда покажешь.

Старший брат подумал и взял игрушку обратно.

— Я пока подержу.

Елена улыбнулась.

— Держи, Иванушка.

Мальчик вышел вместе с Ульяной. Василий проводил его взглядом.

— Не хотел отдавать коня, — заметил он.

— Хотел, — возразила Елена. — Только Юра не взял.

Они переглянулись и улыбнулись. Великий князь присел рядом с женой.

— Устал?

— Устал, — согласилась она. — Но теперь спокойно.

— Хорошо всё вышло.

— Хорошо.

Василий молчал. Потом сказал:

— Два сына у нас, Елена.

Она посмотрела на него.

— Два.

Он взял её руку. Ни одному из них не хотелось говорить о будущем устройстве княжеского дома, о наследственных правах и обязанностях младшего сына. Всё это существовало, требовало решений и однажды должно было войти в их семейную жизнь. Но сейчас у них было двое детей. И оба были живы. В доме кузнеца Фомы к тому времени тоже произошло радостное событие. У Дарьи спал жар. После нескольких тревожных дней девочка впервые попросила есть. Аксинья принесла ей тёплой похлёбки, и дочь съела почти всю миску, хотя прежде отказывалась даже от нескольких ложек. Фома, вернувшийся из кузницы, застал их за этим занятием.

Фома вернулся из кузницы после сумерек и застал Дарью сидящей на постели. Девочка держала обеими руками чашу с тёплой похлёбкой и ела медленно, словно не была уверена, что сможет проглотить ещё ложку. Но после нескольких дней жара само её желание есть казалось отцу чудом. Он приложил ладонь к её лбу, задержал на мгновение и впервые за неделю не почувствовал жгучего тепла. Аксинья стояла возле печи, не вмешиваясь: она уже сделала для дочери всё, что могла, и боялась слишком рано поверить в выздоровление.

Гришка хотел рассказать о новой игре на улице, но Фома остановил его жестом. Девочка ещё слабела от усталости, ей требовался покой. Он взял у жены миску, присел рядом и сам придерживал чашу, пока дочь доедала. Когда Дарья отказалась, он не стал уговаривать: заставлять больного через силу научился не хуже любого опытного лекаря — бесполезно. Дочь откинулась на подушку, и Фома увидел на её лице прежнее выражение, которого не замечал всё время болезни.

Аксинья рассказала, что в Кремле у великой княгини родился второй сын. Фома перекрестился, но не принялся расспрашивать о празднике. За окном поднимался ветер, в сенях лежали неоплаченные заказы, и завтра надо было явиться к боярскому человеку за расчётом. Он помнил обо всём этом, однако впервые за несколько дней не собирался сидеть ночью за работой.

— У государя нынче радость, — сказал он дочери. — И у нас.

— У нас за что? — спросила Дарья.

Фома поправил ей покрывало. — Ты поела. Вот и праздник.

Он произнёс это без улыбки, с той серьёзностью, с какой в кузнице проверял железо прежде, чем выпустить в работу. Аксинья отвернулась, вытерла глаза краем платка и принялась убирать посуду. Младшие дети устроились у печи. Фома сел рядом с ними и наконец позволил

себе усталость. Он знал, что за одну ночь ни работа, ни долги не исчезнут. Но теперь был уверен, что утром дочь его снова попросит есть.

Третьего ноября 1532 года Юрия крестили в Москве, в церкви Богоявления на Троицком подворье. Василий решил не предпринимать с новорождённым дальней поездки к обители Сергия, как это было с Иваном: осенняя погода уже стояла холодная, Елена только оправлялась после родов. Игумен Иоасаф Скрипицын и старец Даниил Переяславский участвовали в крещении. Елена хотела сама проследить за приготовлениями, но ещё не могла долго стоять, поэтому поручила женщинам позаботиться обо всём необходимом для младенца и просила, чтобы Иван не испугался необычной суеты.

Он помнил, как два года назад привозил первенца в Троицкую обитель. Тогда вся дорога казалась ему частью большого благодарственного паломничества. Теперь младенец был другим, но чувство, с которым государь входил в храм, оставалось прежним. Во время крещения Юрий почти не плакал. Он беспокойно двигал руками, временами открывал рот, но вскоре успокоился и лежал неподвижно, пока совершались положенные молитвы. Василий внимательно следил за происходящим. Мальчика нарекли Георгием, а в семье и при дворе его стали называть Юрием. После завершения таинства великий князь поблагодарил духовных лиц и распорядился о положенных дарах. Игумен Иоасаф некоторое время беседовал с ним отдельно.

— Господь милостив к твоему дому, государь, — сказал он.

— Милостив, отче.

— Два сына теперь растут.

— Два.

Василий помолчал.

— Старшего ты помнишь?

— Как же не помнить? Сам крестил его у нас.

— Совсем большой стал.

— Два года невелик возраст.

— А мне кажется, будто уже многое понимает.

Иоасаф улыбнулся.

— Дети быстро растут. Только взрослые об этом поздно вспоминают.

Василий кивнул. Некоторое время они говорили о монастырских делах. Игумен рассказал о состоянии обители, о братии, о хозяйственных заботах. Великий князь расспросил, какие работы необходимо провести до зимы и хватает ли запасов. Потом снова вернулся мыслями к сыновьям.

— Хочу, чтобы вместе росли, — сказал он.

— Доброе желание.

— Иван старший. Ему государство принимать. А Юрий младший. Надобно, чтобы брату верен был.

Иоасаф посмотрел на него.

— Обоим прежде научиться надобно любить друг друга.

Василий молчал.

— Елена того же желает.

— Значит, слушай её.

Великий князь улыбнулся.

— Ты, отче, словно сговорился с ней.

— А может, она правду говорит.

Оба рассмеялись. Василию нравилась подобная простота разговора. При дворе люди редко позволяли себе произносить столь прямые замечания, особенно если они касались семейной жизни государя. Однако он не счёл слова игумена укором. Напротив, они напомнили ему, что дети ещё слишком малы, чтобы превращать их жизнь в непрерывную подготовку

к будущим обязанностям. Когда церемония закончилась, Василий распорядился осторожно отвезти младенца обратно во дворец. Сам он ещё некоторое время оставался на подворье. Ему необходимо было переговорить с игуменом о нескольких хозяйственных вопросах, а также обсудить предстоящее посещение монастыря. Но мысли великого князя уже возвращались домой. Там его ждали жена и двое сыновей. Вечером Иван снова пришёл смотреть на младшего брата.

На этот раз он не стал спрашивать разрешения долго. Убедившись, что мать не спит, подошёл к колыбели и встал на цыпочки. Юрий лежал спокойно. Иван некоторое время разглядывал его. Потом спросил:

— Он меня знает?

Елена сидела рядом.

— Пока ещё плохо видит. Подрастёт, будет узнавать.

— А сейчас?

— Сейчас он чувствует, когда его берут на руки, когда ему тепло, когда рядом люди.

Иван задумался.

— А если я возьму?

— Пока нельзя. Маленький он, уронишь.

Мальчик нахмурился.

— Я большой.

— Большой. Только братец ещё очень маленький.

Иван помолчал. Потом осторожно протянул ладонь.

— Поглажу.

— Погладь.

Он коснулся края пелёнки. Юрий пошевелился, открыл рот и негромко вздохнул. Иван улыбнулся.

— Слышит.

Елена посмотрела на младенца.

— Может быть.

Она не стала объяснять сыну, как мало ещё можно судить о чувствах и восприятии новорождённого ребёнка. Для двухлетнего Ивана было достаточно, что брат отзывается на его присутствие. Он постоял возле колыбели, потом вдруг побежал в соседнюю комнату. Елена удивлённо посмотрела ему вслед. Через несколько мгновений мальчик вернулся. В руках у него была деревянная лошадка. Он поставил её на край скамьи рядом с колыбелью.

— Юре.

— Опять даришь? — спросила мать.

Иван кивнул.

— Пусть будет.

Елена улыбнулась.

— Спасибо тебе.

Мальчик посмотрел на брата.

— Вырастет — играть будем.

Он произнёс это просто, без особенного торжества, словно договорился с младшим о завтрашней прогулке. Елена не стала поправлять его. Она осторожно придвинула игрушку подальше от колыбели, чтобы та случайно не упала на ребёнка, и подозвала Ивана к себе. Мальчик забрался рядом. Они сидели молча, пока в комнату не вошёл Василий. Увидев обоих сыновей, великий князь остановился.

— А что это у нас здесь?

Иван немедленно поднялся.

— Батя, смотри!

— Что такое?

Мальчик показал на колыбель.

— Юра спит.

— Вижу.

— Я ему коня дал.

Василий посмотрел на деревянную лошадку.

— Хороший подарок.

— Он играть будет.

— Будет. Когда подрастёт.

Иван удовлетворённо кивнул. Василий подошёл к жене.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Не устала?

— Немного. Но всё благополучно.

Он сел рядом. Иван немедленно устроился у него на коленях. Василий обнял старшего сына одной рукой, а другой осторожно коснулся края колыбели. Юрий спал. Все молчали. Потом Иван посмотрел на отца.

— Батя.

— Что?

— У меня брат.

Василий улыбнулся.

— Есть брат.

— Мой.

— Твой.

Мальчик задумался, затем добавил:

— И твой.

Василий рассмеялся.

— И мой.

Елена тоже улыбнулась. Иван посмотрел на мать.

— И мамин.

— И мамин, — подтвердила она.

Он довольно кивнул. Теперь ему казалось, что всё наконец устроено правильно. Василий осторожно погладил старшего сына по волосам.

— Береги его, Иван.

Мальчик прижался к отцу.

— Буду.

Великий князь посмотрел на младенца. Юрий спал, ничего не зная о разговоре, происходившем возле его колыбели. Елена протянула руку и поправила край покрывала. За окнами уже стемнело. В кремлёвских переходах слышались шаги служителей, вдалеке звонили к вечерней службе. На государевом дворе готовили ужин, конюхи запирали конюшни, сторожа занимали свои места. Дом продолжал жить привычной жизнью. Василий сидел рядом с женой, держа на коленях старшего сына. Елена наблюдала за спящим младшим. Иван время от времени поворачивался, чтобы убедиться, что брат по-прежнему лежит в колыбели. Когда служанка принесла свечи, Елена попросила поставить их дальше от постели. Свет стал мягче. Василий хотел подняться, но Иван крепко обхватил его за шею.

— Не уходи.

Великий князь остановился. Он уже собирался вернуться к делам, оставленным после крещения, но посмотрел на сына и снова сел.

— Хорошо. Ещё немного побуду.

Мальчик удовлетворённо устроился у него на коленях. Елена улыбнулась мужу.

— Вот теперь ты видишь, как трудно с ним договориться.

— Вижу.

— А если ещё один такой вырастет?

Василий посмотрел на колыбель.

— Тогда, видно, мне придётся больше времени дома проводить.

Елена тихо рассмеялась. Он тоже улыбнулся. Иван не понял, что их развеселило, но, увидев счастливые лица родителей, засмеялся вместе с ними. От его смеха Юрий проснулся и тихо заплакал. Мальчик сразу замолчал.

— Разбудил?

— Разбудил, — ответила Елена.

Иван слез с отцовских колен и подошёл к колыбели. Стоял неподвижно. Потом приложил палец к губам.

— Тише, Юра.

Младенец продолжал плакать. Иван нахмурился, посмотрел на мать и снова обратился к брату:

— Не плачь. Я тут.

Елена протянула руку и осторожно обняла старшего сына. Василий поднялся, подошёл к колыбели и помог передать младенца кормилице. Иван наблюдал за происходящим с величайшей серьёзностью. Когда Юрий наконец успокоился, мальчик облегчённо вздохнул.

— Вот.

Он повернулся к отцу.

— Теперь хорошо.

Василий кивнул.

— Теперь хорошо.

За стенами дворца уже наступила ночь. Иван ещё стоял возле колыбели, держа деревянную лошадку в руках. Потом мать позвала его спать. Он послушался не сразу. Перед уходом подошёл к брату, осторожно погладил край покрывала и сказал:

— Спи, Юра. Я завтра приду.

После этого взял Ульяну за руку и направился к двери. Елена проводила его взглядом.

— Добрый мальчик, — тихо сказала она.

Василий посмотрел на старшего сына.

— Добрый.

Он не стал добавлять ничего больше. Ульяна увела Ивана. За дверью ещё некоторое время слышались его шаги и негромкие вопросы, на которые постельница терпеливо отвечала. Потом всё стихло. Василий подошёл к жене.

— Пора и тебе отдыхать.

Елена кивнула. Он помог ей удобнее устроиться на постели, поправил подушки и задержал её руку в своей.

— Завтра рано вставать? — спросила она.

— Дел много.

— А сегодня?

— Сегодня уже довольно.

Она улыбнулась. Василий наклонился, поцеловал её и направился к выходу, но возле двери остановился. Оглянулся на колыбель. Потом вернулся и ещё раз посмотрел на младшего сына. Юрий спал спокойно, подложив крошечную ладонь под щёку. Василий осторожно коснулся его руки.

— Доброй ночи, Юрий Васильевич.

Он выпрямился и посмотрел на Елену.

— Завтра обоих увижу.

— Увидишь.

Великий князь вышел. Елена осталась возле колыбели. Некоторое время она прислушивалась к дыханию младенца, затем закрыла глаза.

Теперь у неё было два сына.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
ПОД СВОДАМИ КРЕМЛЯ

Москва. Зима 1532–1533 годов.

В морозные дни каменные стены Кремля долго сохраняли холод. Даже там, где с раннего утра топили печи, воздух возле наружных стен оставался сырым, а в углах просторных палат порой выступал иней. Дворцовые служители привыкли к этому и заранее раскладывали толстые ковры, ставили скамьи подальше от окон, следили, чтобы деревянные двери плотно закрывались. Но государственные дела не прекращались ни из-за морозов, ни из-за метелей, от которых порой исчезали целые участки городских улиц.

Утром на великокняжеском дворе было многолюдно. Из дальних городов прибывали посыльные, привозили грамоты и отчёты. Конюхи принимали измученных дорогой лошадей, стряпчие разыскивали людей, которых следовало провести к дьякам, дворцовые служители спорили с возчиками о количестве доставленных припасов. У ворот толпились просители, надеявшиеся добиться разбора своих дел. Иные ожидали несколько дней, другие приезжали в Москву уже не впервые, привозя с собой новые свидетельства, старые грамоты и деньги, которых оставалось всё меньше.

Над этим беспокойным миром поднимались соборы, дворцовые кровли и стены, возведённые при Иване Васильевиче, отце нынешнего государя. Каменные укрепления придавали Кремлю суровый и прочный вид, но внутри стен находилось множество деревянных строений, хозяйственных дворов, переходов и небольших помещений, где работали люди, редко удостаивавшиеся внимания летописцев. Здесь хранились государевы грамоты, переписывались посольские речи, составлялись распоряжения наместникам, разбирались земельные тяжбы. Здесь подсчитывали казённые поступления, готовили выдачи служилым людям и заботились о том, чтобы в нужный срок к пограничным городам отправились хлеб, оружие и прочие припасы. Казна была не только местом хранения драгоценностей и денег. При ней сосредоточивались важнейшие записи и государственная переписка. Дворцовое хозяйство ведало собственными землями великого князя, продовольствием, постройками, слугами и множеством иных забот.

Всё это требовало людей, умеющих не только читать и писать, но и помнить прежние решения, находить нужные записи и разбираться в обстоятельствах, которые иной раз намеренно запутывали сами челобитчики. Дьяк Матвей Лазарев служил при государевых делах уже почти двадцать лет. Он был человеком сухощавым, с длинными пальцами, редкой бородой и привычкой слегка склонять голову, когда слушал собеседника. Читать грамоты мог быстро, но никогда не торопился выносить суждение о прочитанном. За долгие годы службы он убедился, что самые неприятные дела нередко начинаются с совершенно ясной записи, в которой всё выглядит разумно и справедливо. В то утро перед ним лежали две грамоты.

Матвей Лазарев положил рядом две грамоты, отправленные из одного южного уезда. В первой значилось, что из волостей вышло двадцать четыре воза с зерном и припасами; во второй, составленной при приёме, — шестнадцать. Разница на бумаге была невелика, всего восемь строк счёта, но за ними стояли семьи, у которых уже собирались снова брать хлеб. Дьяк не любил, когда государевы люди сначала теряли счёт припасам, а затем объявляли виноватыми тех, кто их собирал.

— Сыщи прошлую осеннюю запись, — велел он Луке.

Подьячий полез к ларям. В тесной казённой палате свёртки лежали не так стройно, как представлял себе человек со стороны. Одни хранили по городам, другие — по именам тех, кому поручали дело, третьи приходилось разворачивать только ради того, чтобы прочитать надпись на обороте. Лука наконец нашёл требуемое. Он хотел было сразу положить запись перед старшим, но Матвей велел сперва вслух назвать печать и число. Молодой человек замялся: печать была надломлена, и он не мог различить, где она повреждена в дороге, а где — при вскрытии.

— Бумагу-то сложить всякий умеет, — сказал Матвей. — А после доказать, что никто её не трогал, трудно. Гляди, прежде чем чужое имя в книгу внесёшь.

Из двора позвали посыльного. Тот пришёл с дорожной грязью на сапогах и долго мял шапку. Матвей расспрашивал не о том, верит ли он воеводе, а о простом: видел ли собственными глазами двадцать четыре воза, где в последний раз был при обозе и кому передал запись. Посыльный видел отправку, сопровождал обоз до очередного стана, а далее ехал с другим поручением. Он не знал, почему приёмная запись оказалась короче. На вопрос о недостаче только повторил: воеводские люди велели недостающее взыскать.

Матвей остановил его. Он уже много раз слышал подобное: там, где бумага ошибалась, человек отвечал новым сбором. Дьяк велел Луке записать имена возчиков, отыскать прежние знаки о передаче обоза и спросил посыльного, почему никто не написал о перемене пути. Тот опустил глаза. Он не привык отвечать за действия людей, которых не видел, и боялся произнести лишнее.

За дверью поднялся шум. Служилые люди, приехавшие с жалобой, узнали, что обсуждаются их возы, и пытались пройти внутрь. Сторож не пускал. Матвей посмотрел на молодого подьячего: когда-то и ему казалось, что дурное дело лучше слушать от одного человека, тогда быстрее. Теперь он знал цену такой быстроте.

— Пускай ждут до вызова, — сказал он. — Каждого выслушаем порознь.

Он не добавил, что уже попросил государева служителя принести ему список дворов, с которых взыскивали повторно. Пока возы существовали только в грамоте, любой сильный человек мог объяснить их исчезновение так, как ему выгодно. Стоило назвать конкретные дворы, лошадей и людей, как за ошибкой в письме начинали проступать человеческие лица. Матвей именно этого и добивался: государев суд не должен был решать дело по одному лишь голосу того, кто стоит ближе к столу.

В великокняжеских палатах между тем готовились к приёму бояр. Василий Иванович с утра уже успел побывать на службе, выслушать несколько докладов и потребовать объяснений по делу о пожаловании земли одному из монастырей. Теперь он ожидал людей, которым предстояло обсуждать положение на восточных рубежах. Из Казани приходили известия, требовавшие осторожного отношения. Возведение Еналея на ханский престол не уничтожило разногласий среди татарской знати. Одни князья стремились сохранить мир с Москвой, другие внимательно следили за политикой Крыма, а третьи больше заботились о собственном положении при молодом хане. Василий хорошо понимал, что согласие, достигнутое переговорами, не становится прочным только потому, что его закрепили соответствующими грамотами.

Сейчас необходимо было выяснить, насколько твёрдо стоит Еналей и не возникнет ли вновь опасность, способная потребовать большого похода. Князь Иван Васильевич Шуйский вошёл одним из первых. Следом появились другие бояре, занимавшие важное положение при государевом дворе. Разговор начали не сразу. Василий велел принести прежние посольские записи и некоторое время расспрашивал прибывшего гонца об обстоятельствах поездки. Гонец был человеком опытным. Он уже не раз ездил к татарским владетелям, знал порядок встреч, умел отличать торжественные слова от действительных обещаний и внимательно следил за тем, кто присутствует при переговорах.

— Булат Ширин при хане был? — спросил Василий.

— Был, государь.

— И что говорил?

— Говорил, что желает дружбы и прежнего мира.

— А сам хан?

— Слушал. Потом подтвердил сказанное.

Василий посмотрел на бояр.

— Значит, всё благополучно?

Никто не ответил сразу. Шуйский первым нарушил молчание.

— Благополучие, государь, когда не только говорят, но и исполняют.

— Вот и я о том думаю.

Гонец продолжил доклад. Он сообщил, какие люди окружали Еналея, кто принимал послов, какие вопросы поднимались в беседах. Особенно внимательно государь слушал сведения о торговых дорогах и безопасности русских людей, приезжавших в Казань.

— Купцов наших обижают? — спросил он.

— Жалобы были. Но ханские люди обещали разобраться.

— Обещали, — повторил Василий. — А кто обидел, установили?

— По одному делу нашли виновных. По другим ещё ищут.

Великий князь велел записать, какие именно жалобы остаются без ответа. Затем обратился к боярам:

— Войско держать готовым надобно. Но не затем, чтобы всякую ссору походом заканчивать. Пока они мира желают, пусть мир соблюдают. А нам знать следует, кто там с кем связан.

Разговор перешёл на военную службу и состояние городов, через которые проходили пути к восточным землям. Шуйский заметил, что часть служилых людей уже долго находится в разъездах и не успевает поправить домашнее хозяйство.

— Коли всех держать на службе, поместья разорятся, — сказал он. — А без поместья и служить нечем.

Другой боярин возразил, что отпускать людей опасно, пока из Казани не придут более надёжные известия. Василий выслушал обоих.

— Отпускать станем по очереди, — решил он. — Чтобы граница без людей не осталась и чтобы дома они не разорились.

Он велел приготовить соответствующее распоряжение. Но когда бояре уже собирались переходить к следующему делу, один из них неожиданно вернулся к вопросу о служилых землях.

— Государь, а кто на службу исправно не выходит, у тех поместья пересмотреть надобно.

Василий поднял глаза.

— Кого имеешь в виду?

Боярин назвал нескольких человек. Среди них оказался родственник другого присутствовавшего князя. Тот немедленно возразил:

— Про него неправду говорят. Он больной после похода вернулся, не бегал от службы.

— Болезнь болезнью, а люди за него не выставлены.

— Так пусть государь разберёт!

Разговор быстро становился резким. Василий позволил им высказаться, затем остановил спор.

— Разбирать станем по каждому человеку. Не так, чтобы один назвал, другой возразил, а мы уже землю отняли.

Он посмотрел на обоих.

— Если кто служить не хочет, спросим строго. А кто служил и рану получил, тому и помощь может понадобиться.

Бояре замолчали. Великий князь велел собрать сведения о названных людях и перешёл к другому вопросу. Однако неприятный осадок от разговора остался. Василий видел, насколько

легко государственная забота о службе переплетается с родовыми интересами. Одному важно, чтобы воевода имел достаточно людей. Другой стремится ослабить соперника, лишив его родственника поместья. Третий защищает того, кто действительно уклоняется от службы, потому что связан с ним свойством. При дворе редко существовали дела, в которых совершенно отсутствовала личная заинтересованность.

Василий не считал это особенностью одних бояр. Любой человек заботился о себе и своих близких. Но государь должен был уметь различать, где такая забота становится препятствием общему делу. Когда обсуждение закончилось, он попросил бояр задержаться.

— Ещё об одном поговорить хочу.

Они снова сели.

— Дети мои растут, — произнёс Василий. — Ивану уже третий год пошёл, Юрий младенец ещё. Мне нужно, чтобы при них люди были надёжные. Не только родом знатные, но и делом проверенные.

Шуйский слегка наклонил голову.

— Государь, в княжеских родах много людей, которые отцам твоим служили.

— Знаю. И тех не забудем.

Василий помолчал.

— Только мне не хочется, чтобы при детях всякий прежде всего о месте своём думал.

Никто не возразил. Но великий князь хорошо видел, что слова его не могли понравиться всем одинаково. Место при наследнике было не просто почётной службой. Человек, оказывавшийся рядом с малолетним князем, получал возможность влиять на его привычки, привязанности и будущие решения. Неудивительно, что многие желали такого назначения. Василий велел представить ему сведения о тех, кого предлагали для службы возле детей, и отпустил бояр. Когда палата опустела, он ещё сидел, размышляя о прошедшем разговоре. Затем попросил позвать Матвея Лазарева. Дьяк явился вскоре. Он принёс несколько свёртков и положил их перед государем.

— Что это? — спросил Василий.

— Из южных городов дело пришло. О припасах и служилых людях.

— Опять недостача?

— Недостача в записях, государь. А была ли в самих припасах, ещё надобно установить.

Василий взглянул на него.

— Говори.

Матвей развернул документы. И начал объяснять. Матвей разложил перед государем три листа, придавив края небольшим деревянным грузом.

— По осени из двух волостей отправили двадцать четыре воза с зерном и прочими припасами. В первой записи так и значится. А в городе приняли шестнадцать. С остальных восьми следа не видно. Наместничьи люди пишут, что недостающее надобно взыскать снова.

Василий протянул руку.

— Дай посмотреть.

Он внимательно прочёл запись, потом вторую и третью. Матвей ждал, не пытаясь помогать объяснениями.

— Кто за отправку отвечал?

— Тамошний тиун и двое сборщиков.

— А кто принимал?

— Воеводские люди.

— Они между собой не сговорились?

— В том и дело, государь. Каждый своё пишет. Сборщики утверждают, что все возы ушли. Принимавшие говорят, что больше шестнадцати не видели.

Василий положил грамоту на стол.

— Значит, восемь возов пропали по дороге?

— Может, пропали. А может, кто-то неправду написал. Есть ещё одно обстоятельство.

Матвей извлёк из свёртка небольшую челобитную.

— Люди из тех волостей приехали. Говорят, что с них уже взяли больше положенного, а теперь снова требуют.

— Кто приехал?

— Двое детей боярских и староста с крестьянами.

— Чего просят?

— Чтобы до разбора больше не взыскивали. И чтобы разорённые дворы не трогали.

Василий провёл пальцем по краю грамоты.

— А что с дворами?

— Два опустели. Ещё у троих лошадей взяли в счёт недоимки.

Великий князь поднял голову.

— Лошадей?

— Да, государь.

— У служилых людей?

— У одних служилых, у других тяглых.

Василий нахмурился.

— А чем они теперь возить станут? Иные без лошадей и землю не вспашут.

Матвей промолчал. Он знал, что государь не нуждается в объяснении последствий.

— Кто велел взыскивать?

Дьяк назвал наместничьего тиуна.

— А сам наместник знает?

— По его грамоте будто бы знает. Только я бы прежде записи сверил.

Василий снова взял челобитную. Его раздражало не столько само расхождение в количестве возов, сколько уверенность местных людей в праве требовать новое, не разобравшись со старым. Если припасы действительно исчезли по дороге, виновных следовало искать среди перевозчиков и принимавших. Если же их вовсе не отправляли, требовалось выяснить, куда делось собранное зерно. Но в обоих случаях проще всего было снова прийти к крестьянину или служилому человеку и взять то, что ещё оставалось у него во дворе.

— Кто из просителей грамотен? — спросил Василий.

— Один из служилых. Другие свою челобитную через человека писали.

— Пусть скажут, кто видел отправку возов. Не слухами, а своими глазами.

Матвей кивнул.

— А до того нового сбора не чинить, — продолжил великий князь. — И с лошадьми разобраться. Если взяли сверх положенного, вернуть. Но прежде сыскать, кто приказал.

— Будет исполнено.

— И грамоту наместнику напиши. Чтобы все книги прислал, какие у него есть по тому делу. Не выбором, какие сам пожелает, а все.

Матвей собрал бумаги.

— Государь, ещё одно скажу.

— Говори.

— У одного просителя сын больной после последнего разъезда. Сам человек службу несёт, а теперь у него последнюю рабочую лошадь увели.

Василий поднял глаза.

— Ты его знаешь?

— Нет. Сегодня впервые увидел.

— Тогда зачем мне говоришь, что последнюю? Может, ещё пять дома держит.

Матвей не смутился.

— Затем и говорю, государь, чтобы проверить. Коли одна, худо ему придётся.

Великий князь помолчал. Он не любил, когда перед ним пытались вызвать жалость, обойдя установленный порядок суда. Но Матвей давно служил при казне и редко передавал непроверенные просьбы как достоверное известие.

— Проверь. И не затягивай.

Дьяк поклонился. Когда он вышел, Василий велел принести другие бумаги, но к работе приступил не сразу. Он вспомнил сказанное утром Шуйским о разорении служилых поместий. Выходило, что князь говорил не без оснований. Только теперь выяснялось, что к трудностям службы порой прибавлялись злоупотребления тех, кому поручали собирать припасы. На бумаге государево распоряжение выглядело ясно. В таком-то городе надлежит держать столько-то людей, собрать определённое количество зерна, приготовить коней, снаряжение и продовольствие. Но между написанным и исполненным лежала дорога через уезды и волости, где каждый человек мог ошибиться, проявить небрежность или воспользоваться своим положением. Василий хорошо знал, что одного строгого приказа недостаточно. Необходимо было ещё заставить людей исполнить его так, как он задуман.

Он подозвал служителя.

— Матвею скажи: когда просителей расспросит, пусть принесёт записи. Хочу знать, что они сами видели.

Служитель поклонился и ушёл. За окном снова начал идти снег. Ожидавших разбора людей разместили в небольшой палате возле хозяйственных помещений. Там было тесно, но хотя бы не так холодно, как во дворе. Староста Гаврила, невысокий седобородый человек с натруженными руками, сидел на краю скамьи и осторожно растирал колено. Долгая дорога до Москвы далась ему тяжело. В молодости он мог целый день идти за возом, не жалуясь на усталость, теперь же после нескольких часов пути ноги начинали болеть, а к вечеру приходилось искать место, где можно вытянуть их.

Рядом с дверью ожидали два служилых брата — Семён и Прохор Истомины — и староста Гаврила из той самой волости, откуда вышли спорные возы. Семён сидел неподвижно, положив руки на колени. Прохор то подходил к окну, то возвращался к скамье; сапоги у него были в высохшей дорожной грязи. Староста почти не участвовал в разговоре: с раннего утра ныло больное колено, а в Москве они уже истратили больше денег, чем собирались. Вчера Лука передал им, что дьяк велел подождать. Сегодня сторож повторил то же самое.

Прохор сердито говорил, что ждать ему некогда. Весеннюю службу уже назначили, а дома после повторного сбора остались две лошади — обе верховые и для пахоты не годятся. Семён напомнил ему, что староста приехал не ради собственного двора и что бесконечной бранью они только навлекут подозрение. Гаврила покачал головой. Он не считал терпение добродетелью само по себе; просто знал, как редко в государевых палатах удаётся докричаться до правды.

Первым вызвали Семёна. Матвей начал не с гнева на наместника, а с пути обоза: где остановились, кто вёл отставшие телеги, когда их видели в последний раз. Семён назвал Лаврентия, старшего из возчиков. При переправе через малую речку у одной повозки лопнуло колесо, затем ещё несколько задержались. Большая часть обоза пошла вперёд, а восемь возов должны были догнать её после починки. Семён сопровождал их лишь первые переходы: дальше ему надлежало ехать по службе.

— Лаврентия бы сюда, — сказал Матвей.

— Нет его в живых, — ответил Семён. — Лихорадка взяла, как вернулся.

Дьяк поднял голову. Это было первое известие за день, которого не содержала ни одна бумага. Пришлось записать имя покойного, разыскать его спутников и выяснить, кто принял у них зерно. Семён не попытался выдать слух за собственное знание; Матвей заметил это и позволил ему сесть у стены, пока вызывали брата.

Прохор вошёл злым и сразу заговорил о коне, уведённом у него на двор наместничьими людьми. Матвей заставил его вернуться к началу: кому подана челобитная, кто её читал, кто ответил, что сбор надобно повторить. Постепенно выяснилось, что сам наместник с просителями не разговаривал; приказ передавал его тиун. На этом месте Прохор стукнул кулаком по скамье. Ему казалось издевательством, что люди в Москве разбирают имена, тогда как животное, на котором он собирался пахать, стоит в чужой конюшне.

— Без имени, брат, никого и к ответу не призовёшь, — сказал Матвей. — Разве хочешь, чтобы взыскали с того, кто рядом стоял, а твоего коня другой увёл?

Прохор не ответил. По следу давнего рубца на его запястье Матвей догадался, что служба была нелегка; жалость не заставила его нарушить порядок расспроса. Он уточнил, что у Прохора осталось две верховые лошади, а увели единственную рабочую. Лука записал это отдельно: для службы и для пашни конь годился разный, и потеря рабочего могла означать, что хлеб к будущему году вовсе не вырастет.

Последним вошёл Гаврила. Пока старик снимал шапку, Матвей заметил, как трудно ему разогнуть ногу после долгого сидения. Воспоминания у Гаврилы были не о дорогах и печатях. Он назвал дворы, откуда давали хлеб, вдову, занявшую на посев, и братьев, продавших скот, чтобы исполнить сбор. Староста говорил неторопливо; едва задевал человеческую беду и сразу возвращался к числу четвертей и именам. Он хотел, чтобы в Москве услышали не жалобу, а счёт.

Матвей спросил, не боится ли он рассердить наместника. Гаврила вспомнил людей, собравших ему деньги на дорогу, и ответил, что вернуться без суда боится больше. Он не стал молить о милости. Лишь попросил, чтобы до выяснения судьбы возов новых сборщиков к ним не посылали. Под этой просьбой Лука поставил особую отметку.

Когда старик ушёл, молодой подьячий предложил дать просителям место на ночь при дворцовом дворе. Матвей отказался обещать такое от своего имени. Служебный порядок он соблюдал столь же упорно, как и люди, против которых подавали жалобу. Но затем велел Луке спросить у хозяйственных служителей, нельзя ли оставить старосту под крышей до утра. Впрочем, куда важнее было успеть закончить доклад прежде, чем привезут новые бумаги из города: тогда жалоба не окажется погребённой под другими делами.

Вечером Матвей остался один. Он разложил записи ещё раз и увидел уже не восемь исчезнувших возов, а три цепочки людей: тех, кто собирал хлеб, тех, кто его вёз, и тех, кто принимал. Где-то между ними была утрачена правда. Если дьяк не сумеет найти разрыв, его заполнят новой повинностью. Он обмакнул перо и начал доклад с имён, а не с жалобной речи. Так было тяжелее писать, зато труднее было скрыть виновного.

В тот же зимний день кузнеца Фому вызвали к воротам великокняжеского хозяйственного двора. Он охотно брался за работу для Кремля, хотя ворчал, что при государевом дворе всегда находится больше людей, умеющих приказывать, чем способных вовремя расплатиться. Утром оставил кузницу на Никиту, взял сумку с инструментами и отправился через торговые улицы. Дорога была скользкой после ночного снега; у ворот его долго расспрашивали, кто он и к кому идёт, прежде чем пропустили внутрь.

Он бывал в Кремле прежде, но никогда не переставал удивляться множеству людей, постоянно занятых здесь каким-то делом. Одни несли дрова, другие тащили тяжёлые корзины, третьи сопровождали прибывших издалека посыльных. Возле одной из палат стояли люди в богатых одеждах, беседовавшие между собой с таким важным видом, что Фома предпочёл обойти их стороной. Его встретил дворцовый служитель, уже знакомый по прежним заказам.

— Где пропадал? — спросил он вместо приветствия.

Фома удивился.

— Я? Дома работал.

— Тебя вчера ждали.

— Мне велели сегодня.

— Кто велел?

— Ты и велел.

Служитель нахмурился, потом махнул рукой.

— Ладно. Пойдём.

Они прошли вдоль стены, свернули к хозяйственным строениям и остановились возле тяжёлой деревянной двери, укреплённой железом. Фома осмотрел петли, затем попросил открыть дверь. Та подалась с трудом, скребя нижним краем о каменный порог.

— Давно так? — спросил мастер.

— С осени.

— А почему раньше не позвали?

— Не до того было.

Фома присел, внимательно осмотрел нижнее крепление и покачал головой.

— Дверь просела.

— Вижу.

— Тогда чего меня звал? Сам бы поднимал.

Служитель недовольно посмотрел на него.

— Не языком работай.

Фома ничего не ответил. Он продолжал обследовать дверь, проверил верхнюю петлю и обнаружил, что железный штырь почти вышел из крепления.

— Тут менять надо, — сказал он. — И дерево под петлёй подгнило.

— Починишь?

— Починю. Только не одним молотом.

Он объяснил, что потребуется плотник и сухое дерево для замены повреждённого участка. Служитель начал возражать, что дверь нужна ежедневно и разбирать её нельзя.

— Тогда пусть упадёт, — спокойно ответил Фома. — Может, и на кого-нибудь.

Человек хотел рассердиться, но, взглянув на тяжёлую створку, передумал.

— Ладно. Сейчас плотника приведу.

Фома остался ждать. Неподалёку, возле другого входа, сидели несколько незнакомых людей. Один из них, седобородый старик, пытался согреть руки под полами тулупа. Другой с раздражением ходил вдоль стены, поглядывая на двери. Кузнец присмотрелся к ним.

— Давно ждёте? — спросил он.

Старик поднял голову.

— Третий день.

— Чего?

— Разбора.

Фома кивнул. Он знал, что в Кремле можно провести немало времени, прежде чем доберёшься до нужного человека.

— Издалека?

— С юга.

— И что за дело?

Старик рассказал о недостающих возах и повторном сборе зерна. Говорил он без жалобного надрыва, словно пересказывал неприятное, но привычное хозяйственное происшествие. Фома выслушал.

— А возы-то куда делись?

— На то и приехали, чтобы узнать.

— Странное дело. Зерно собрали, отправили, а теперь опять подавай.

— Вот и мы так думаем.

Кузнец присел рядом.

— Меня однажды тоже два раза платить заставляли. За одно и то же железо.

Старик заинтересовался.

— И что?

— Второй раз не заплатил.

— А дальше?

— Дальше три дня спорили.

— И чем кончилось?

— Заплатил тот, кто должен был с самого начала.

Старик слабо улыбнулся.

— У тебя, видно, язык крепкий.

— Я кузнец. Мне и язык, и руки нужны.

Они разговорились. Фома узнал, что старика зовут Гаврилой, что дома у него сыновья, внуки и хозяйство, за которым приходится следить даже зимой. Гаврила расспросил кузнеца о Москве, о ценах на железо и о том, много ли работы в городе. Вскоре вернулся служитель с плотником. Фома поднялся.

— Ну, мне за дело.

Гаврила кивнул.

— Помоги Бог.

Кузнец уже собирался идти, но остановился и достал из сумки небольшой кусок хлеба, завёрнутый в чистое полотно.

— На, возьми.

Старик смутился.

— Да что ты…

— Мне жена с собой положила. А я перед уходом из дому поел. Всё равно не съем.

Гаврила не сразу протянул руку.

— Спасибо, добрый человек.

Фома кивнул и направился к повреждённой двери. Он не считал себя особенно щедрым. Просто старик выглядел утомлённым, а сам Фома знал, как трудно ждать решения дела, когда дома остаются люди, рассчитывающие на твоё возвращение. Плотник уже осматривал дверной косяк.

— Что скажешь? — спросил его кузнец.

— Дерево менять.

— Вот и я говорю.

Они принялись за работу. Вскоре во дворе застучали молотки, заскрипели деревянные подпорки, послышались распоряжения. Тяжёлую створку осторожно приподняли, подперли, затем начали снимать повреждённое крепление. Фома работал сосредоточенно. Он не замечал, как мимо проходили бояре, дьяки и служители. Для него теперь существовали только дверь, железо, дерево и необходимость сделать так, чтобы тяжёлая створка больше не угрожала людям.

К вечеру работа была закончена. Дверь открывалась легко, не задевая порог. Фома несколько раз проверил петли, попросил плотника ещё раз осмотреть крепление и лишь после этого убрал инструменты. Служитель остался доволен.

— Хорошо сделал.

— Теперь надолго хватит, — ответил кузнец.

— Сколько тебе причитается?

Фома назвал цену. Человек поморщился.

— Много.

— Дверь тяжёлая.

— Железа-то немного ушло.

— А работы сколько?

Они начали торговаться. Наконец сошлись на сумме, которая устроила обоих. Фома получил деньги, пересчитал и спрятал за пазуху. Уходя, он снова увидел Гаврилу. Старик сидел у стены, но теперь рядом с ним находился молодой подьячий. Тот что-то объяснял, показывая на небольшой лист с записью. Гаврила слушал внимательно, время от времени кивая. Фома не стал вмешиваться. Он только подумал, что, возможно, дело старика наконец сдвинулось. За воротами его встретил холодный ветер.

Москва уже готовилась к ночи. Торговые ряды постепенно пустели, над крышами поднимался дым, по улицам спешили люди, желавшие до темноты добраться домой. Фома поправил тулуп и зашагал к своей кузнице. Дома его ждали жена, дети и работа, которую Никита наверняка не успел закончить. А в Кремле, за высокими стенами, продолжали разбирать грамоты, пересчитывать припасы и решать судьбы людей, чьи имена кузнец никогда не узнает. К весне дело о недостающих возах наконец начало проясняться.

Из пограничного города пришли новые записи, составленные уже после того, как первоначальный обоз разделился. Оказалось, что часть припасов действительно доставили не туда, куда направлялся основной обоз, а к небольшому сторожевому укреплению, где неожиданно обнаружился недостаток хлеба. Распоряжение об этом отдал один из воеводских людей, однако в общей записи перемену не отметили. Остальные возы дошли позднее, но и о них сведения были внесены не полностью. Матвей Лазарев долго разбирался в полученных бумагах.

Теперь становилось ясно, что первоначальные сборщики не обманули в количестве отправленного зерна. Но оставалось выяснить, почему наместничий тиун, имевший возможность проверить записи, предпочёл требовать новые поставки вместо того, чтобы разыскать прежние. Не все обстоятельства были безобидны. По показаниям нескольких людей, тиун получал с крестьян дополнительные подводы и корм для собственного хозяйства, ссылаясь на государеву нужду. Одна из взятых лошадей оказалась не при воеводских людях, а на дворе его родственника. Матвей перечитал эту запись особенно внимательно. Потом велел Луке принести всё дело государю. Василий принял дьяка после утреннего разбора других челобитных.

— Ну что, нашли зерно?

— Нашли, государь. Не всё сразу, но записи теперь сходятся.

Матвей объяснил, куда были направлены отставшие возы и почему возникла путаница. Великий князь слушал молча. Когда дьяк закончил, Василий спросил:

— Значит, люди своё исполнили?

— Исполнили.

— А с них снова взыскивали?

— Взыскивали.

— Лошадей возвращать велели?

— Пока нет.

— Отчего?

— Ждут твоего решения.

Василий поморщился.

— Чтобы лошадь вернуть, им непременно моё слово надобно?

Матвей ничего не ответил.

— А чтобы взять, моего слова не спрашивали, — продолжил великий князь.

Он протянул руку за записями. В донесении сообщалось, что один из крестьянских дворов, лишившихся лошади, уже успел продать часть запасов, предназначавшихся для весеннего сева. В другом месте семья заняла зерно у соседей, обещав вернуть после урожая. У Прохора Истомина рабочую лошадь нашли у родственника тиуна. Василий положил бумагу на стол.

— Вернуть всё, что взяли сверх положенного. А коли чего вернуть нельзя, возместить по разбору. С виновных взыскать.

Матвей склонил голову.

— Исполним, государь.

— Только одного взыскания мало. Как вышло, что воеводские люди по своей надобности обоз повернули, а книги поправить забыли? Кто за записи отвечал?

Дьяк назвал нескольких человек.

— И с теми разобраться. Не всякое дурное дело от злого умысла бывает. Иная небрежность немногим лучше воровства выходит.

Матвей записал распоряжение. Василий сидел молча, затем спросил:

— Староста, который приезжал, ещё здесь?

— Нет, государь. Домой отпущен.

— Ответ ему передали?

— Передали, что дело разбирается.

— А теперь напишите, что решено. Пусть знает.

— Будет исполнено.

Дьяк собрал бумаги. У двери великий князь остановил его.

— Матвей.

— Слушаю, государь.

— Ты сколько лет при делах служишь?

— Двадцатый пошёл.

— Много всякого видел.

— Всякого, государь.

Василий провёл ладонью по столу.

— Отчего, скажи, бывает, что на местах люди иной раз государева слова больше боятся, чем государеву волю исполнять стараются?

Матвей задумался. Он понимал, что вопрос обращён не только к нему. Великий князь нередко спрашивал о подобных вещах, желая услышать не придворную похвалу, а мнение человека, знакомого с повседневным делопроизводством.

— Бывает, государь, что человек указ исполнить хочет, а разобраться не умеет. А иной и умеет, да ему выгоднее по-своему сделать.

— И как отличить одного от другого?

— По делам. Да и то не сразу.

Василий кивнул.

— Вот и я думаю, что не сразу.

Он отпустил дьяка. Матвей вышел, чувствуя облегчение. Дело, занимавшее несколько месяцев, наконец получило решение. Однако он не питал иллюзий относительно дальнейшего исполнения. Теперь предстояло написать грамоты, разослать распоряжения, получить ответы, проверить возвращение лошадей и взыскание излишне взятого. Кто-нибудь непременно попытается доказать, что действовал по необходимости. Другой станет ссылаться на прежнее распоряжение. Третий объявит, что виноват человек, уже давно оставивший службу. Работа ещё не закончилась. Матвей вернулся к своему столу и велел Луке приготовить чистую бумагу.

— Пиши.

Подьячий обмакнул перо. Матвей начал диктовать. За окном светило весеннее солнце. С крыш капала талая вода, во дворе оживлённо переговаривались служители. Где-то стучали плотники, ремонтировавшие повреждённую за зиму постройку. Вскоре к двери подошёл новый проситель. Лука поднял голову.

— Чего тебе?

Человек поклонился и назвал своё дело. Матвей велел ему подождать. На столе ещё лежали записи, которые требовалось закончить. Великая княгиня Елена в те весенние дни всё чаще выходила с детьми в тёплые светлицы. Юрию исполнилось пять месяцев. Он заметно под-

рос, но оставался более спокойным ребёнком, чем Иван в том же возрасте. Младший любил, когда его держали на руках, охотно засыпал после кормления и редко требовал внимания так настойчиво, как некогда первенец. Елена не придавала этим различиям особенного значения.

Елена знала, что дети растут неодинаково: один раньше встаёт, другой быстрее произносит первые слова, третий охотнее следит за людьми. Но иногда, наблюдая за младшим, она испытывала смутное беспокойство. Юрий в этот день не обернулся, когда она позвала его из-за спины; зато сразу улыбнулся, едва мать наклонилась к нему. Она рассказала об этом Ульяне, сама не понимая, почему небольшая случайность так прочно засела в памяти. Постельница некоторое время наблюдала за ребёнком.

— Мал ещё, государыня.

— Иван в его возрасте уже на всякий голос поворачивался.

— Иван и спать не давал. А этот спокойный.

— Всё-таки тревожно мне. Не пойму, отчего иногда на зов не отзывается.

Ульяна не стала уверять, будто тревога напрасна.

— Понаблюдаем, — сказала она. — Не всякое дитя одинаково на свет приходит.

Елена кивнула. Она не хотела заранее пугать мужа подозрениями, которые могли оказаться необоснованными. Но с того дня стала внимательнее следить за поведением Юрия. Иван же воспринимал младшего брата как существо, которое наконец должно было научиться играть. Он ежедневно приносил к его колыбели игрушки, показывал деревянных коней, небольшие фигурки людей и животных, пытался объяснить, как ими пользоваться. Юрий смотрел на старшего брата и иногда улыбался, но брать предложенную вещь мог лишь тогда, когда её подносили совсем близко. Это раздражало Ивана.

— Не хочет, — жаловался он матери.

— Ещё мал.

— Когда большой будет?

— Подрастёт.

— Завтра?

— Не завтра.

Мальчик вздыхал и принимался играть один. Однако вскоре снова возвращался к брату. Особенно ему нравилось, когда Юрий хватал его за палец. Иван считал это признаком расположения и всякий раз торжественно сообщал матери, что младший брат его узнал. Однажды Василий пришёл в покои Елены раньше обычного. Иван сидел на ковре и строил из небольших деревянных брусков что-то, напоминавшее стену. Постройка уже несколько раз рушилась, но мальчик упрямо начинал заново. Василий остановился возле него.

— Что делаешь?

— Город.

— Какой?

Иван задумался.

— Большой.

— Москва?

— Москва!

Мальчик обрадовался подсказке и поспешно поставил ещё один брусок. Василий присел рядом.

— А ворота где?

Иван оглядел свою постройку. Ворота он не предусмотрел.

— Тут, — сказал наконец и убрал один из нижних брусков.

Стена немедленно обрушилась. Мальчик замер. Потом сердито стукнул ладонью по ковру.

— Упала!

Василий не стал смеяться. Он поднял один брусок и поставил его на место.

— Смотри. Если снизу убрать, верхнему не на чем держаться.

Иван внимательно наблюдал. Отец установил два бруска по сторонам, сверху осторожно положил третий.

— Вот теперь ворота.

Мальчик наклонился.

— Можно ехать?

— Можно.

Иван схватил деревянного коня и попытался провести его через отверстие. Игрушка оказалась слишком широкой, задела верхний брусок, и стена снова рухнула. На этот раз мальчик не рассердился. Он посмотрел на отца.

— Ещё.

Василий помог ему поставить бруски шире. Теперь конь прошёл свободно. Иван радостно засмеялся. Елена наблюдала за ними с соседней скамьи.

— Ты его теперь и городам строить учишь?

— Он сам строит.

— Вижу. Только теперь без тебя не обойдётся.

Василий улыбнулся.

— Обойдётся. Попробует несколько раз и научится.

Он поднялся, оставив сыну бруски. Иван принялся строить другую стену, на этот раз стараясь оставить место для ворот. Великий князь подошёл к колыбели Юрия. Младший сын не спал. Он лежал, повернув голову к свету, и медленно двигал руками. Василий осторожно коснулся его щеки.

— Здравствуй, Юрий Васильевич.

Младенец посмотрел на отца. Василий улыбнулся.

— Большой стал.

Елена подошла ближе.

— Растёт.

Он взял ребёнка на руки.

— А Иван где?

— Город строит.

Василий посмотрел на старшего сына. Тот уже почти завершил постройку, но теперь пытался поставить над воротами ещё несколько брусков.

— Иван, — позвал отец.

Мальчик повернулся.

— Что?

— Иди сюда. Брату покажись.

Иван подошёл.

— Юра!

Младенец не повернул головы. Старший брат нахмурился.

— Не повернулся.

Елена почувствовала знакомую тревогу.

— Он на тебя смотрит, Иванушка. Подойди ближе.

Мальчик приблизился. Юрий заметил его лицо и улыбнулся. Иван немедленно обрадовался.

— Узнал!

— Узнал, — согласился Василий.

Елена молчала. Она не хотела нарушать радость мужа и старшего сына, но всё ещё прислушивалась к собственным сомнениям. Василий передал младенца кормилице и повернулся к жене.

— Что с тобой?

— Ничего.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Устала?

— Немного.

— Тогда сядь.

Она послушалась. Но, когда Василий присел рядом, тихо сказала:

— Мне за Юрия тревожно.

— Отчего?

Она рассказала о своих наблюдениях. Великий князь не стал немедленно возражать. Смотрел на младшего сына, затем спросил, что говорят женщины, постоянно находящиеся возле ребёнка.

— Уверяют, что мал ещё, — ответила Елена.

— Может, и правда.

— Может.

Василий взял её за руку.

— Позовём людей, которые в детских болезнях сведущи. Пусть посмотрят.

Елена кивнула. Ей стало легче оттого, что муж не отмахнулся от её тревоги и не попытался успокоить одними словами. Василий помолчал, затем добавил:

— Только не станем заранее дурного ждать.

— Я и не жду.

— Знаю.

Он осторожно сжал её руку. Иван тем временем закончил строительство. Небольшая стена стояла неровно, один брусок заметно выступал, другой лежал косо, но ворота получились достаточно широкими, чтобы через них проходил деревянный конь. Мальчик поднялся.

— Батя, смотри!

Василий повернулся.

— Хорошо сделал.

— Сам!

— Сам.

Иван гордо выпрямился. Потом взял коня и провёл его через ворота. Постройка устояла. Мальчик засмеялся. Василий улыбнулся ему, но мысли великого князя ещё оставались возле младшего сына. В апреле дороги начали просыхать. На торговых улицах становилось всё многолюднее. Купцы, задержавшиеся зимой в Москве, собирались в путь. По рекам готовили суда, на пристанях приводили в порядок снасти, грузили товары. На посадах чинили деревянные настилы, очищали дворы, поправляли изгороди. Фома тоже готовился к весенней работе.

В кузнице вновь накопились заказы. Требовалось изготовить новые железные части для плугов, починить несколько тележных колёс, подготовить инструменты для людей, собиравшихся на строительные работы.

В один из вечеров к нему пришёл Никита с тревожной вестью.

— Мастер, возле ворот люди спрашивают.

— Какие?

— Служилые. Говорят, по государеву делу.

Фома нахмурился. Он не любил, когда государевых людей приводили к нему без предварительного предупреждения. Вскоре в кузницу вошёл знакомый дворцовый служитель.

— Ну что, Фома, — сказал он, — опять работа есть.

Кузнец вытер руки.

— Какая?

— Железо для ворот надо приготовить.

— Для тех, что зимой чинил?

— Нет. Для других. И ещё замков несколько.

Фома велел Никите принести образцы железа и начал расспрашивать о размерах. Служитель долго объяснял, что именно требуется, то и дело путая названия деталей. Фома терпеливо слушал, затем взял уголь и начертил на доске несколько линий.

— Вот так?

— Похоже.

— А здесь крепление какое?

Человек задумался.

— Не знаю.

— Тогда завтра пойдём смотреть. Иначе опять переделывать придётся.

Служитель согласился. Когда разговор закончился, Фома неожиданно вспомнил старосту Гаврилу.

— А что с теми людьми, которые зимой припасы искали? — спросил он.

— С какими?

Кузнец рассказал. Служитель подумал.

— Слышал что-то. Велено было разбираться. Говорили, лишнее возвращать станут.

— Вернули?

— Почём мне знать?

Фома кивнул. Он понимал, что человек не обязан помнить каждую жалобу, проходившую через государев двор. Но вечером, когда рассказал о разговоре жене, Аксинья неожиданно спросила:

— А если бы у нас последнюю лошадь увели?

Фома рассмеялся.

— У нас её отродясь не было.

— Вот потому и спрашиваю. Мы без лошади живём, а тем людям как?

Он задумался.

— Не знаю.

— А ты говорил, справедливость искать надо.

— Искать.

— И находят?

Фома посмотрел на жену.

— Иной раз находят.

Она ничего не ответила. Он взял с лавки кусок кожи, предназначенный для починки старых рукавиц, и принялся за работу. Однако мысль о Гавриле не оставляла его. Кузнец помнил, как старик сидел возле дворцовой стены, растирая больное колено. Помнил, как тот благодарил за кусок хлеба, хотя сам наверняка прежде не раз кормил людей в своём доме. Фоме хотелось верить, что староста уже вернулся к семье и больше не должен ездить в Москву из-за пропавших в чужих записях возов. Но проверить это он не мог.

В один из последних тёплых майских дней Василий Иванович велел приготовить лошадей для поездки по окрестным великокняжеским владениям. Предстояло осмотреть несколько хозяйственных дворов, переговорить с управляющими и проверить, как выполняются распоряжения о весенних работах. Великий князь решил взять с собой Ивана. Елена поначалу возражала.

— Ему ещё рано целый день в седле сидеть.

— Не целый день. Посажу перед собой ненадолго. А остальную дорогу повезут в повозке.

— Смотри, чтобы не простудился.

— Тепло нынче.

— Утром холодно.

— Укроем.

Она покачала головой, но спорить не стала. Иван, узнав о поездке, пришёл в такой восторг, что всю предыдущую ночь несколько раз просыпался и спрашивал, готова ли лошадь. Утром его одели в тёплый кафтан, помогли надеть небольшие сапожки и вывели во двор. Василий уже ожидал. Возле него стоял спокойный гнедой конь, привыкший к шуму, людям и долгим поездкам. Двое конюхов проверяли подпругу и поводья. Иван подбежал к отцу.

— Батя, поедем?

— Поедем.

— На коне?

— Немного.

Мальчик протянул руки. Василий поднял его и посадил перед собой, крепко удерживая. Конь переступил с ноги на ногу. Иван вздрогнул, затем засмеялся.

— Идёт!

— Пока стоит.

— Сейчас пойдёт!

Василий тронул поводья. Конь медленно двинулся по двору. Иван замолчал. Он смотрел вперёд, широко раскрыв глаза. С высоты седла всё казалось другим: люди ниже, земля дальше, ворота гораздо меньше, чем прежде. Даже знакомые дворцовые строения теперь выглядели необычно. Василий осторожно придерживал сына.

— Не бойся.

— Не боюсь.

— Крепко сиди.

— Сижу.

Они проехали вдоль двора, затем повернули обратно. Иван пришёл в восторг.

— Ещё!

Василий держал Ивана впереди себя в седле, пока конь медленно шёл по ровной дороге. Мальчик ощущал движение сильного животного всем телом, ловил руками повод и пытался подражать отцу. Василий показал, как держать спину и почему нельзя внезапно дёргать коня за узду; затем передал сына женщине в повозку. Иван возмущался, но скоро отвлёкся на появившиеся у дороги деревни. С края дороги виднелись полосы недавно вспаханной земли, возле некоторых дворов сушили сети, а над крышами поднимался дым: полевой день начинался раньше государева.

У ручья поезд остановился. Мост после весенней воды стоял перекошенный. Часть старого настила разобрали, на берегу лежали сырые брёвна, плотники пытались подвести к опорам длинную тёсаную балку. Государев управляющий докладывал, что работы идут медленно из-за недостатка сухого леса. Василий спешился и подошёл к краю настила. Плотники, заметив его, растерялись: никто не ожидал, что сам князь станет смотреть, куда они ставят клинья.

— Почему леса нет? — спросил Василий у управляющего.

Тот начал объяснять, что возы задержались на других работах. Великий князь потребовал назвать, на каких именно, и выяснилось, что несколько подвод отправили поправлять постройки возле государева двора, хотя проезд через ручей требовался для хлебных возов. Василий велел прежде закончить мост. Один из плотников, пожилой человек с обожжёнными солнцем щеками, промолчал, но его товарищ вздохнул с облегчением: при новом порядке они могли рассчитывать скорее вернуться к своим хозяйствам.

В это время Иван выбрался из повозки. Приставленная женщина удерживала его возле дороги, но мальчик уже заметил плотников и требовал посмотреть работу поближе. Василий

взял сына за руку. Они остановились в стороне, где не мешали людям поднимать балку. Один плотник поскользнулся на мокрой земле, другой успел подхватить его за пояс. Работники выругались, затем продолжили дело. Иван засмеялся, но отец остановил его: человеку было бы больно упасть в холодную воду, а смеяться над чужой бедой не следует.

Мальчик долго следил, как брёвна ложатся на опоры и как в щели забивают деревянные клинья. Когда плотники наконец выровняли балку, он хлопнул в ладоши. Василий показал ему свежий срез дерева, указал на камни, которыми укрепляли подмытую часть берега, и объяснил простыми словами, зачем нужен мост. Иван попытался переступить к самому краю, но отец крепко удержал его за плечо.

— Батя, ты сделал мост? — спросил мальчик, когда они пошли к повозке.

Василий оглянулся на плотников. За те несколько мгновений, что он стоял рядом, люди успели вспотеть, одежда у них намокла, пальцы покраснели от сырой древесины. Он мог приказать им работать быстрее, но не мог собственными руками поднять тяжелую балку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.